

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 11 (26)

ноябрь, 2018

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вашему вниманию представлен ноябрьский, юбилейный номер литературно-исторического журнала «Александръ». В этом году отмечается значимая для Союза писателей России дата – 60-летие образования. На протяжении 2018 года проходили различные мероприятия, организованные президиумом Союза. А одним из самых важных событий стала закладка Сада Шолохова в станице Каргинской, инициатором которой выступил ваш покорный слуга.

Осенний месяц ноябрь является особенно значимым для коллектива журнала по причине того, что 23 ноября отмечается день рождения замечательного человека, великой поэтессы и прекрасной женщины Ларисы Васильевой. Именно по этой причине мы открываем нынешний номер неизданными произведениями Ларисы Николаевны.

В целом же отличием этого номера является то, что на его страницах опубликованы произведения членов Союза писателей России, т.е. профессиональных литераторов, и мы постарались показать всё разнообразие жанров и талантов современной русской литературы.

Дорогие коллеги!

Хочется пожелать, чтобы ваши произведения всегда вдохновляли и волновали искренностью и светлой аурой. Много-много добра вам, осуществления самых заветных желаний и успешного воплощения в жизнь всех творческих замыслов. Пусть рядом с вами будут только добрые люди, в сердце всегда царит тёплая, счастливая весна. Божьего благословения и удачи на длинной дороге жизни!

***Директор и главный редактор
Анатолий ТРУБА***

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Конечно же, мы – те, у кого в детстве сидели на коленях.

Какие сказки слушали и какие песни пели, какие читали книги и кто был героем этих книг – от этого глубина нашего рода, наполненность собственной биографии.

Союз писателей России в силу ряда причин возник лишь после того, как аналогичные творческие организации уже были созданы во всех союзных республиках. Декабрь 1958 года продекларировал создание СРП РСФСР.

Отсюда идёт наше официальное летоисчисление. Лишнего не надо, но и ни одной страницы собственной истории не отдадим. Мы ниоткуда не выходили, мы не переименовывались в угоду политическим страстям, но и никого и ничего не предавали. Наши предшественники, в первую очередь руководители писательского Союза Л. Соболев, С. Михалков, Ю. Бондарев, В. Ганичев, создали такой организационный и нравственный фундамент, заложили такие основы Союза, что они прошли проверку не просто временем, а переломными годами новейшей истории страны.

Это праздник всех, кто носит звание писателя России. Праздник любителей слова и книги. Он, конечно, по календарю быстро пройдёт, но мы вновь сядем за письменные столы и склонимся над чистым листом бумаги, задумаемся над первой фразой ради того, чтобы творческий процесс никогда не прерывался.

**С 60-летием Союза писателей России!
Честь имеем!**

Николай ИВАНОВ,
председатель правления
Союза писателей России

Данный журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,
член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Редколлегия:

шеф-редактор А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Е. В. БАРАБАНИЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 11 (26), ноябрь 2018 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.11.2018

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ВЕЧНОЕ

6 Лариса ВАСИЛЬЕВА. Я открыла весну и плакучую осень...

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

10 Валентина КОРОСТЕЛЁВА.
«Пусть впереди большие перемены...»

МАЛАЯ РОДИНА

19 Андрей БАБОЖЕН.
Сторона моя лихая

ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ

22 Владимир ГАЗЕТОВ. Максим ВЕТРОВ. Элита русской императорской гвардии

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

34 Натали ДОНЧ

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

37 Николай ПЕРЕЯСЛОВ.
Судьба похлеще, чем роман

48 Владимир НАРБУТ

ПОЭЗИЯ

49 Виктор КАРПУШИН.
В предчувствии снегов

КЛАССИКА

52 Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА.
Русский крест Ивана Тургенева

ЖИТЕЙСКОЕ

56 Елена ЛУКАНКИНА.
Нежданный лист

57 Сергей ТИМШИН

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

60 Вадим КУЛИНЧЕНКО.
Как меняются времена?!
Флотские учения

ДОРОГАМИ АФГАНА

66 Павел МАЛОВ.
Змея

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

73 Ольга ФОКИНА.
Четыре истины

76 Максим САФИУЛИН

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

78 Юрий Поляков.
Разнородцы

80 Неувязочка

ЗАВЕТАМИ ПРЕДКОВ

83 Валерий ЛАТЫНИН.
Казак Сталин

ДЕБЮТ В ЖУРНАЛЕ

88 Владимир САМОРОДОВ.
Ключ

90 Стул

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

92 «Александръ» объединяет творчество

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

94 Сад Шолохова

Лариса ВАСИЛЬЕВА

23 ноября – день рождения Великой Женщины.

Я открыла весту и плакучую осень...

* * *

Люблю!
И всё на свете смею.
Люблю!
И больше нет меня.
Ты есть!
Скажи: в огонь! – сумею,
Живая выйду из огня.
Мир отступает суетливо,
Под каблуком земля горит...

А мама смотрит сиротливо
И ничего не говорит.

* * *

Где река изогнулась, сверкая
Синевой обнажённых небес,
Где вбежала осина нагая
В тёмно-синий игольчатый лес,

Где над жёлтым песчаным обрывом
Тёмно-красная крыша видна,
Где внезапного ветра порывом
Растрожена тишина –

Двое шли,
приближаясь друг к другу;
И на миг затаилась земля,
Дуб приподнял повисшую руку,
Наклонили листву тополя.

Вся природа нам полог вязала
Из ветвей, из воды, из огня...
Всё, чтоб я тебя сразу узнала,
Ты – мгновенно увидел меня.

* * *

Я вброд переходила реку.
Мне было восемнадцать лет.
Я улыбалась человеку,
Которого на свете нет.

Красавцем был он иль уродом,
Я не припомню, не пойму,
Мне вся земля казалась бродом,
Когда бежала я к нему.

Шёл вечер. И луна светила
Лучом холодного огня,
И чем я ближе подходила,
Тем дальше был он от меня.

Перепелица тонко плачет
Свою пернатую беду.
Кто скажет, что всё это значит, –
Я до сих пор к нему иду!

* * *

Я открыла весну и плакучую осень,
И в глазах твоих добрую силу открыла,
И тревожные песни тоскующих сосен –
Я открыла всё то, что давно уже было,

Что другие давно до меня открывали,
Что другие потом в суете забывали,
Что веками земля щедро людям дарила.
Я опять всё нашла.
Я опять всё открыла.

* * *

Четыре темы у меня,
Четыре мрака и огня:
Любовь, судьба, война, мечта;
И каждая простым-проста,
И каждая старым-стара,
Предмет гусиного пера
И камня острого предмет,
Что на стенах оставил след.
Всё сказано давным-давно,
Всё выяснено, решено,
Зачем, когда темным-темно,
Четырежды стучат в окно.
Я отворяю, я горю,
Не повторяю, а творю
Свой мир – четыре стороны
Любви, судьбы, мечты, войны.
О, я уверена вполне,
Что нечего бояться мне
Их вечности. Не потому,
Что лучше всех я их пойму,
Точнее всех о них скажу:
Единожды живу, дышу,
И сердце у меня одно –
Неповторимое оно,
Владеет голосом моим,
И голос мой неповторим
Не потому, что так хорош,
А потому, что непохож
Ни на кого... Года пройдут
И новый голос приведут,
И для него начнётся вновь:
Судьба, мечта, война, любовь...

* * *

Пока идёшь – надышишься,
Зарёю не запить,
Пока живёшь – наслышишься,
Не знаешь, как забыть.

Пока живёшь – измучишься:
Как тропка проведёт?
Где разуму научишься –
Там сердце пропадёт.

* * *

Никто не жалеет, все жалости просят,
Бывает минута, досада возьмёт:
Когда поумнею?

Жестокая проседь
Над жёсткой морщиной ума не даёт.

Прочь, тихая дума о мягком покое.
Не спрячется сердце в еловой тиши.
Во мне отпечаталось время такое:
Посмей,
Полюби,
Помоги,
Подскажи!

В безбрежное море иду без опаски.
Счастливая, тянутся люди ко мне.
Кому-то нужны неразумные сказки
И дар – не сгорать в беспощадном огне.

* * *

В осенний лог тропа ведёт полого.
Вот ворон сел у трупца соловья.
Родной порог.
Далёкая дорога.
И трепет сердца – это жизнь моя.

Да, мал наш срок.
Да, бесконечно долог.
Смешон и глуп,
Серьёзен и велик
Грохочущий и еле слышный волок:
То вкривь, то вкось, назад и напрямик.

Над каждым время крыльями сомкнётся:
Забыт, засыпан, нем и недвижим,
Но свет любви избранника коснётся,
Как дар Вселенной, что непостижим.

И счастлив тот, чьё горе и тревога
Весёлым пели пламенем в крови...
Родной порог.
Далёкая дорога.
И сердце, подчинённое любви.

* * *

Рассеку волну крутую,
Ветер разозлю,
Лодку оттолкну пустую,
Вёсла утоплю.

И, резка, простоволоса,
В гору поднимусь,
Стану на краю откоса,
К солнцу повернусь.

За спиной века и беды,
Впереди – века.
Что ж, во мне огонь победы
И душа легка.

И откуда искра Божья,
И зачем она
В этом мире бездорожья,
Как судьба, дана?

Не искать, укрыться где бы,
А кого б укрыть,
И не вниз с откоса – в небо,
Так дано мне жить.

* * *

И как ни примеряю строго,
Чтоб было всё с руки, с ноги,
А вот ботинки жмут немного,
А рукавицы велики.

То из чего-то вырастаю,
А то никак не дорасту.
То сложность мира постигаю,
То постигаю простоту.

Уже морщина, как лощина,
На белом взгорье лба видна,
А жизнь – то клюква, то малина,
То волчья ягода одна.

Живу. Души не занимаю.
От жизни я не прячу глаз,
Но ничего о ней не знаю,
И каждый день – как в первый раз.

* * *

Восходят над туманами года,
И звон в ушах от гуда-перегуда,
И я иду, не ведаю куда,
Чтоб возвратиться, ведая откуда.

А мне ещё метаться, и гореть,
И обжигаться прошлогодним снегом,
И, женщиной родившись, умереть
Испытанным, суровым человеком.

* * *

*...Что вы думаете о том, что ваша
девичья фамилия – Кучеренко,
а Анны Ахматовой – Горенко?
Записка из зала*

Пусть говорят, что я не вышла рожей
Пред благородной линией лица,
Я не хочу быть на неё похожей,
Мне счастье – быть похожей на отца.

Мне хорошо не знать её давление,
Не ощущать в себе её рабу,
Не вписывать судьбу в стихотворенье –
Стихотворенье вписывать в судьбу.

Но почему так много общих знаков
В двух наших жизнях, бывших далеко? –
И этнос получился одинаков,
Отцовские фамилии на «ко»,

И матерей нежнейшие приметы,
И горечь в пониманье сыновей,
И не герои – серые предметы,
Там, где любовь, где нет дороги к ней?!

Ответа я не знаю. Справа, слева –
Повсюду всё же чудится ответ:
– Она без королевства королева,
А ты хозяйка, но хозяйства нет.

* * *

Не верьте, что поэт – звезда,
Летящая невесть куда,
Непредсказуемое чудо,
Летящее невесть откуда.

И всё-таки поэт – звезда,
Летящая невесть куда,
Летящее невесть откуда
Непредсказуемое чудо.

* * *

И – непременно развязка:
Ночи разверзнутый зев.
Смерть – это белая сказка,
Вечности снежный напев.

Грустно, что больше не буду
Видеть земли бытие..
Здравствуй, великое чудо –
Исчезновенье моё!

Валентина КОРОСТЕЛЁВА (СУНЦОВА)

Окончила Литературный институт им. Горького. Стихи, а позднее рассказы и очерки о русских писателях публиковались во многих «толстых» и «тонких» журналах, звучали на радио. К 2018 году издано 20 книг (в том числе в Болгарии), из них 11 поэтических. Член Союза писателей России, лауреат литературных конкурсов имени Андрея Платонова и Алексея Толстого, «Добрая лира», «Литературная Вена», «Слово-2017», а также имени Фёдора Тютчева и Андрея Белого. Заслуженный работник культуры РФ.

«Пусть впереди большие перемены...»

Как ни крути, а имя Владимира Высоцкого вошло прочно не только в нашу память, но и в сегодняшний день, и главным образом песнями – по крайней мере для большинства людей в России.

Я не буду утверждать, в отличие от многих поклонников творчества Высоцкого, что он – великий поэт. Да и он сам, уверена, был бы против. Хотя эпитетом этим нынче грешат сплошь и рядом. На творческих вечерах, дабы угодить герою дня, порой превозносят его до небес, не боясь выглядеть нелепо. А у бедного

читателя или слушателя уже и мозги вкось: что-то нового Пушкина не видно, а великих – хоть пруд пруди, хотя большинство «шедевров» и просто до поэзии не дотягивают. До настоящей поэзии, когда замирает сердце от силы пленяющего слова...

Я бы связала имя Высоцкого с тем, что называется Личностью. Это проявляется и в самой его поэзии, и в ролях в театре и кино, и во влиянии на умы и сердца современников, которое трудно переоценить. В данном случае речь пойдёт, конечно же, о Слове (чаще

всего это песни поэта-барда), ведь оно уже стало явлением в нашей культуре и требует особого разговора.

А начинал он, как обычный в те годы самодельный исполнитель, достаточно немудрёными, но ещё и с блатным душком песнями – в пикну официальной культуре, бывшей под острым каблуком цензуры. И потому какое-то время Высоцкий, по крайней мере для обывателя, мало чем отличался от доморощенных дворовых артистов.

*Сколько лет, сколько лет –
Всё одно и то же:
Денег нет, женщин нет,
Да и быть не может.*

*Сколько лет воровал,
Сколько лет старался,
Мне б скопить капитал –
Ну а я спивался.*

*...Только – водка на троих,
Только – пика с червой, –
Комом – все блины мои,
А не только первый.
(«Сколько лет, сколько лет...»)*

Хотя нельзя было не заметить уже тогда его талант. Тривиальный сюжет он умел подать ярко и остроумно, примером могут послужить «Ах, чёрная икорочка», «Наводчица» и другие песни этой тематики. И уже тогда в каждой строчке чувствовалось желание о многом говорить по-своему...

И вот я в Москве, в театре на Таганке (каким-то чудом достала билет), а на сцене – Высоцкий в роли Хлопуши из есенинского «Пугачёва»... И как кульминация знаменитый монолог с финальными строками:

*Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека!*

И через тридцать лет слышу эти слова – из глубин страстной и сильной души, вижу Хлопушу-Высоцкого в разорванной от скитаний одежде, бросающегося в отчаянном

порыве на туго натянутый канат, преграждающий путь к атаману... В тот день я поняла, какой ещё и громадный актёрский дар у этого человека. Потом уже видела и фильмы с его участием, но более сильного впечатления, чем от того театрального вечера, не припоминаю.

Параллельно стал раскрываться Высоцкий-бард – тот, каким его полюбили сотни, тысячи, а позднее и миллионы людей на всём громадном пространстве Советского Союза. И о чём бы он ни пел – о любви к Марине Влади, о бюрократах-чиновниках, о подвиге народа в войну, – всё это исходило из самых глубин страсти и ума, на уровне обнажённых (и обожжённых жизнью самой!) нервов.

*Вцепились они в высоту, как в своё.
Огонь миномётный, шквальный...
А мы все лезли толпой на неё,
Как на буфет вокзальный.*

*И крики «ура» застывали во рту,
Когда мы пули глотали.
Семь раз занимали мы ту высоту –
Семь раз мы её оставляли.*

*И снова в атаку не хочется всем,
Земля – как горелая каша...
В восьмой раз возьмём мы её насовсем –
Своё возьмём, кровное, наше!*

*А может, её стороной обойти –
И что мы к ней прицепились?!
Но, видно, уж точно – все судьбы-пути
На этой высоте скрестились.*
(«Высота»)

За свои высоты, как и за успех у слушателей, он дорого платил: отчаянием перед всемогущей чиновничьей машиной, не устающей вставлять палки в колёса и его творчества, и любимой «Таганки»; нервными срывами, драмами как в актёрской, так и в личной жизни. К слову сказать, и в Союз писателей его не хотели ни за что принимать, хотя втайне с удовольствием крутили его песни, которые без стихов, как известно, не бывают. Но могучий

дух этого неказистого внешне человека воскрешал его снова, и миллионы людей слышали от него то, что хотели услышать, чем болели сами. И от души смеялись, когда смеялся он. Чего стоит только «Диалог у телевизора»:

*Ты, Зин, на грубость нарываешься,
Всё, Зин, обидеть норовишь.
Тут за день так накувыркаешься,
Придёшь домой – там ты сидишь!*

И даже в не менее известной «Утренней гимнастике» столько доброго юмора и оптимизма! А ведь многие его до сих пор считают человеком более чем колючим. Хотя и этого было в нём с лихвой, когда давили на душу обстоятельства.

*...Ну всё – теперь, конечно, что-то будет.
Уже три года – в день по пять звонков.
Меня к себе зовут большие люди,
Чтоб я им пел «Охоту на волков».
(«Прошла пора вступлений и прелюдий»)*

Думаю, вряд ли бы эти самые «большие люди» стали приглашать Высоцкого с такими песнями, как «А люди всё роптали и роптали», где явный намёк на социальную несправедливость в обществе, на то, что стало нормальным, когда вроде все равны, но некоторые, а их немало, «равнее других».

*...Им снова объяснил администратор:
«Я вас прошу, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, – ведь это ж делегаты,
А вы, прошу прощенья, кто такие?»*

*А люди всё роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли –
А те, кто сзади, нас уже едят...»*

В обществе всегда, по крайней мере на нашей памяти, было два пласта культуры: официальный и, так скажем, неформальный. И чем напряжённей социальная обстановка в стране, тем мощнее и опаснее для власти становился второй пласт. Высоцкий велением

времени и таланта был выброшен запросом общества на самый гребень волны, предвещающей «большие перемены».

В знаменитой песне «Я не люблю», кажется, ничего такого крамольного, гораздо больше личного отношения к тем или иным вещам, чуждым автору. Но в том-то и секрет, что Владимир Семёнович поёт о них с такой непримиримой страстью, что любой даже не столько умом, сколько сердцем понимал, что строки эти – только айсберг в сравнении с тем, о чём и о ком на самом деле поётся в песне. Здесь музыка – мощный усилитель содержания, и в этом отличие поэзии Владимира Семёновича от привычных нам стихов даже самых больших поэтов. Осознанно или нет, Высоцкий реально обогатил нашу поэзию новой формой её подачи и воздействия на слушателя и читателя, который про себя всё равно пропевает голосом поэта его строки.

*...Я не люблю открытого цинизма,
В восторженности не верю, и ещё
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.*

*...Я не люблю уверенности сытой,
Уж лучше пусть откажут тормоза!
Досадно мне, коль слово «честь» забыто
И коль в чести наветы за глаза.*

*...Я не люблю себя, когда я трушу,
Досадно мне, когда невинных бьют,
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более когда в неё плюют.*

*Я не люблю манежи и арены,
На них миллион меняют по рублю,
Пусть впереди большие перемены,
Я это никогда не полюблю.*

Но понятно, что не всегда и не везде можно было выходить с песнями или стихами, где строки били, что называется, в лоб. И это заставляло Высоцкого искать иные формы выражения, прятать за иронией или явным юмором какие-то важные вещи, предназна-

ченные для людей, умеющих услышать и то, что за строками.

Вот песня «О слухах». В те годы Высоцкий, наверное, был чемпионом по числу слухов о себе самом. Учитывая его драматические перипетии как в творческой, так и в личной жизни, удивляться не приходится. Но слухи слухам рознь. У любого слуха есть подруга – фантазия. И тут уже всё зависит от её автора. Вот почему до сих пор возникают споры вокруг его имени в зависимости от того, кто чему поверил. А тогда эти слухи могли и ударить больно, и застрять в сердце нешуточной обидой, в отличие от такой вроде безобидной песни:

*...И поют друг другу шёпотом ли, в крик ли.
Слух дурной всегда звучит в устах кликуш.
А к хорошим слухам люди не привыкли
(почему-то),
Говорят, что это выдумки и чушь.*

*Словно мухи, тут и там ходят слухи
по домам,
А беззубые старухи их разносят по умам.*

*Закалённые во многих заварухах,
Слухи ширятся, не ведая преград.*

*Ходят сплетни, что не будет больше
слухов (совершенно).
Ходят слухи, будто сплетни запретят.
Но... словно мухи, тут и там ходят слухи
по домам,
А беззубые старухи их разносят по умам.*

Известный, популярный... Таких и есть, и будет немало. Высоцкий же сгорал на огне искренности и правды – такой щемящей, такой необходимой людям, что поневоле становилась частью их самих...

*...Сколько павших бойцов полегло
вдоль дорог –
Кто считал, кто считал!..
Сообщается в сводках Информбюро
Лишь про то, сколько враг потерял.
(«Сколько павших бойцов полегло вдоль
дорог...»)*

И вот тут хочется сказать, может быть, о главном. Несмотря на более чем драматические обстоятельства судьбы, способные выбить из колеи даже очень стойкого человека, Высоцкий выстоял благодаря жёсткому, не тронутому ветрами времени стержню, который можно обозначить как непреклонное и постоянное чувство верности тем, кто защищал отечество в годы Второй мировой, кто – каждый по-своему – брал так или иначе свою высоту мужества ради главной победы над врагом. Судя по тому уважению к поэту-барду, что не тускнеет с годами, именно эта верность подвигу народа и сохранила для нас само имя Владимира Высоцкого, и подняла в сознании людей его песни на ту высоту, что явлена сегодня и молодому поколению. К слову, поэт и родился в семье военного, участника войны, так что не с неба слетело это благодарное чувство к фронтовикам.

Естественно, это не умаляет многогранности его поэзии, разнообразия тем и мотивов, языковых особенностей его произведений, ставших по-настоящему популярными, причём на десятилетия. Что касается песен о войне, то этот список уже своей объёмностью говорит о многом. Назову только некоторые, наиболее известные: «Мы возвращаем Землю», уже упомянутая «Высота», «Сыновья уходят в бой», «Так случилось – мужчины ушли...», «Братские могилы», «Штрафные батальоны» и другие. Конечно, с точки зрения поэтического мастерства они далеко не равноценны (при таком жизненном накале не было времени досконально выверять гармонию каждой строки, каждого слова), но всё компенсировалось страстным отношением к этой теме, к великому духовному и физическому подвигу народа ради Победы.

*...Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче – гранитные плиты,
Здесь нет ни одной персональной судьбы –
Все судьбы в единую слиты.*

*А в Вечном огне видишь вспыхнувший
танк,
Горящие русские хаты,*

*Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.*

*У братских могил нет заплаканных вдов,
Сюда ходят люди покрепче.
На братских могилах не ставят крестов,
Но разве от этого легче?..
(«Братские могилы»)*

И даже знаменитая «Вершина» фактически сравнивается с той, которую брали наши солдаты в ежедневных боях за родную землю.

*Здесь вам не равнина, здесь климат иной –
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревьт камнепад.
И можно свернуть, обрыв обогнуть,
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа...*

Не случайно так любили Высоцкого фронтовики. Вот несколько строк из воспоминаний легендарного маршала авиации Ивана Кожедуба, трижды Героя Советского Союза: «В театре мы и познакомились. Договорились, что он споёт для моих сослуживцев. Володя сдержал слово. И я впервые услышал его живого, не в записи. И был просто потрясён. Такая сила, такая мощь и в то же время столько души было в его песнях, что равнодушным к ним мог оставаться только очень уж безразличный человек. Я тогда сказал ему: "Ну ты прям по-истребительски поёшь!" А он ответил, что так его песни ещё никто не оценивал. Да что я – жизнь оценила его песни по самому высокому счёту. Других таких я не знаю».

Говоря о секретах успеха Высоцкого «на просторах родины чудесной», надо отметить и музыкальное разнообразие его песен. И мелодия, и язык, и само исполнение порой на острие нервов – всё работало на произведение, оставаясь, как показало время, не только в памяти, но и в сердцах уже не одного поколения.

Но живущее на пределе сердце не могло гореть слишком долго. И его уход стал для миллионов почитателей неожиданным и горьким.

Прошли годы, Советский Союз сузился до границ России, а там и вовсе «отдал концы». Для меня нет сомнений, как бы вёл себя сегодня Владимир Семёнович, на чьей стороне бы «воевал». Думаю, и для истинных его поклонников это тоже ясно. Трудно назвать более страстного врага любой лжи и любой фальши – чем ныне отнюдь не бедно наше общество.

*Мелодии мои попроще гамм,
Но лишь сбиваюсь с искреннего тона –
Мне сразу больно хлещет по щекам
Недвижимая тень от микрофона.
(«Я весь в свету...»)*

Высоцкий бы снова был востребован самой жизнью. Не случайно многие из его песен остаются актуальными поныне. Включите радио в конце января – и весь эстрадный мусор, которым так богат нынче эфир, разлетится пылью от огня его строк... И «Парус», и «В холода, в холода», и «Кони», и незабвенная «Песня о друге», и многие другие снова поражают нас своей истинностью, правдой сердца, где каждое слово – не бездумные трали-вали неизвестно о чём, а живое чувство и живая, порой острая, мысль. И вечная битва за честь и справедливость.

*Кто остался с похоронной –
Прочитал: «Ваш муж, наш друг...»
Долго будут по вагонам –
Кто без ног, а кто без рук.*

*Чем и как, с каких позиций
Оправдаешь тот поход?
Почему мы от границы
Шли назад, а не вперёд?..
(«Реже, меньше ноют раны»)*

О масштабе его таланта можно судить и по замечательным лирическим песням, таким как «Беда», которую прекрасно пела Марина Влади, «Лирическая» («Всё равно я отсюда тебя заберу...») и другие.

*...Пусть черёмухи сохнут бельём на ветру,
Пусть дождём опадают сирени,*

*Всё равно я отсюда тебя заберу
Во дворец, где играют свирели.*

*...Пусть на листьях не будет росы поутру,
Пусть луна с небом пасмурным в ссоре,
Всё равно я отсюда тебя заберу
В светлый терем с балконом на море.*

*...Украду, если кража тебе по душе, –
Зря ли я столько сил разбазарил?
Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял!*

Когда впервые мне в руки попал сборник стихов Высоцкого, одно из них буквально заставило замереть: «Он не вернулся из боя». Конечно, эти строки – не о себе, авторе, а на самом деле – это он не вернулся из боя. Привычные блоковские слова: «И вечный бой! Покой нам только снится...» – это и о нём, Высоцком. Не буду пересказывать его судьбу, большинство читателей знают о ней немало, и по-прежнему верят каждой весомой строчке в его стихах и песнях, и помнят о нём, потому что такие люди остаются не в головах, а в душах тех, кто знает цену Слову и Личности.

*...То, что пусто теперь, – не про то
разговор:
Вдруг заметил я – нас было двое...
Для меня – будто ветром задуло костёр,
Когда он не вернулся из боя.*

*Нынче вырвалась, словно из плена, весна,
По ошибке окликнул его я:
«Друг, оставь покурить!» – а в ответ –
тишина...
Он вчера не вернулся из боя.*

*...Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло – для обоих...
Всё теперь – одному, – только
кажется мне –
Это я не вернулся из боя.*

Не буду оригинальной, в финале всё-таки обращусь к песне «Я, конечно, вернусь...». Не только потому, что она очень известна.

Автор словно обращался и к нам, и к тем, кто придут гораздо позднее, протягивал всем свою сильную, добрую дружескую руку и обещал поддержку в покорении новых высот.

...Но мне хочется думать,
 что это не так –
Что сжигать корабли
 скоро выйдет из моды.
Я, конечно, вернусь, весь в друзьях и
 мечтах.

Я, конечно, спою,
Я, конечно, спою – не пройдёт и полгода.

Россия действительно богата на таланты, по крайней мере сегодня это снова можно сказать. И я закончу тем, чем начала своё слово о Высоцком. Да, Владимир Семёнович не вошёл в пантеон очень больших поэтов, но сумел-таки застолбить своё законное, причём уникальное, место в нашей поэзии. Он призвал на помощь гитару – и выиграл. Он показал ещё один путь к сердцу соотечественника. И оказался абсолютно прав.

И вот моё поэтическое послесловие к очерку – «После юбилея»:

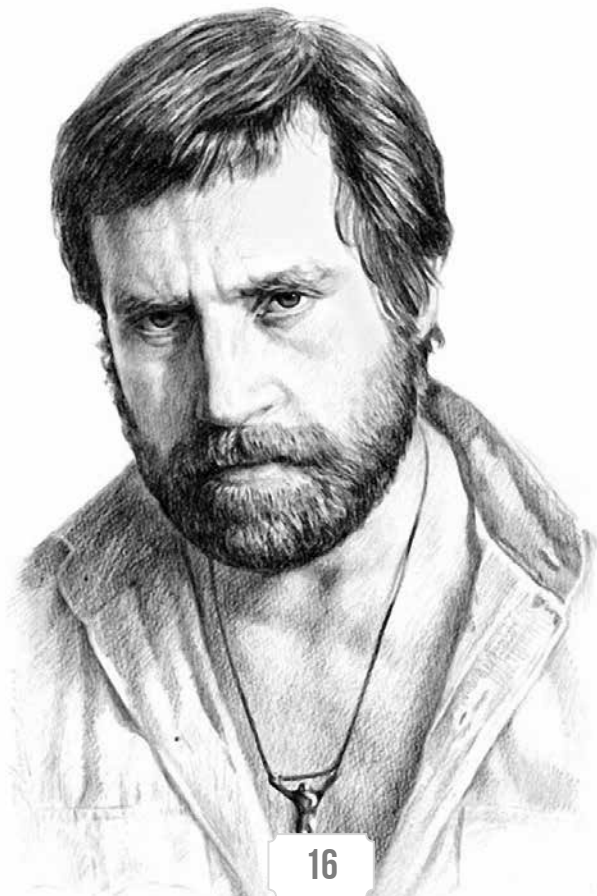
Юбилейные минули дни,
О другом – и заботы, и речи.
Только память зарнице сродни –
Растревожит порой даже вечер.

...Что ж, счастливою стала судьба,
А тогда – обжигала морозно...
Как все любят сегодня тебя!
А в ответ – хрипловатое «Поздно».

На уроках не учиться свет,
Всё грешит и спешит к преисподней...
Чем весомей и ярче поэт,
Чем талантливей – тем неудобней.

Нынче в моде дешёвый успех,
И завешаны золотом уши...
Он сегодня поёт не для тех,
У кого толстокожие души, –

Слишком часто по краю ходил,
Уходя от паршивой облавы,
Слишком дорого он заплатил
За живую посмертную славу!..

Андрей БАБОЖЕН

Родился 15 января 1982 года в городе Чите. Поэт, поэт-песенник, член Союза писателей России, Российского авторского общества и Забайкальской краевой общественной писательской организации, автор четырёх книг и одного сборника, автор слов к известным эстрадным песням. Окончил Забайкальский государственный университет, факультет филологии и массовых коммуникаций.

Регулярно стал публиковаться с 2007 года: в газетах «Культура Забайкалья» (издание Министерства культуры Забайкальского края), «Слово Забайкалья» (региональный литературно-художественный журнал, Чита), «Невский альманах» (журнал писателей России, Санкт-Петербург), «Академия поэзии. Поэтическая библиотека России» и др.

Сторона моя лихая

Вышли в свет книги: «Я заболел осенними ветрами» (2009), «Любви хрустальный свет» (2010), «Моя тридцатая зима» (2011), «После дождя» (2014). В мае – июне 2017 года были переизданы книги «Я заболел осенними ветрами» и «Любви хрустальный свет» в печатном и электронном вариантах. В августе 2017 года в московском издательстве «А Центр» был опубликован сборник «Судьбе о судьбе».

Автор слов к более чем 50 песням.

В декабре 2013 года вместе с композитором Александром Басановым стал победителем конкурса на лучшую песню о Забайкальском крае «Забайкалье, ты – любовь и песня!».

В декабре 2016 года стал победителем года в номинации «Литература» конкурса Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь – 2016» (Москва).

Вошёл в число 10 финалистов фестиваля, проходившего в рамках губернаторского проекта, «Я – забайкалец, мы – Забайкалье!» (2016). Был вручён диплом финалиста и ценный подарок от губернатора Забайкальского края.

СТОРОНА МОЯ ЛИХАЯ

Дремлют тонкие берёзы, тишиной дыша,
Где-то тут роняет слёзы беглая душа,
От погостов чёрно-белых чей-то плач и стон,
В старом храме отпевают – грустный перезвон.

Облака в закатном небе уплывают вдаль,
Скоро день воскресный сменит звёздная вуаль.
Запылённые тропинки ждут грибных дождей,
Дико ветры обрывают листья с тополей.

Вера в Бога не спасает, рвётся счастья нить,
Два пути Русь выбирает: воровать и пить.
И опять везут кого-то в северный острог,
Сердце горькое томится в тысячах дорог.

Здесь роднятся боль и воля, проза да стихи,
Сквернословие и нежность, храмы да грехи.
Всё едино в этом крае. И так будет пусть!
Сторона моя лихая, ситцевая Русь!

ЛЬНЯНОЕ УТРО

Льняное утро ластится к деревьям.
Дорога наряжается в туман.
Дворняжек лай языческим поверьем
Доносится, как эхо, как обман.

Сирени цвет глядит из-за ограды,
Он для меня – любимая родня.
От петушиной звонкой серенады
Проснулся день у старого плетня.

Подбросил ветер солнце, как монету,
И озарил небесный монолит.
И люблю сердцу радоваться свету,
Что странником за ставнями стоит.

Душе легко в заштопанной рубашке
Дышать свободой родины моей
Там, где гадают лето по ромашке
На простыне непаханых полей.

ЯРМАРКА СУДЬБЫ

А мы укутаны в тряпье –
Кто победней, кто побогаче.
Обман меняем на враньё
И над собою часто плачем.

Живём на ярмарке судьбы,
Где жизнь за деньги продаётся,
И в тусклой праздности толпы
Не замечаем блеска солнца.

Здесь правят алчность и расчёт,
Здесь всяк наёмник и начальник,
Лишь сердце только выдаёт –
Философ ты иль просто странник.

А правда всё ж острее ножа.
Христос за веру был распятый.
Знай, у кого бедна душа,
Тот и в богатстве не богатый.

ПИСЬМО БОГУ

Я с утра письмо отправил Богу
С почтальоном – вольным сизарём,
С тем, что прилетел ко мне в подмогу,
Сев на подоконье за стеклом.

На листочке в клетку из тетрадки
Попросил прощенья перед Ним,
А ещё черкнул, что всё в порядке
У меня, пока я не один.

Ничего другого и не надо.
Счастье – жить лишь собственной судьбой,
Только пусть под лёгким листопадом
Близкие останутся со мной.

А ещё немного благодати
Дать России – родине хлебов,
Где берёз свисающие пряди
Слушают мелодии лесов.

И пускай помощник мой над миром
Ветерка касается крылом,
Невесомо, еле уловимо
Вверх летит за облаком с письмом.

И оно дойдёт Ему, поверьте,
Оттого душа волнует плоть.
Аккуратно вывел на конверте
Адрес: «Небо, Райский сад, Господь».

МОЁ СЧАСТЬЕ ЗАКАТНОЕ

Ты – моё счастье закатное,
Что полюбила, губя,
В сумраке дня непонятное.
Как же я жил без тебя?!

Грустное и торопливое,
Нежное, будто лоза,
Как сновидение – милое,
Горькое, словно слеза.

Лунной дорожкой тоскливою
Едешь в мой маленький мир,
Песней хрустально-красивою
Снова выходишь в эфир.

Где я тобой зацелованный,
Мной зацелована ты,
Пялится месяц взволнованный
В наши нагие мечты.

Так не грусти, моя звёздочка,
В звёздной своей вышине!
То не гроза – просто блёсточка
Нам говорит о весне.

Манит нас вдаль необъятное,
Только плохого в том нет.
Ты – моё счастье закатное,
Что подарило рассвет.

ПО ОСЕННЕМУ СКВЕРУ

По осеннему скверу
Я брожу не спеша.
В сердце вымошу веру –
Пусть ликует душа!

Обнажённые кроны,
Что стоят без листвы,
Почитают законы
Жизни новой главы.

И от этого зябко
В одиночестве мне.
С неба светит лампадка
В колдовской тишине.

И, продрогший немного,
Я смотрю вновь туда,
Где уходит тревога,
Как в землю вода.

А когда вечер в поле
Обретёт свой уют,
На большое застолье
Ко мне гости придут.

Брызнут песни хмельные,
Как простое вино,
И спросонья Россия
К нам заглянет в окно.

Я ПО-ДРУГОМУ НЕ УМЕЮ

Занепогодило немного
Над голоушим городком,
И дышит скучная дорога
Полуосенним холодком.

Уходит лето за туманы,
Оставив след в огарках дней,
Ещё не кошены поляны,
Но вечера стоят темней.

Тоскливо сердцу отчего-то,
Грустит строфа в больных стихах.
И то ль тревога, то ль забота
В бессонных маминых глазах.

Не жди меня, ложись, родная,
Ступила ночь на наш порог.
Поспи, усталость прогоняя,
Я посижу ещё чуток.

Мне в этом августе не спится,
И грусть, и счастье в нём одном.
Быть может, песня, словно птица,
Устало сядет за окном.

И я впущу её – бедняжку,
Просохнут пёрышки на ней,
И люду душу нарасташку
Открою песенкой своей.

Пускай казнят мою затею
За слово, рифму и строку,
Я по-другому не умею
И по-другому не могу.

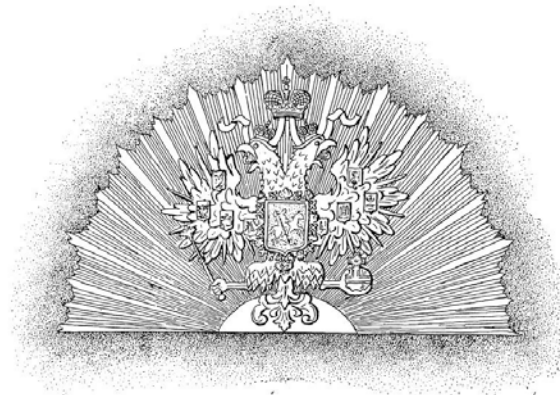
ЭЛИТА РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ

ВО МНОГИХ СТРАНАХ МИРА ЭЛИТОЙ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ ТРАДИЦИОННО ПРИНЯТО НАЗЫВАТЬ ОТБОРНУЮ, ПРИВИЛЕГИРОВАННУЮ, ЛУЧШЕ ДРУГИХ ОБУЧЕННУЮ И ЭКИПИРОВАННУЮ ЧАСТЬ ВОЙСК, ЧАСТО АССОЦИИРУЮЩУЮСЯ С ПОНЯТИЕМ «ГВАРДИЯ». ЭТО – ЖИЗНЕННАЯ СИЛА, СТЕРЖЕНЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ. ЛЕЙБ-ГВАРДИЯ – ПОЧЁТНОЕ НАЗВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ, ПРЕБЫВАВШИХ ПРИ МОНАРХЕ И ВЫПОЛНЯВШИХ ФУНКЦИИ ЕГО ЛИЧНОЙ СТРАЖИ. В РОССИИ ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ ПРОИСХОДИЛО В ТЕСНОЙ СВЯЗИ С СОЗДАНИЕМ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ. РОССИЙСКИЕ ГВАРДЕЙСКИЕ ЧАСТИ ВПЕРВЫЕ УПОМИНАЮТСЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСИ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В СВЯЗИ С БОЕВЫМИ ПОХОДАМИ ПЕТРОВСКИХ ВОЙСК ПОД АЗОВ И НАРВУ. ЛЕГЕНДАРНЫЕ ЭЛИТНЫЕ ПОЛКИ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ И СЕМЁНОВСКИЙ ВСЕГДА БЫЛИ ЯДРОМ РУССКОЙ ГВАРДИИ, ЕЁ ОСНОВОЙ И ВДОХНОВЛЯЮЩИМ ОБРАЗЦОМ. СЛУЖБА В ЭТИХ ПОЛКАХ СЧИТАЛАСЬ ПРЕСТИЖНОЙ И ЖЕЛАННОЙ. НЕПИСАНЫМ ПРАВИЛОМ РУССКОГО ГВАРДЕЙЦА, ЕГО ВЕЛИКИМ НРАВСТВЕННЫМ ЗАКОНОМ ВСЕГДА БЫЛА ЗАЩИТА СВОЕГО ДОМА, СВОЕЙ ЗЕМЛИ, СВОЕГО НАРОДА. НИКОГДА РОССИЙСКИЙ ГВАРДЕЕЦ НЕ ВСТАВАЛ НА КОЛЕНИ, НИКОГДА НЕ БЫЛА СЛОМЛЕНА ЕГО ВОЛЯ К ПОБЕДЕ НАД ВРАГАМИ-ПОРАБОТИТЕЛЯМИ.

Среди многих именитых частей Русской императорской гвардии особняком стоит элитное подразделение лейб-гвардии – сегодня практически забытая особая рота дворцовых гренадер, более известная как «Золотая Царская Рота», созданная по личной инициативе императора Николая I именным указом от 2 октября 1827 года № 1436 из рядовых лейб-гвардейцев, «кои бывали в походах против неприятеля» и «оказали мужество» на полях сражений, а также «имеют знаки отличия и медали». «Гренадеры» – за этим бравым словом стоят отборные части пехоты, изначально предназначенные для штурма вражеских укреплений. Вооружённые ручными бомбами («грендами»), представлявшими собой начинённые порохом чугунные шары, бесстрашные воины, проявляя чудеса мужества, сноровки, выносливости, изворотливости и физической силы, подбирались к противнику на близкое расстояние и, запалив фитиль, метали гренеды в окопы противника. Рослые, физически сильные гренадеры всегда были готовы к яростной рукопашной схватке с противником. Часто именно от их грамотных и отважных действий зависел исход атаки. О гренадерских подвигах слагались легенды. В армии и среди гражданского населения они пользовались особым уважением и почётом.

В первый состав роты дворцовых гренадер вошёл «цвет и гордость гвардейских полков», боевые воины – 120 солдат и унтер-офицеров, которые, по свидетельству современников, «в пороховом дыму, под градом пуль и гибельной картечи отстаивали честь и славу своих полковых знамен». 18 человек прибыло в роту из легендарного лейб-гвардии Преображенского полка, 17 – из лейб-гвардии Семёновского, 26 – из лейб-гвардии Измайловского, по 8 – из лейб-гвардии Егерского и Московского полков. «Красавцы и рослые молодцы» ростом не ниже 2 аршин, 9 и 5/8 вершка (184 см). 69 чинов роты дворцовых гренадер имели знак отличия военного ордена Св. Георгия и 84 человека – знак отличия ордена Св. Анны. При этом большинство георгиевских кавалеров получили это высокое для нижнего чина отличие за подвиги в Боро-

Герб роты дворцовых гренадер с 1856 года

«Желяя ознаменовать особое Моё благоволение к тем нижним чинам Лейб-гвардии, которые на Отечественной войне оказали своё мужество и во все продолжение их верной службы до самого истечения срока отличали себя усердием, Я признал за благо учредить из них при Дворе Моём особую роту под названием Дворцовых Гренадер, с тем, чтобы они были обеспечены в своём содержании на всю жизнь и чтобы служба их состояла только в полицейском надзоре во Дворцах, где будет Мое пребывание».

Из Высочайшего указа Государя Императора Николая I от 2 (14) октября 1827 года

динской битве, некоторые за битву под Лейпцигом и за сражение при Кульме.

Отбор кандидатов в «Золотую роту» был чрезвычайно строг и проходил многоступенчато под личным контролем императора. «Правила формирования Роты Дворцовых Гренадер», составленные непосредственно императором Николаем I, предусматривали личное монаршее одобрение каждого кандидата. Пункт второй Правил гласил: «Никто в Роту не определяется без Высочайшего повеления». Даже первоначальное решение о зачислении в кандидаты принималось на основе личного собеседования с различными высокопоставленными сановниками следующим порядком: сначала «низшие чины Гвардейских полков, назначаемые в кандидаты Роты дворцовых гренадер, должны быть

*Владимир Поярков. Знаменщик роты
дворцовых гренадер. 1915 г.*

представляемы Ротным Командиром со всеми собранными о них сведениями Заведующему Ротой, а потом Министру Императорского Двора», который и вносил их в список кандидатов. Обязанности гренадер были сформулированы царём весьма кратко: «Рота имеет только присмотр и полицейский надзор во Дворце, а в большие праздники дает во Дворце почетный караул и посты на особо назначенных местах; кроме же сего никакой другой строевой службы не несет».

В архивах роты не сохранилось подробного описания полного снаряжения и обмундирования на момент её образования. Обрывочные сведения, записки, воспоминания и ещё рисунки и картины помогли авторам

достаточно точно воссоздать внешний облик дворцовых гренадер. Литография Рудольфа Жуковского, картина известного баталиста Адольфа Ладюрнера «Гербовый зал Зимнего дворца», работа художника Евграфа Крендовского «Вид Тронного зала императрицы Марии Фёдоровны в Зимнем дворце», парадные портреты Джорджа Доу в Военной галерее Государственного Эрмитажа, портреты художника Владимира Пояркова, акварель Григория Чернецова и другие не только передают вид отдельных предметов снаряжения, но и создают образы мужественных, бесстрашных, опытных воинов.

Император Николай I лично озаботился созданием формы дворцовых гренадер, собственноручно составил её эскизы. По его распоряжению всех офицеров и нижних чинов, назначенных в роту, следовало «обмундировать немедленно по утвержденным Мною образцам». Парадный мундир, имевший покрой полуфрака, был пошит из тёмно-зелёного сукна и снабжён красным лацканом. Брюки к парадному мундиру шились из того же сукна с лампасами из золотого матового галуна с красным просветом. На голове гренадера красовалась медвежья шапка с позолоченным гербом и золотым кутасом с кистью и просветом в шнурах из красного шёлка. Позолоченный герб украшал сделанную из лакированной кожи суму для патронов. Перевязь к суме была сделана из золотого матового галуна с кантами по краям из красного сукна. Из такого же золотого матового галуна были сделаны портупья и погонный ремень к ружью, украшенные позолоченными пряжками. Офицерам и нижним чинам роты предписывалось иметь на эполетах и погонах серебряное вензелевое изображение имени императора, в царствование которого они были зачислены в роту, так «чтобы вензель Царствующего Императора принадлежал всегда только тем офицерам и нижним чинам, которые при нем определены в оную». Определяемые в роту чины приводились к присяге на верность «в Портретной галерее Зимнего Дворца под знаменем Роты».

На пунцовом бархатном полотнище ротного знамени, по типу относившегося к гвардейским георгиевским знамёнам, был изображён золотой парчовый крест с надписью: «В воспоминание – подвигов – Российской – Гвардии». Края полотнища были обшиты золотой бахромой с канителью. По четырём углам кованым золотом вышиты вензельные изображения инициалов императора Николая I. На древке красовался бронзовый золочёный орёл. Торжественное вручение знамени состоялось в апреле 1830 года в присутствии императорской семьи и высших военных и гражданских сановников Российского государства в Георгиевском зале Зимнего дворца. В примечании к Положению о роте указывалось, что «знамя хранится в императорском Зимнем Дворце в Военной галерее, под портретом императора Александра I». Знамя дворцовых гренадер, отмечал

позднее один из командиров роты полковник Сергей Гринёв, «гордо шелестело своими тяжёлыми складками на разных торжествах в присутствии Государя или, печально свесив кисти, провожало своих в Бозе почивших Императоров и Императриц к месту вечного Их упокоения».

Обилие золотого шитья на мундире, блеск и сияние золотых позументов сразу привлекли внимание взыскательной петербургской публики, метко окрестившей новое подразделение «Золотой ротой». Командиры гвардейцев ценили желание дворцовых гренадер «служить в строевой части, которая стоит во главе всей Гвардии и которая в устах народа носит громкое, хорошее имя "Золотой Царской Роты", которая во всех отношениях службы должна быть образцом и действительно "золотой" не только во внешности, но и по исполнительности служебного долга и уставного порядка».

Импозантные силуэты дворцовых гренадер гармонично вписались в интерьеры императорских дворцов. Этому способствовал и император, постоянно заботившийся об увековечении образов дворцовых гренадер. Дважды министр Двора князь Пётр Волконский предлагал командиру «Золотой роты» полковнику Егору Качмареву «командировать к живописцу Ладюрнеру офицеров и нижних чинов роты Дворцовых Гренадер, сколько будет нужно для написания картин, заказанных ему Государем Императором». Князь Волконский сообщил Качмареву о желании императора видеть на картине чинов роты, состоящих на службе на 14 декабря 1825 года, а именно – 1 офицера, 1 подпрапорщика, 1 унтер-офицера и 15 гренадер. Это практически были все преображенцы, числившиеся на тот момент в штате роты. Позднее по личному указанию императора на вазах и столовых сервизах, изготовленных для высочайших особ на императорском фарфоровом заводе, было изображено знамя дворцовых гренадер.

Положение о роте дворцовых гренадер вменяло личному составу в обязанность содержание постоянных постов у памятников

Владимир Поярков. Портрет рядового роты дворцовых гренадер М. Кулакова. 1915 г.

императорам и в «других местах по высшему назначению», дежурства в Зимнем дворце, Эрмитаже и всех дворцовых зданиях, выставление почётных караулов и постов при праздничных торжествах и церемониях с участием императора. Также гренадерам предписывалось присутствовать на панихидах «по усопшим Государям в дни Их кончины». При Александре II в Положение о роте будет внесено уточнение, обязывающее дворцовых гренадер «ходить ежегодно, 19 Ноября и 18-го Февраля, в сюртуках, на панихиду по блаженным памяти Государях императорах Александре I и Николае I».

Уже 15 ноября 1827 года министр Двора князь Волконский препроводил за № 3693 высочайше утверждённое расписание дежурств роты дворцовых гренадер «для надзора за порядком и опрятностью комнат и мебели в Зимнем дворце и в зданиях, к оному принадлежащим». Царь выразил пожелание, «чтобы нижние чины сверх того присматривали не только в комнатах, но и в коридорах за всеми неизвестными или подозрительными людьми, дабы не могло быть никакого воровства». Всего «в дежурстве гренадер» находилось 36 постов. Помимо постоянных дежурств почётные караулы и парные часовые выставлялись во время особых торжеств, балов и спектаклей. Приказом министра Двора предписывалось «всякий раз, когда бывают в Петербурге благодарственные молебствия во Дворцах или Соборах, наряжаем был караул от роты Дворцовых Гренадер, который в Соборах располагать на паперти, а часовых снаружи у всех дверей». Так, в 1829 году во время одиннадцати выходов императора в Большую церковь Зимнего дворца выставлялся караул в составе 1 обер-офицера, 3 унтер-офицеров, 1 барабанщика, 20–24 гренадер.

Во время большого новогоднего бала и спектакля в Эрмитажном театре рота выставляла два караула – в Тронном зале 1 обер-офицера, 3 унтер-офицеров, 1 барабанщика, 1 флейтщика и 42 гренадер и в Концертном зале – 1 обер-офицера, 3 унтер-офицеров, 1 барабанщика, 1 флейтщика и 18 гренадер. Кроме этого, посты парных часовых были

установлены в коридоре у Парадной лестницы, в Приказной комнате и у Театра. По случаю аудиенции персидского принца рота содержала два почётных караула – один в Георгиевском зале, другой в Тронном зале. В сентябре этого же года рота в полном составе принимала участие в большом параде войск Петербургского гарнизона на Марсовом поле по случаю заключения мира с Оттоманской Портой. Во время молебствия все чины роты были поставлены почётным караулом вокруг специально построенного для этого случая амвона, а во время прохождения церемониальным маршем дворцовые гренадеры шли во главе всех прочих частей. Крупная денежная премия, высочайше пожалованная каждому гренадеру за участие в параде, свидетельствовала о том, что император воспринимал роту дворцовых гренадер как «вполне строевую часть, способную в каждый момент нести строевую службу и, кроме того, как часть, которая, по своему старшинству, стоит во главе всей гвардии».

Иерархическое старшинство «Золотой роты» над всеми прочими полками гвардии было многократно зафиксировано в утверждённых императором документах. Положение о роте предписывало считать гренадер 1-й и 2-й статьи в унтер-офицерском звании часовым гвардии и армии отдавать честь «нижним чинам сей роты», при представлении офицеров Гвардейского корпуса, «когда они становятся по старшинству полков», штаб и обер-офицерам роты дворцовых гренадер занимать «места выше штаб и обер-офицеров Лейб-гвардии Гарнизонного батальона».

Приоритетное положение роты ещё раз подтвердилось во время торжественной церемонии открытия Триумфальных ворот на Нарвской дороге, сооружённых в память о победах русской гвардии в 1812–1815 годах. Именно тогда и последовало высочайшее повеление: «При прохождении Гвардии церемониальным маршем Роте Дворцовых Гренадер быть в голове всей колонны». По признанию командира роты Гринёва, «Государь всюду, где только представлялся подходящий случай, старался выдвинуть своих Дворцовых

Гренадер – живых памятников прошедших славных побед, прославивших Российское оружие». Из переписки министра Двора с начальником Главного штаба видна забота императора об офицерах роты дворцовых гренадер, выразившаяся в повелении давать им «денщиков по чинам их из Гвардейского Гарнизонного батальона, откуда отпускать на них и продовольствие». Из письменного отношения С.-Петербургского Провиантского правления следует, что в то время полагалось:

- полковнику – шесть денщиков;
- подполковнику – пять денщиков;
- капитану – четыре денщика;
- штабс-капитану – три денщика;
- поручику – два денщика;
- подпоручику и прапорщику по одному денщику.

Особое место «Золотой роте» было отведено в торжественной церемонии и параде 30 августа 1834 года по случаю открытия памятника императору Александру I (Александровской колонны) в присутствии государя, всех высочайших особ, дипломатического корпуса и населения Петербурга. В мероприятии участвовало стотысячное русское войско, а также представители Прусской армии. После освящения памятника поставленная во главе всех войск рота дворцовых гренадер начала движение в дивизионной колонне церемониальным маршем «скорым шагом, к памятнику – одна, с места с барабанным боем, все прочие же войска оставались в это время на своих местах». Затем рота повернула рядами направо, вошла за ограду и заняла караул со всех четырёх сторон памятника, поставив с каждой по одному взводу на ступенях памятника. И только после этого начался общий церемониальный марш всех войск. По окончании парада к памятнику на первую смену был вызван гренадер Алексей Аржеников, которому император лично показал место, где «должно ему стоять», и скомандовал: «Ружье к но-где!» Вскоре на показанное императором для часового место около памятника была поставлена будка.

Проявлением особого монаршего доверия было воспринято в роте командирование

в Варшаву капитана Василия Лаврентьева 1-го и пяти гренадер с чрезвычайным поручением доставить на коронацию императора Николая I Царём Польским императорские регалии – корону, скипетр, державу, представлявшие не только огромную государственную, но и художественную ценность. В Национальном музее Варшавы хранится картина, запечатлевшая одну из сцен коронации. На большом полотне представлен зал Сената, царь с царицей и присутствующая на церемонии публика. Для коронации была выбрана корона, в которой в 1730 году взошла на престол Анна Иоанновна. Корона, с тех пор именуемая «польской», хранится в Алмазном фонде. Николай I выступил в одеянии генерала войск польских с мантией, сшитой по образцу польских королевских мантий – красного цвета, с горностаем и вышитыми орлами. Такая же мантия была у царицы. С большой долей уверенности можно утверждать, что гренадеры выставляли парных часовых у трона в зале

Сената Варшавского дворца, где происходила церемония, так как из Петербурга были доставлены парадные мундиры и вся амуниция первого срока. После возвращения из этой командировки гренадеры были награждены 50 рублями каждый, а капитан Лаврентьев – орденом Св. Станислава 4-й степени. Поэтому вполне естественным выглядит решение императора, проявлявшего заботу о сохранности бесценных произведений искусства Эрмитажа, «поручить и доверить охрану всех предметов в залах музея исключительно испытанным в верности и честности гренадерам Дворцовой роты».

Бесстрашные солдаты «Золотой роты» не дрогнули, оказавшись лицом к лицу со смертельной опасностью, которую в 1830 году являла собой вспыхнувшая в Петербурге эпидемия холеры. Зимний дворец оказался на осадном положении. Дежурным гренадерам было вменено в обязанность наблюдение за всеми помещениями дворца, его лестницами и коридорами, чтобы «не было лишних и посторонних людей, и, если кто-либо будет замечен, что чувствует себя не совсем здоровым, такого немедленно направлять к дежурному врачу и о случившемся рапортовать по начальству». В борьбе с «азиатской гостьей» (так тогда называли холеру) пали три гренадера, но сломить боевой дух роты болезни не удалось.

Со временем права и обязанности дворцовых гренадер расширялись. «Золотой роте» была поручена забота о целостности и сохранности дворцового имущества и наблюдение за камер-лакеями и нижними служителями. В приказе министра Двора содержались прямые слова императора о том, что в случае, если гренадер заметит «в ком-либо неблагонадежность, наводящую подозрение, обязан немедленно доводить о том до сведения». Дежурные гренадеры были обязаны также «наблюдать за топкою каминов, чтобы истопники держали умеренный огонь, и в свое время открывали и закрывали трубы каминов и душники пневматических печей». Уклад жизни дворцовых гренадер был регламентирован до мелочей. В обязанности дежурных

унтер-офицеров входило наблюдать, «чтобы в десять часов вечера свечи в казармах, нижними чинами занимаемых, были потушены, а в каждой казарме, во всю ночь, горела одна лампа, и по лестницам зажженные в фонарях свечи». Помимо этой постоянной и ответственной службы рота выставляла караулы при проведении различных торжественных мероприятий в Зимнем дворце. Для участия в караулах во время большого выхода в церковь и вечером во время маскарада в день рождения императрицы в Петергоф были отправлены на пароходе 1 штаб-офицер, 2 обер-офицера, 4 унтер-офицера, 2 барабанщика, 2 флейтщика и 23 гренадера. В архиве роты сохранился интересный журнал – «О караулах и парадах, наряженных от Роты Дворцовых Гренадер в торжественные дни, с изъяснением, где именно оные находились, какие занимали посты и что при оных было исполняемо». К сожалению, журнал охватывает только небольшой период времени – вторую половину 30-х годов XIX века.

Дворцовым гренадерам выпала доля принять активное участие в одном из наиболее трагических событий России 1830-х годов, сегодня практически забытом. Таким событием стал пожар, почти полностью уничтоживший Зимний дворец в Петербурге в декабре 1837 года. По свидетельству очевидцев: в эту ночь зарево было так велико, что его видели крестьяне окрестных деревень и путники на дорогах за 50–70 вёрст от столицы. И хотя от огня удалось сохранить Эрмитаж, дворцовый комплекс выгорел полностью. Император Николай I лично руководил спасением обстановки дворца. Под его непосредственным руководством дворцовые гренадеры Семён Кушников, Иван Шевелев, Денис Иванов, Мартын Фёдоров, Лев Жихарев, поминутно рискуя жизнью, спасали от огненной стихии мебель, посуду, мраморные статуи, каменные и фарфоровые вазы, хрусталь, картины, ковры, драпировки, сундуки, бельё и одежду, книги и альбомы, туалетные и письменные принадлежности, бронзовые часы, люстры и канделябры – роскошное и ценное имущество царского жилища. Неустрашимым гре-

надерам удалось спасти портреты генеральской гвардии 1812 года, ризницу и образа из дворцовой церкви, императорский трон из Георгиевского зала, трон императрицы Марии Фёдоровны, все императорские регалии и бриллианты...

Пламя пожара унесло жизни трёх самоотверженных гренадер – унтер-офицера Сидора Михайлова, поступившего в «Золотую роту» из лейб-гвардии Семёновского полка; унтер-офицера Александра Иванова, из вахмистров лейб-гвардии Конного полка; и гренадера 1-й статьи Савелия Павлухина из лейб-гвардии Гренадерского полка. Специальным приказом министра Двора 18 унтер-офицерам, двум барабанщикам и 104 гренадерам, принимавшим участие в тушении пожара и в спасении дворцового имущества, было пожаловано денежное вознаграждение, и всем чинам за действия «посреди угрожавшей опасности с беспримерным самоотвержением» было объявлено монаршее благоволение.

Беспредельно преданные и верные своему долгу перед Отчизной дворцовые гренадеры были высоконравственными гражданами, помнившими всегда свои сыновние обязанности по отношению к престарелым родителям и родственникам. Упоминавшийся выше Александр Иванов, герой, погибший при тушении пожара в Зимнем дворце, всё время помогал отцу и братьям, оставшимся в помещицьем владении в Тульской губернии. Накопив необходимые средства, он выкупил у помещика Николая Вахрушева двенадцать душ близких родственников, для которых успел прикупить одиннадцать десятин земли с домом, строениями, инвентарём и скотом. А вот гренадеру 1-й статьи Максиму Сидорову никак не удавалось скопить нужную сумму для выкупа на свободу из крепостной зависимости у помещицы Казанской губернии Цивильского уезда Амачкиной своей единственной сестры Марины. Строптивая помещица всё время завышала цену «за свою девку». Сидоров обратился к командиру роты полковнику Качмареву с просьбой ходатайствовать перед министром Двора о выдаче ему пособия или

заимобразно недостающей суммы. Доброе и сердечное намерение дворцового гренадера, разумеется, встретило отклик и полное сочувствие, и по приказанию князя Волконского ему были выданы 200 недостающих рублей в качестве пособия для выкупа сестры.

Поступавшие в Петербург известия о страданиях и нуждах раненых в Крымской войне всколыхнули общество, не оставив равнодушными и дворцовых гренадер. Гренадеры 1-й статьи Марк Ткаченко и Фёдор Карлов добровольно пожертвовали свои сбережения в размере 500 и 372 рубля соответственно в пользу раненых. Император наградил Ткаченко золотой медалью «За усердие», а Карлову объявил монаршее благоволение с занесением в формулярный список. Вся официальная летопись Российской армии не знает подобного случая, когда нижний чин удостоивался бы столь высокой чести.

Многие гренадеры болезненно переживали известия, поступавшие из героического Севастополя, изъявляли желание вернуться обратно в гвардейские полки, в которых они ранее проходили службу, чтобы принять участие в военных действиях. Однако уважена была только одна просьба. Гренадер 1-й статьи Денис Петренюк на всё время войны был переведён в лейб-гвардии Преображенский полк. Каждый раз, когда над Отечеством сгущались тучи и грохотали пушки, дворцовые гренадеры просились в действующую армию. Осложнение положения российских войск под Плевной пробудило желание многих гренадер отправиться в полки гвардии, в которых они служили до зачисления в роту. В лейб-гвардии Семёновский полк убыл гренадер 2-й статьи Иван Канин, а старый боевой унтер-офицер Степан Чугаев отправился в лейб-гвардии Семёновский полк.

На почве патриотического и религиозного чувства личный состав роты сделал крупное пожертвование в размере 1120 рублей на приобретение церковной утвари для сооружавшегося тогда в Севастополе храма Св. Владимира. С разрешения императора эти средства были переданы комиссии по строительству храма. В апреле 1861 года личный

состав роты решил ознаменовать отмену крепостного права пожертвованием 1000 рублей на сооружение каменного храма в Олонецкой губернии, при монастыре Сяндебской Успенской пустыни, над мощами Святого Преподобного Афанасия, Сяндебского Чудотворца.

К повседневной службе дворцовых грендер с раз и навсегда установленными церемониями по праздникам и табельным дням в августе 1839 года добавилось яркое и радостное событие – торжества в Москве по случаю открытия памятника в честь Бородинского сражения. К этому времени в роте числилось сорок пять уцелевших сподвижников Кутузова. Но 2 штаб-офицера, 4 обер-офицера, 10 унтер-офицеров, 2 барабанщика и 27 грендер тщетно льстили себя надеждой принять участие в этом замечательном празднестве. В запланированном большом маневре войск всем дворцовым грендерам места не нашлось. Да и оставить роту в Петербурге без офицеров и унтер-офицеров было невозможно. Поэтому в Бородино были командированы 9 грендер и 1 унтер-офицер, отправившиеся к месту назначения на вольнонаёмных лошадях и получивших на 45 дней командировки по 140 рублей порционных денег. В день открытия памятника у его постаменты был поставлен почётный караул из прибывших грендер, а вокруг разместилось 120-тысячное русское войско...

Следующая большая командировка в Москву состоялась без малого через десять лет. В феврале 1849 года по случаю пребывания августейшей семьи в Москве последовало приказание откомандировать туда для содержания постов в большом Кремлёвском дворце 1 обер-офицера, 3 унтер-офицеров, 1 барабанщика, 1 флейтщика и 30 грендер. Вскоре, однако, стала очевидной желательность постоянного пребывания в Москве дворцовых грендер для охраны царских покоев и парадных залов в Кремлёвском дворце. Осенью этого же года вновь созданный отряд роты в составе 30 грендер, 1 поручика, 1 прапорщика, 3 унтер-офицеров, 1 барабанщика, 1 флейтщика под началом гвардейского подпоручика Григория Блинова приступил к несе-

нию постоянной службы в Кремле по тем же инструкциям, которые имелись для службы и наблюдений в Зимнем дворце. Гренадеры заняли места в карауле в Оружейной палате, в Святых сенях Грановитой палаты, на парадной лестнице, в Георгиевском зале, в Тронном Андреевском зале и у царских апартаментов.

Однако и с созданием московского отряда «Золотой роты» командировки дворцовых грендер из Петербурга продолжались. Коронационные торжества по случаю восшествия на престол императора Александра II, намеченные на август 1856 года, потребовали присутствия в Москве дополнительного контингента дворцовых грендер. 7 августа в Москву в качестве сопровождения императорских регалий отправились 10 грендер во главе с унтер-офицером, а ещё через пять дней – 1 штаб-офицер, 3 обер-офицера, 8 унтер-офицеров, 2 барабанщика, 2 флейтщика, 59 грендер и 1 нестроевой (ротный писарь). Сразу после прибытия гренадеры приступили к несению службы, «будучи назначаемы на дежурство в Оружейную палату для охранения императорских регалий и в Большой дворец, для наблюдения за производившимися там работами по убранству залов и внутренних покоев их Величеств и их Высочеств августейших детей».

Тогда же было составлено новое расписание дежурств дворцовых грендер «в Большом Кремлевском дворце и у врат Соборов в день Священного Коронования». Из этого расписания видно, что ротаставляла два внутренних караула в Андреевском зале, из которых один был со знаменем и имел двенадцать постов парных часовых. Всего в наряде было 4 офицера, 10 унтер-офицеров, 2 барабанщика, 2 флейтщика и 94 грендера. В самый канун торжеств, 25 августа 1856 года, роте были высочайше пожалованы 127 бронзовых медалей в память о войне 1853–1856 годов, «причем 91 медаль для чинов, имеющих пребывание в Петербурге на Андреевской ленте, и 36 – для чинов Московского отряда на Владимирской ленте. При этом было повелено, чтобы все чины 26 Августа, во время торжеств Коронования, имели уже

эти медали на себе». Гренадеры стояли на постах всё время продолжительных церемоний. «Иностранные принцы и послы, и многочисленные массы народа», по свидетельству очевидцев, любовались «лихими молодцами». Император Александр II, чрезвычайно довольный службой и безупречной выправкой гвардейцев «Золотой роты», пожаловал «за отлично-усердную службу» в день коронационных торжеств командира роты полковника Александра Горчакова орденом Св. Станислава 2-й степени, командира московского отряда Григория Блинова – производством в штабс-капитаны, а всех чинов роты без исключения – денежными наградами...».

Примером воинской доблести, мужества и отваги всегда служили командиры Московского отряда роты. Первый командир Московского отряда в кондуитном списке характеризуется как «исправный, ревностный и знающий военное дело офицер». Почти 30 лет во главе Московского отряда роты grenадер находился полковник Александр Рубинский, принявший отряд под своё командование в звании поручика, а звания полковника удостоенный уже посмертно. Участник войны с Турцией. После перехода границы в Унгенах в начале октября 1877 года форсировал реку Дунай у деревни Зимницы. В составе войск Западного отряда под началом легендарного освободителя Софии генерал-адъютанта Иосифа Гурко участвовал в сражении при Горном Дубняке, сыгравшем решающую роль в исходе Плевненской операции.

При пленении неприятельского отряда двадцатилетний гвардеец Александр Рубинский был ранен вражеской картечью в лицо и отправлен в Россию на излечение. В конце 1883 года получил назначение на должность командира Московского отряда роты. За храбрость и мужество в боях, за безупречную службу награждён орденами Св. Станислава 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Анны 2-й степени. Также Рубинский был награждён персидским шахом орденом Льва и Солнца 4-й степени и бухарским эмиром – орденом Восходящей Звезды 2-й степени.

Назначенный в мае 1909 года временным командующим Московским отрядом роты, а в октябре того же года утверждённый в этой должности преемник Александра Рубинского поручик князь Николай Иннокентиевич Гантимуров, ведущий свой род от самого Тамерлана, слыл в гвардии человеком отчаянной храбрости. Участник русско-японской войны, он в 24 года был удостоен ордена Св. Анны 4-й степени за боевые отличия с надписью «За храбрость». За прорыв с двенадцатью казаками из Порт-Артура в Ляоян через японское сторожевое охранение награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Через месяц новая награда – орден Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. И, наконец, за мужество и храбрость, проявленные при обороне крепости Порт-Артур при четырёхкратном прорыве через японское сторожевое охранение в Маньчжурскую армию, пожалован орденом Св. Георгия 4-й степени. Также награждён испанским орденом Св. Изабеллы и шведским орденом Вазы. Летом 1904 года был тяжело ранен шрапнельной пулей и двенадцатью осколками в позвоночный столб. После излечения вернулся в строй...

Событиями государственного масштаба в конце XIX – начале XX века стали коронация Александра III (май 1883), коронация Николая II (май 1896), празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года в 1912 году, празднование 300-летия царствования Дома Романовых в 1913 году.

Торжества по случаю празднеств продолжались обычно более двух недель. В их программу вошли и открытие Государственного Исторического музея, и освящение храма Христа Спасителя и много других важных мероприятий. На торжества прибывали десятки генерал-адъютантов, генералов Свиты Его Императорского Величества и флигель-адъютантов. Москва серьёзно готовилась к празднествам. В Сокольниках сооружался специальный павильон для приёма императора во время церемонии освящения знамён Преображенского и Семёновского полков и для угощения войск, воздвигались павильоны для

встречи императора с депутациями и амфи-театры для публики у Триумфальных ворот, на Тверской улице и на Красной площади. Множество домов и улиц были покрыты лесами для иллюминаций, везде развешивались флаги, устанавливались щиты и декорации. Город приобретал праздничный вид.

В Москве шли «торжественные увеселения», все наносили друг другу визиты, повсюду проходили нескончаемые балы. Жители и гости Первопрестольной были поражены электрической иллюминацией колокольни Ивана Великого. Стены Грановитой палаты были заново расписаны фресками и приобрели первозданный вид. Столь важные события в Москве требовали максимальных усилий гренадер «Золотой

роты», сумевших возвысить мастерство парадного караула до вершин подлинного искусства.

Иногда гвардейцы Золотой роты становились участниками торжественных, но горестных событий, каковые всегда сопровождали почивших в бозе государей. После последовавшей в Ливадии кончины императора Александра III траурная процессия прибыла в Москву. Скорбные лица мужественных гренадер, отдававших последние почести усопшему монарху, выражали бесконечную горечь невосполнимой утраты. Панихида и прощание состоялись 7 ноября 1894 года в Архангельском соборе, отпевание и погребение тела – в царской усыпальнице Петропавловского собора.

На выставке студии военных художников имени М. Б. Грекова, посвящённой истории кремлёвского караула. Один из организаторов выставки Владимир Газетов (в центре) с членами клуба «Рота Дворцовых гренадер». Фото: Роман Ферару

Однако парадно-караульная деятельность героев-гренадер не прерывалась и в периоды относительного затишья. Все вопросы организации караульной службы находились в ведении дежурного генерала, позднее переименованного в дворцового коменданта. Утверждённое в 1905 году «Положение о Дворцовом коменданте» предусматривало образование Управления Дворцового коменданта с включением в него всех подведомственных учреждений. С апреля 1906 года дворцовому коменданту подчинялась городская полиция в городах, где находились царские дворцы и дворцовые сооружения, а также дворцовые команды и исполнявшие полицейские обязанности служительские команды в районе дворцовых управлений.

На протяжении второй половины XIX и начала XX века парадно-караульная служба Кремля была в надёжных руках элитного подразделения лейб-гвардейских частей вооружённых сил Российской империи – дворцовых гренадер, развивавших саму эстетику парадного караула. В коммунистические времена вековые традиции безжалостно отбрасывались и забывались. Их заменяли новыми, соответствующими духу революционных перемен.

Балтийский матрос, большевик Павел Мальков, назначенный в 1918 году комендантом Кремля и в силу этого призванный заниматься его охраной, обнаружил на территории вверенного ему объекта «несколько десятков стариков» – бывших николаевских солдат, не только следивших за сохранностью имущества Большого, Потешного и Малого Николаевского дворцов, «да еще в Оружейной палате и Кавалерском корпусе», но и тщательно убиравших эти помещения. «Жили старики в Кремле испокон веков, помнили не только Николая II, но и Александра III, – писал Мальков в своих мемуарах. – К обязанностям своим относились чрезвычайно ревностно. Не давали сесть и пылинке ни на одно кресло, ни на одно зеркало. Как занимались они своим делом в прежние времена, так занимались и

теперь, после революции». И хотя к советской власти большинство старых солдат относилось с открытой неприязнью, рассказ о них Мальков закончил словами: «Занятные были старики!» Этой фразой и закончилась история Московского отряда особой роты дворцовых гренадер.

Боевые традиции Российской армии складывались в ожесточённой борьбе русского народа с захватчиками и поработителями. Они выковывались в многовековом ратном подвиге на полях сражений. Достоинными носителями этих традиций были краса и гордость русской гвардии – дворцовые гренадеры. И как ни хотелось бы вождям революции отбросить воинские традиции великой армии, предать забвению подвиги наших предков не удалось. На праздновании очередной годовщины Бородинского сражения вновь можно было видеть почётный караул в мундирах несгибаемых дворцовых гренадер знаменитой «Золотой роты». Духовные потомки героических гвардейцев, энтузиасты Сергей Прокопович, Сергей Осипов, Владимир Коротеев, Валерий Мельников, Вадим Гришунин, в рамках движения военно-исторической реконструкции сумели создать клуб «Рота Дворцовых гренадер», одной из задач которого является «доведение до людей, особенно интересующихся историей, достоверной информации об их подвигах, образе жизни и т.п.». По крупицам члены клуба собирали сведения об амуниции и вооружении дворцовых гренадер, об их функциональных обязанностях и жизненном укладе. Сегодня к нам возвращаются героические имена и названия соединений и частей Русской армии, приходит черёд и роты дворцовых гренадер.

Владимир ГАЗЕТОВ,
кандидат исторических наук,
профессор Академии военных наук;
Максим ВЕТРОВ,
кандидат политических наук,
профессор Академии военных наук

Натали ДОНЧ

Родилась и живёт в Москве. Образование высшее. Является автором трёх сборников стихов: «Голос любви» (2014), «Человек – путь» (2016), «Когда улыбается...» (2017). Является победителем IV Всероссийского литературного конкурса «Проба пера» в 2015 году. Победитель Всероссийского творческого конкурса «Зимний вечер» в 2017 году. Имеет публикации в журнале «Наш современник». Член Союза писателей России.

* * *

Как отдаляет друг от друга нас
Наш внутренний неповторимый мир,
Мы прячем выраженье наших глаз,
Не замечая, как душой парим.
Из слов, молчанья, мыслей, что не вслух,
Ты королевство создаёшь опять,
Твои мечты – преграда, я к ним глух,
Ты вся в привычках, тайнах – не понять.
И все вокруг чужие для тебя,
Рождённой ветром и морской волной,
В твоих владеньях, трепетно любя,
Я – отголосок памяти одной.

* * *

Меня не обижает дождь,
Что хлещет в окна самолёта,
На память обо мне возьмёшь
Воспоминания полёта.
Откроется мне мир иной,
Сражусь я с горными хребтами,
Вновь небо вызовет на бой,
Не восхищусь ветров следами.
Небесным краскам и земным
Я удивиться не успею,
Секунды падают, седин
Прибавится – не пожалею.
И в позолоте облаков,
Закатных и неповторимых,
Прощу друзей, прощу врагов,
Ища звезду в глазах любимых.

* * *

Из глубины заспавшейся реки
Дыханье чьё-то подняло туман,
Как будто тень невидимой руки
На волю отпустила свой обман.
И он бежал по глади той реки,
Бежал за солнцем, торопясь догнать,
Его мечты красивы и легки,
Качаясь в вышине, не смел устать.
Он углублялся в утро, словно в лес,
Река светлела, приходя в себя,
Душа ловила одинокий всплеск
И раскрывалась, красоту любя.

ОЖИДАНИЕ

Прорезает небо молния
Огнедышащей иглой,
Дождевой водой наполнена
Темнота в дали ночной.
Превратил сердечко девочки
В ледяной комочек страх,
Прикоснулся холод веточки,
Замер ужас на губах.
Ты не плачь, моя хорошая,
Слышу слёзоньки твои,
Каплей катятся непрошеной
Средь людской речной струи.
Голос сказки чередуется
С голосом суровых дней,
А душа твоя волнуется
В ожиданье новостей.

* * *

Когда-то кто-нибудь и про твою
Жизнь скажет, что она была глупа,
А кто-то, побывавший на краю,
Судить не станет, будничность слепа.
А солнце в небесах горит цветком
И сеет пыль лучей на груды скал,
Навстречу солнцу тянутся легко
Трав изумрудность и цветов коралл.

Старик взирает, как вокруг него
Всё дышит светом, юный день поёт,
Но поглощает медленно его
Живую силу, вечер уже ждёт.
Серебряные капельки росы
Вновь падают на землю со стеблей,
И нет давно той взлётной полосы,
Бегущей от ромашковых полей...

АРХЕОЛОГ

В поисках утраченного времени
Вновь блуждают милые глаза,
В позабытом сердцем вдохновении
Не одна в душе твоей гроза.
Гром грохочет, и сверкают молнии,
И опять всё ходит ходуном,
Там берёзы нежно-белоствольные
Растрепались, думая о нём.
В настоящем он искал минувшее,
Объяснить пытаюсь этот мир
И надеясь, как всегда, на лучшее,
Но сейчас у храма он один.
Несколько часов незабываемых
Подарила им тогда судьба,
В днях обычных, солнцем не встречаемых,
До того момента жизнь текла.
Им весна дала преображение,
Что проходят звёзды и земля,
И зима терпела поражение,
Серебрились лунные поля.
Когда в жизни происходит важное,
Надо только мимо не пройти
И ценить отпущенное каждое
То мгновенье на своём пути.
Но от остального, что уж пройдено,
Нам нельзя отречься невзначай,
Это – сердце, и душа, и Родина,
Многоцветный и прекрасный край.
В поисках утраченного времени
Вновь блуждают милые глаза,
Там, в дали, в последнем воплощении,
Там осталась лучшая весна.

* * *

В мир воздуха, воды и цвета,
Туда, где музыка звучит,
Где ускользает снова лето,
И горизонт бежит, бежит,
И мы догнать его стремимся
По лунной сказочной тропе,
Во сне с мечтой своей резвимся
И вновь завидуем себе.
В миры иные и пространства
Воображение уйдёт,
Дыханье живописных странствий
С дыханьем нашим совпадёт.

* * *

Воздух, что подарен был тобой,
Соткан из вишнёвых городов,
Из сирени, что ведёт домой,
И пуховых детских ярких снов.
Из любви и нежности берёз
И объятий летнего дождя,
Из волны морской и юных грёз,
Из всего, что так хранит тебя...

* * *

Кто пробудил в нас понимание,
Тот возбудил в душе любовь,
Через года и расстояния
Наполнят сердце до краёв
Мечты, свободные от глупости,
Тепло, вернувшее рассвет,
В словах порой так много хрупкости –
И даже в самом сильном «нет».
Остановить реальность хочется,
В другую юркнув хоть на миг,
Весна опять с небес пророчится,
Неугомонен птичий крик.
Стрелой звенящей родниковою
Пронзает радость грудь земли,
И жизнь становится как новая,
Ты на пути к своей любви.

* * *

Пять шагов по облакам,
Где ночует ветер,
Тенью по твоим следам
В лучезарном свете.
В звёздной россыпи небес
Уловлю твой голос,
Пять шагов, и вот он – лес
Сновидений, волос
Свой протянет мне луна,
Чтоб не заблудиться,
Утром снова у окна
Станут небылицей
Пять шагов по облакам,
Где проснётся ветер,
Тенью по твоим следам
В запоздалом свете.

* * *

«Я вернусь», – напишет лето ветром
На опавших разноцветных листьях,
Запорошит серебристым пеплом
Алые рябиновые кисти.
Не грустите без него, не надо,
Вспоминайте с доброю улыбкой
Лучезарность солнечного взгляда
И свиданья с золотой рыбкой.
«Я вернусь», – дождём напишет лето,
Тишину осеннюю нарушив,
Ничего, что очень мало света
В паутине из холодных кружев...

* * *

Лишний раз понять, что ты – живой,
И поймать внутри себя луч света,
Не расстаться с призрачной мечтой
И хоть миг считать себя поэтом.
С радостью вливаться в этот мир,
Не бояться больше столкновений,
Вспомнить, как когда-то ты парил
Над границей правил и сомнений.
Вчувствоваться в каждый новый день
Любящей душой, поющим сердцем,
Пусть февраль встречает вновь апрель,
Чтобы быть живым, чтоб согреться.

* * *

Сквозь сухое дерево
Тоже виден свет,
Радостью проверенный
Много, много лет.
Звёзды прижимаются
Щёчками к стеклу,
Чтоб блестеть и маяться
В вас, глаза, к утру
Свечи догоревшие
Позабудут ночь,
Тени оробевшие
Ускользают прочь.
Это сердце падает
В трепетной груди,
То – твоё отчаянье,
Прежде чем уйти.

* * *

Тогда была холодная зима
И не хватало солнечного света,
А где-то глубоко внутри меня –
Бескрайнее заботливое лето.
Там, в вышине ромашковых небес
И васильковых мостиков желаний,
Морозный хруст моих шагов исчез
И затерялся снежный сон признаний.
Там, в глубине томящейся мечты,
Случайные снежинки остужали
Черты моментов пылкой красоты,
Восторженные смутные печали.

СУДЬБА ПОХЛЕЩЕ, ЧЕМ РОМАН

В. И. Нарбут

*В 2018 году исполнилось 130 лет
со дня рождения поэта В. И. Нарбута
и 80 лет со дня его трагической смерти.*

Поэт Владимир Иванович Нарбут родился 14 апреля 1888 года в родовом хуторе Нарбутовка, неподалёку от города Глухова на Черниговщине. Ещё в самом раннем детстве, когда он поливал дома из лейки цветочную клумбу, его отец Иван Яковлевич совершил одну идиотскую шутку. Он подкрался со спины к своему пятилетнему сынишке и неожиданно страшно и громко гаркнул ему в детское ушко, из-за чего малыш настолько испугался, что с этого момента на всю жизнь стал заикой. После этого он во время разговора вдруг начинал спотыкаться и с напряжением повторял слово-вставку «ото...». «С точки... ото... ото... ритмической, – говорил он при обсуждении чьих-нибудь слабых стихов, – данное стихотворение как бы написано... ото... ото... сельским писарем».

В 1905–1906 годах Владимир перенёс болезнь, следствием которой стала хромота из-за удаления пятки на правой ноге. Говорили, что он наступил босой ступнёй на ржавый гвоздь, и, чтобы спасти от начинающейся гангрены, ему удалили всю правую пятку.

В 1906 году Владимир и его брат Георгий получили аттестаты зрелости и в том же году были зачислены в Петербургский университет. Сначала Владимир учился на математическом факультете, потом – на факультете восточных языков, а впоследствии перешёл на историко-филологический.

А в 1910 году он выпустил свой первый поэтический сборник «Стихи», который получил хорошие отклики от В. Брюсова, Н. Гумилёва и В. Пяста, познакомился с Александром Блоком, Максимилианом Волошиным, Михаилом Кузьминым и кружком «акмеистов», одним из которых он вскорости и стал.

Но в 1912 году он выпустил небольшую книжечку «Аллилуйя», которая вызвала резкое недовольство Святейшего Синода, из-за чего ему пришлось продать своё издательство и на время уехать в Абиссинию. Возвратившись назад, он опять поселился жить в своём родовом имении.

Жизнь в русской глухомани показалась поэту стоячей, как тёмная вода в старом болоте. И потому, пока он сидел в своей Нарбутовке, в 1914 году, словно от скуки, он женился на Нине Ивановне Лесенко и переселился к ней в ближний городок Глухов. Там он начал сотрудничать в провинциальной печати, совмещая это с работой в страховой конторе. Но главное – он пишет много стихов. В этот период он издаёт в Петербурге две маленькие книжечки – «Любовь и любовь» (1913) и «Вий» (1915) – всего из нескольких стихотворений, тематически и стилистически прилегающих к его «Аллилуйе». А в 1916 году у него родился сын Роман. «Не роман на бумаге, так Роман в колыбели», – не слишком удачно пошутил он над своими былыми устремлениями.

К 1917 году Владимир примкнул к местной группе левых эсеров, а после Февральской революции – за месяц до переворота в Петрограде – он вошёл в Глуховский Совет, склоняясь к большевикам. 1 октября 1917 года он подаёт заявление о выходе из партии эсеров и вступает в члены ВКП(б), становясь первым большевиком в уезде (партбилет № 1055). «Я всегда тяготел к левому крылу социалистов-революционеров и “даже” к большевикам», – говорит он, объясняя свой поступок. А затем упрекает глуховскую организацию эсеров в бездеятельности и в том, что в её составе «фигурируют людишки очень и очень вправо стоящие».

Нарбут «последовательно отстаивал в Совете большевистские позиции», был единственным на первых порах, кто после 25 октября требовал поддержки и осуществления декретов советской власти в Глухове. И он был избран в Глуховский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, несмотря на бур-

но развёрнутую в местной печати кампанию против «большевика и поэта-футуриста».

А в новогоднюю ночь 1918 года семья Нарбута, которая собралась для празднования на усадьбе его жены Нины, подверглась нападению банды красных «партизан», которые громили «помещиков и офицеров». Владимир Иванович за свою жизнь несколько раз уходил чудом от смерти, выскальзывая из её рук и оставаясь живым. И вот как позднее напишет об этом случае внучка поэта Нарбута – Татьяна Романовна Романова, уточнив при этом мимоходом одну невторостепенную деталь: «...На хутор Хохловка, где семья Нарбутов встречала Новый год (это было 1 января 1918 года), ворвалась банда анархистов и учинила расправу. **Отец Владимира Ивановича успел выскочить в окно и бежал**, жена с двухлетним Романом спряталась под стол, а остальных буквально растерзали. Был убит брат Сергей и многие другие обитатели Хохловки. Владимира Ивановича тоже считали убитым. Всех свалили в хлев. Навоз не дал замёрзнуть тяжело раненному В. И. Нарбуту. На следующий день его нашли. Нина Ивановна (первая жена поэта) погрузила его на возок, завалила хламом и свезла в больницу. У него была прострелена кисть левой руки и на теле несколько штыковых ран, в том числе в области сердца. Из-за начавшейся гангрены кисть левой руки ампутировали».

Так что к хромоте правой ноги у Владимира добавилось ещё отсутствие левой кисти.

Как видим, в этой трагической ситуации отнюдь не блеснул своим героизмом отец Нарбута, который вместо защиты своего семейства рванул через окно наутёк и скрылся в ночном мраке, бросив в руках свирепых погромщиков свою жену и детей. Если вспомнить его более раннюю идиотскую шутку над сыном, которая привела мальчика к заиканию, то умственные способности Ивана Яковлевича высокими назвать было нельзя, как, собственно, и твёрдость его воли тоже.

Говоря, что хромота Нарбута, как и потеря им левой руки, стала следствием ранения, полученного им во время участия в

Гражданской войне, Катаев, как и многие другие мемуаристы, повторяет общепринятое всеми заблуждение, кочующее среди писателей, копирующих друг у друга одни и те же недостоверные описания, в которых о нём говорится: «Нарбут, высокий, прихрамывающий, с одной рукой в перчатке – трофеи времён гражданской войны».

Но в войне он не участвовал, хотя хромота и ампутированная рука становятся важными элементами нарбутовского образа, причём как в случае автоописания, так и при формировании этого образа в текстах его современников. Интересно рассмотреть в связи с этим стихотворение Нарбута «После грозы», впервые опубликованное в программной подборке акмеистов в журнале «Аполлон» (1913) и впоследствии включённое Нарбутом в состав поэтического сборника «Плоть» (1920):

*Как быстро высыхают крыши.
Где буря?
Солнце припекло!
Градиной вихрь на церкви вышиб –
под самым куполом – стекло.
Как будто выхватил проворно
остроконечную звезду –
метавший ледяные зерна,
гудевший в небе на лету.
Овсы – лохматы и корявы,
а рожью крытые поля:
здесь пересечены суставы;
коленцы каждого стебля!
Христос!
Я знаю, ты из храма
сурово смотришь на Илью:
как смел пустить он градом в раму
и тронуть скинию твою!
Но мне – прости меня, я болен,
я богохульствую, я лгу –
твоя раздробленная голень
на каждом чудится шагу.*

Утверждению, содержащемуся в последних двух строках, предшествует авторская самооценка: «я богохульствую, я лгу». Оценка эта вполне достоверна: автор лжёт, поскольку, согласно тексту Евангелия от Иоанна, голень

Христа при распятии не была раздроблена. Это и в самом деле и ложь, и богохульство, так как, согласно тому же Евангелию, голени были перебиты у разбойников, распятых вместе с Иисусом. Но у этой ассоциации есть ещё один важный смысловой оттенок: о якобы «раздробленной голени» Христа (и, если говорить о подтексте, о голених распятых разбойников) автору «на каждом шагу» напоминает собственная хромота.

Мотив нарбутовской хромоты у Валентина Катаева стал одной из важных составляющих образа «колченогого» в его книге воспоминаний «Алмазный мой венец». Собственно, псевдоним «колченогий», избранный Катаевым для Нарбута, уже и сам по себе достаточно характерен:

«Нашей Одукростой руководил прибывший вместе с передовыми частями Красной Армии странный человек – колченогий. Среди простых, на вид очень скромных, даже несколько серых руководящих товарищей из губревкома, так называемой партийно-революционной верхушки, колченогий резко выделялся своим видом.

Во-первых, он был калека.

С отрубленной кистью левой руки, культяпку которой он тщательно прятал в глубине пустого рукава, с перебитым во время гражданской войны коленным суставом, что делало его походку странно качающейся, судорожной, несколько заикающийся от контузии, высокий, казавшийся костлявым, с наголо обритой головой хунхуза, в громадной лохматой папахе, похожей на черную хризантему, чем-то напоминающий не то смертельно раненного гладиатора, не то падшего ангела с прекрасным демоническим лицом...»

Здесь следует обратить внимание, во-первых, на то, что Катаев постоянно подчёркивает в своих описаниях увечья «колченогого», а во-вторых, на то, как именно у него описана хромота Нарбута: «С перебитым во время гражданской войны **коленным суставом**, что делало его походку странно качающейся, судорожной». Этот «**перебитый коленный сустав**», конечно же, «перекочевал» к нему из стихотворения «После грозы»,

в котором откровенно перекликается с выше приводимым образом строчка: «здесь пересечены **суставы; коленцы** каждого стебля».

Об увечьях Владимира Нарбута упоминал позже в своих «Петербургских зимах» и Георгий Иванов, сообщавший, что «в 1916 году (скорее всего, эта дата указана ошибочно, так как, похоже, речь идёт о весне 1918-го. – Н. П.) он был ненадолго в Петербурге. Шинель прапорщика сидела на нём мешком, **рука была на перевязи**, вид мрачный. Потом прошёл слух, что Нарбут убит».

В этот же момент происходит и разрыв Владимира Ивановича с семьёй, но причины, по которым он оставляет свою жену и маленького сына, остаются неизвестными. Внучка Нарбута – Татьяна Романовна – умалчивает об этом, давая только самую краткую информацию, в которой она сообщает о дяде: «Чуть поправившись, он переезжает в Киев к брату Георгию. Там происходит его разрыв с семьёй».

Но там начинается и новый этап литературно-издательской, а чуть позже и личной жизни Владимира Нарбута.

Весной 1918 года, уже немного окрепшего после ранений во время налёта на него в Хохловке красных партизан, Владимира отправили из Киева в прифронтовой Воронеж для организации большевистской печати. Он работает «сменным редактором» газеты «Известия Воронежского губисполкома» и председателем губернского «Союза журналистов» с клубом «Железное перо», а также ведёт воскресную «Литературную неделю». А сверх всего этого он организовал и создал буквально на голом месте «беспартийный» литературно-художественный журнал-двухнедельник «Сирена», который становится первым литературным периодическим изданием в послереволюционной, разорённой России, собравшим на своих страницах весь цвет отечественной литературы. Он добывал бумагу и шрифты, ездил в Москву и Петроград, разыскивая там писателей, чьи произведения хотел печатать в «Сирене», встречался с Георгием Ивановым, который видел его в

это время с ещё перевязанной рукой и описал в «Петербургских зимах». После этой его поездки в журнале «Сирена» были напечатаны стихи Блока, Гумилёва, Ахматовой, Брюсова, Мандельштама (в том числе его статья «Утро акмеизма»), Пастернака, Есенина, Орешина, а также «Декларация» имажинистов, проза Горького, Пильняка, Замятина, Пришелеца, Эренбурга, Ремизова, Шишкова, Чапыгина, Пришвина и других авторов.

В середине 1919 года он опять живёт в Киеве, куда был отозван «для ведения ответственной работы» и где участвует в издании журналов «Солнце труда», «Красный офицер» и «Зори». Его брат руководил в это время в Киеве Украинской академией художеств.

31 сентября того же 1919 года белогвардейцы захватывают Киев. Красная армия уходит из него, а вместе с ней его покидают все большевики и их сторонники. И только Владимир почему-то продолжает находиться в растерянности, медля с принятием какого-либо ясного решения. Как будто он до сих пор не может прийти в себя после гибели своего брата Сергея, убитого членами партизанского отряда – не вражеского, а, так сказать, своего же, большевистского, участники которого и в нём тоже сделали несколько штыковых ран, а также всадили в него четыре пули, отстрелив кисть левой руки. Его расстреливали, калечили, убивали его близких, и всё это вызвало сильнейшие нервные потрясения, обусловившие, в свою очередь, у него душевную болезнь. Проявления этой болезни – депрессия, апатия, патологический страх перед насилием...

Приходя после той ночи в больницу, где лежал в бинтах Нарбут, партизаны интересовались у медсестёр, жив ли он ещё, но Владимиру показалось, что они при этом не столько волнуются о состоянии его здоровья, сколько прикидывают, где и как им его будет удобнее добить.

Гражданская война, на Украине особенно свирепая и кровавая, не двузначная («красные» – «белые»), а многоликая (немцы, Деникин, Центральная Рада, Антанта, Петлюра, махновцы, другие) горячо поварила в своём котле Владимира Нарбута, несмотря на его

инвалидность. Немного окрепнув, он сразу же отвёз своих жену и сына в Воронеж к родственникам, спрятав их подальше от орудующих партизан, а сам вскоре уехал к брату, а потом приступил к выполнению поручений партии.

И вот он промедлил тот момент, когда можно было спокойно уйти вместе с красными частями из Киева. В эти дни скончался отец братьев Нарбутов, из-за чего он, по-видимому, несмотря на отход Красной армии, вынужден был в это время заниматься отцовскими похоронами, и только после этого собрался двинуться из уже занятой деникинцами Украины на Кавказ, к своей матери. Лучшим вариантом ему показалось прорваться туда, где не было ни красных, ни белых, ни зелёных, ни черносотенцев, вообще никого, как это было в то время, по слухам, в Тифлисе, а «там – успокоиться, придти хоть немного в себя».

Оставив Киев, Владимир направился в сторону Кавказа, но 8 октября, оказавшись в занятом деникинскими войсками Ростове-на-Дону, он был там арестован контрразведкой Добровольческой армии как «большевицкий редактор, поэт и журналист», да ещё и член Воронежского «губисполкома». Так случился непредвиденный арест на вокзале.

Описывая жизнь Владимира Нарбута, Роман Кожухаров в восьмом номере журнала «Южное сияние» за 2014 год пишет, что его «приговаривают к расстрелу, и только внезапный налёт красной конницы возвращает ему свободу». Но о каком **внезапном** спасении может идти речь, если Владимир был арестован 8 октября 1919 года, а конница Будённого освободила Ростов только 8 января 1920-го?.. Ему тут пришлось томиться ровно три месяца, каждый день ожидая своей участи и в очередной раз пересказывая следователю свою нелёгкую грустную историю.

Первый допрос Нарбута в белогвардейской контрразведке начался уже 9 октября 1919 года, и в этот же день он начал писать свои «признания», в которых сообщил, что «до конца февраля 1918 года я проживал в Глухове, где последние месяцы лежал в земской

больнице, так как 2 января 1918 года во время большевистского переворота при нападении большевиков на свой дом в Хохловке Глуховского уезда был ранен четырьмя ружейными пулями и потерял левую руку. В конце февраля или в начале марта я с женой и ребёнком убежал в Воронеж, откуда родом была моя жена и где проживали её родственники и знакомые. Убежал я потому, что боялся местных большевиков, которые не раз приходили к больнице и узнавали, жив ли я...»

Владимир несколько раз подчёркивал момент налёта на его дом большевистского отряда, напоминая: «...во время нападения на мою усадьбу был убит мой любимый брат Серёжа, офицер, только что вернувшийся с фронта. Кроме того, я потерял из виду всех своих близких».

Излагаемая Владимиром история его жизни в Глухове трагически развивалась, и на определённом этапе всё увенчалось неожиданными и пугающими словами: «...Я всей душой, всем своим существованием ненавидел большевиков, оторвавших у меня всё, лишивших меня всего, всего дорогого, не говоря о калечестве...»

По его словам, коммунистом он только числился. Своих же товарищей по партии характеризовал с необычайной, предельно взвинченной эмоциональностью, так, что даже не верится, что это писал не кто-то другой, а он собственноручно:

«Ненависть к ним возросла у меня ещё больше, и я с лихорадочным вниманием прислушивался ко всему тому, что говорилось о походе против большевиков. Я уже знал, уже точил нож мести против тех убийц (я поклялся перед трупом брата убить их, я их знаю!), которые напали тогда ночью... но судьба опять толкнула меня в лапы поработителей...»

Далее он сообщал, что добрался сначала до Харькова, а уже оттуда – до Киева, где нашёл своих родственников буквально изголодавшимися, почему и вынужден был ради заработков вернуться к своей журналистской работе, тем более что отца ему пришлось ещё и прятать от чекистов. А в конце этого пассажа было написано: «Но к партии решительно, категорически никакого отношения уже не имел».

Читать это «признание» Нарбута, прекрасного честного поэта, невозможно без содроганий и ледяного внутреннего холода, продирающего душу при знакомстве с написанными им словами. Успокоить себя можно только напоминанием о том, что Владимир Иванович – поэт, в полной мере владеющий литературными формами монолога, и данный документ он писал, относясь к нему как исключительно к художественному произведению, преследующему цель произвести максимально снисходительное впечатление. И с каждой новой строкой, с каждым новым написанным словом эмоции Нарбута разгораются всё сильнее и ярче, и он уже чуть ли не захлёбывается написанным им в высшем возбуждении монологом:

«Я приветствую вас, освободители от большевистского ига!! Идите, идите к Москве, идите, пусть и моё мерзкое, прогнившее сердце будет с вами... только не отталкивайте меня зря!.. О, как я буду рад, если мне будет дано право участвовать в деле обновления России. А может, возможно и моё возрождение? Не знаю, но всё то, что я написал, правда – от первой до последней строки. Это – моя исповедь...»

С одной стороны, невозможно не чувствовать того, что мы читаем не столько политическую речь и откровенное признание, сколько острую публицистическую поэму, написанную от лица потерявшегося среди гражданских тупиков и зигзагов человека. А с другой стороны – всё это настолько искренне, настолько глубоко выдохнуто, что не поверить его словам не получается:

«Я задыхаюсь, не могу больше выдерживать – я борюсь (какая злая борьба!) с трусостью, я не могу её победить, я хочу идти сам с повинной к новой, своей власти-освободительнице и... не могу».

Для написания подобного признания нужно было иметь очень веские причины для того, чтобы возненавидеть власть большевиков и возлюбить власть господ, помещиков и генералов, и такие основания у Нарбута действительно были, по крайней мере – теоретически, поскольку он относился к старинному

княжескому роду, владевшему именьями, садами и полями. Но брошенный за окно Ростова взгляд не может не задуть эту тлеющую в сердце тягу к возрождению власти элиты, поскольку, как писал беспристрастный исследователь истории Александр Локерман, после освобождения города от Красной армии в 1918–1919 годах «на улицах города появилась масса белогвардейцев в вызывающе яркой, опереточной форме, принявшихся с невиданной яростью зверски расправляться с заподозренными в большевизме. Кроме белогвардейцев в расправах участвовали и казачьи отряды, сформированные из людей, лично пострадавших от рук большевиков... И теперь они свирепствовали не с меньшей дикостью, чем большевики. Людей схватывали и расстреливали, некоторых предварительно жестоко пороли. Каждый день за городом, преимущественно в районе Балабановских рощ, находили трупы расстрелянных. Как и в дни большевизма, среди расстрелянных было много случайных, ни в чём не повинных лиц. Захваченных рабочих огульно зачисляли в красnogвардейцы, выстраивали в ряд и скашивали пулёмётным огнём», – свидетельствовал он в своих записях. Очевидец со стороны большевиков комиссар народного образования Донецко-Криворожской советской республики Михаил Петрович Жаков тоже подтверждает эти жестокие факты: «В Балабановской роще оказалось ещё 52 расстрелянных белыми».

Если учесть, что на фоне проводимого белогвардейцами в городе массового террора Владимир Нарбут был приговорён ими тогда к расстрелу, то нет ничего странного в том, что для своего спасения он вынужден был написать множество максимально искренних признаний (по крайней мере – похожих на искренние) в своей ненависти к большевикам и объяснить своё сотрудничество с советской властью только полным безденежьем, страхом и отчаянием, а главное – подписать отказ от большевистской деятельности...

К счастью, 8 января 1920 года под натиском конницы красного командарма Будённого Добровольческая армия оставила Ростов-на-Дону, и Владимир Иванович Нарбут

был выпущен из тюрьмы, после чего он возобновил свою издательскую деятельность в ряде городов Украины. Но первым делом он сразу же после своего выхода на свободу официально встал на партийный учёт в ростовском отделении РКП(б). А уже после этого вернулся к своим стихам, статьям, журналам и другой литературно-издательской и организационной работе.

Стремясь перешагнуть через свою израненную память о расстреле в Хохловке и трёхмесячных допросах в Ростове, Владимир усиленно вживается в наступившие в 1920 году мирные дни и активно занимается организацией литературного процесса в послереволюционной Новороссии, охватывая его живительными токами обширнейшую территорию, куда входят Полтава, Севастополь, Николаев, Тирасполь и Херсон. В Полтаве он издаёт сборник «Стихи о войне», а также участвует в издании альманаха «Радуга» и местных «Известий». Проведя ещё короткое время в Николаеве, где он также участвовал в местной печати, Нарбут оказывается в городе Одессе, где проводит год – от весны до весны.

Одесса в то время стала центром новой культурно-просветительской деятельности, и Нарбут начинает выпуск литературных журналов «Лава» и «Облава», возглавляет агентство «Юг-Роста», произведя в нём реформу, и объединяет под своим началом талантливую молодёжь, которая позже, с подачи Виктора Шкловского, получит имя «южно-русской школы». Этими молодыми литераторами были Багрицкий, Бабель, Славин, Кольцов, Шишов, Кесельман, Валентин Катаев (который в 1920 году отсидел полгода в подвале одесского ЧК за то, что в 1918 году он вступил в вооружённые силы гетмана Скоропадского, а после падения гетмана – в добровольческую армию Деникина) и его брат Евгений (отсидевший такие же полгода просто за подозрительность), а также Илья Ильф, Юрий Олеша, художник Ефимов и некоторые другие.

Коммунистической агитацией в Одессе заведовал Владимир Нарбут, он привлёк к работе только что выпущенного из ЧК Валентина Катаева, а также Олешу, Багрицкого и

прочих молодых одесситов. Между ними быстро завязались неформальные отношения. Владимир буквально сохранил «Коллектив поэтов», дал им возможность заработать на жизнь своими стихами и рассказами. Во многом стараниями именно Владимира Нарбута, благодаря его максимально деятельной личной поддержке, эти одесские литераторы впоследствии войдут в круг столичной писательской элиты, став признанными классиками русской советской литературы.

У самого же Нарбута в этом году вышла из типографии новая поэтическая книга «Плоть. Быто-эпос», составленная из стихов 1913–1914 годов. Быт в этой книге полней, многообразнее, а порой даже и страшнее, чем в «Аллилуйе». Но зато и воздуха, и света в ней было больше. «Горшечник» уже не так одинок в этой книге. И, может быть, ключевым следует считать в «Плоти» стихотворение «Столяр», где простое людское ремесло возвышается до духовного подвига:

*Визжит пила уверенно и резко,
рубанок выпирает завитки,
и неглубоким желобком стамеска
черпает ствол и хрупкие суки.
Кряжистый, низкий, лысый, как апостол,
нагнулся над работой столяр:
из клёна и сосны почти что создал
для старого Евангеля футляр...*

«Его поэзия, – отмечает Катаев, – в основном была грубо материальной, вещественной, нарочито корявой, немusыкальной, временами даже косноязычной... Но зато его картины были написаны не чахлой акварелью, а густым рембрандтовским маслом. Колченогий брал самый грубый, антипоэтический материал, причём вовсе не старался его опoэтизировать. Наоборот. Он его ещё более огрублял...»

В своём «Алмазном венце» Валентин Катаев связывает с «демонизмом» Нарбута его внешнюю привлекательность и эротическую притягательность, говоря, что он был «чем-то напоминающий не то смертельно раненного гладиатора, не то падшего ангела с прекрасным демоническим лицом», который

«появлялся в машинном бюро Одукросты, вселяя любовный ужас в молоденьких машинисток; при внезапном появлении колченогого они густо краснели, опуская глаза на клавиатуры своих допотопных "ундервудов" с непомерно широкими каретками...

Может быть, он даже являлся им в грешных снах».

Примерно так же описывал Нарбута и Юрий Карлович Олеша, воплотивший его образ в своём герое романа «Зависть» Андрее Бабичеве, который, подобно Владимиру Нарбуту, тоже был крупным руководителем одного из советских предприятий. «Девушек, секретарш и конторщиц его, должно быть, пронизывают любовные токи от одного его взгляда».

Интересно сопоставить вышеприведённые цитаты с высказыванием из мемуаров Семёна Липкина, построенным на пересечении литературных и нелитературных источников:

«Нарбут нравился женщинам. Чувствовался в нём человек крупный, сильный, волевой. Он отбил у Олешы жену – Серафиму Густавовну, самую красивую из трёх сестёр Суок. В какой-то мере черты Нарбута придал Олеша хозяйственнику Бабичеву, одному из персонажей "Зависти"».

В ряде стихотворений Нарбута мы встречаем персонаж, сочетающий в себе inferнальность и эротизм, при этом Нарбут самоотжествляется с героем этих стихотворений (вампир, оживший мертвец, оборотень). Так, например, в стихотворении «Большевик» все эти inferнально-эротические признаки соединяются воедино, создавая некий пугающе-соблазнительный образ:

*Мария! Обернись: перед тобой –
Иуда, красногубый, как упырь.
К нему в плаще сбегала ты тропой,
Чуть в звёзды проносился нетопырь.*

<...>

*И, опершись на посох, как привок,
Пред вами тот же, тот же, – он один! –
Иуда, красногубый большевик,
Грозových дум девичьих господин...*

Голод 1921 года был одной из самых чёрных страниц в ранней истории большевизма, поэтому любая форма пропаганды (а для партийных инстанций поэзия также относилась к ней) должна была быть предельно выверенной: «Постигшее нас бедствие коренится в прошлом и в попытках реакционных сил вернуть это прошлое...»

Первым на пути уезжающих из голодной Одессы был Харьков. Сначала в него убежали от пустых магазинов и базаров Валентин Катаев и Юрий Олеша, а следом за Олешей в Харьков переехала и его любимая женщина – Серафима Суок, одна из трёх сестёр-красавиц.

Жившую с Олешей в Одессе молодую женщину Нарбут тогда не видел. Знал только, что из-за какой-то вздорной девицы, даже не «молоденькой», а, скорее, ещё «маленькой» шестнадцатилетней Серафимы, Юра остался в Советской России и не поехал с родителями в Польшу.

Вошедший в свой зрелый (как ему тогда казалось) тридцатидвухлетний возраст, Нарбут весело посмеивался, наблюдая, как двадцатилетний Юра, без всякого преувеличения, сходит с ума от любви.

Воочию сам предмет любви Нарбут увидел лишь в Харькове, куда уехал поднимать местный агитпроп и куда к нему вскоре потянулись прикормленные в Одессе молодые поэты. Зашёл в гости в крохотную комнатёночку, где ютились Валька Катаев и Юра Олеша со своей Симочкой-Серафимочкой, и застыл. Похожая на выросшую куклу девочка-женщина обворожила мгновенно и навсегда...

В Харькове Владимир Иванович занимает пост директора РАТАУ (Радио-телеграфное агентство Украины), организует первые в стране радиопередачи. Кроме издания книги стихов «Александра Павловна», он редактирует здесь литературно-художественную газету «Новый мир», печатается в журналах «Художественная жизнь», «Календарь искусств», газете «Харьковский понедельник» и других изданиях.

В том же 1921 году друзья двинулись друг за другом в Москву.

Разведчиком отправили Валентина Катаева. Москва ему понравилась. В ожидании остальных он заводит в городе новые знакомства, в том числе в газете «Гудок» – будущем пристанище всех талантливых одесситов.

«В один прекрасный день в телефоне раздается ликующий голос Симы:

- Алло! Я тоже в Москве!
- А где Юра?
- Остался в Харькове.
- Как?! Ты приехала одна?
- Не совсем.

Человек, с которым Сима Суок приехала, был хром, брит наголо, левая рука отрублена.

– От-то, от-то рад, – сказал этот странный человек, странно заикаясь, – вы меня помните?

Катаев помнил.

Владимир Нарбут, по кличке Колченогий. Потомственный черниговский дворянин; анархист-эсер, приговорённый к расстрелу, спасённый красной конницей, после чего примкнул к красным; основатель нового литературного течения "акмеизм" – вместе с Ахматовой, Гумилёвым и Мандельштамом.

Современники свидетельствуют, что публичные чтения Нарбута напоминали сеансы чёрной магии: "Пёсья звезда, миллиарды лет мёд собирающая в свой улей..."

Тираж его книги "Аллилуйя" сожгли по распоряжению Святейшего Синода. Многие считали, что с него списан булгаковский Воланд...

Обосновавшись в российской столице, Владимир работал в Наркомпросе; основал и возглавил издательство «Земля и Фабрика» («ЗиФ»), на его базе в 1925 году основал ежемесячник «Тридцать дней» – тот самый, где впервые, с опережением всех мыслимых издательских сроков, увидел свет знаменитый роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова «12 стульев».

В «ЗиФе», позже преобразованном в издательство «Художественная литература», увидели свет многие книги И. Бабеля, В. Шишкова, А. Серафимовича, А. Неверова и других авторов. Вплоть до октября 1928 года Владимир Нарбут, по справедливому замечанию А. С. Серафимовича, играет ведущую роль «собираателя литературы Земли Союзной».

Серафима Суок, жена В. Нарбута

Поначалу Нарбуту кажется, что вернулось время поэзии. Он даже уговаривает Мандельштама возобновить акмеистическое содружество и привлечь вместо расстрелянного Николая Гумилёва Исаака Бабеля и Эдуарда Багрицкого.

Однако столица его довольно быстро отрезвила, и в дальнейшем он, если иногда ещё и писал от случая к случаю стихи, то больше их уже нигде не печатал. И вообще говорили, что, начав делать партийную и издательскую карьеру, Нарбут совсем прекратил писать стихи и отошёл от поэзии, хотя ещё в 1922 году им было переписано в новой редакции несколько ранних стихотворений, в том числе потрясающее своей грубой красотой (или, может быть, красивой грубостью) длинное, но насыщенное жестокими образами стихотворение «Самоубийца», в котором были такие строки:

*И ты, ты думаешь, по нём вздыхая,
Что я приставлю дуло (я!) к виску?
...О, безвозвратная! О, дорогая!
Часы спешат, диктуя жизнь: «ку-ку»,
А пальцы, корчась, тянутся к курку...*

Вспоминая в своих мемуарах это нарбутовское стихотворение, Катаев после обширной цитаты из него заключает:

«Нам казалось, что ангел смерти в этот миг пролетел над его наголо обритой головой с шишкой над дворянской бородавкой на его длинной щеке...

Нет, колченогий был исчадием ада...»

Сборник «Александра Павловна», выпущенный в 1922 году в Харькове, стал последней прижизненной книгой Нарбута, и стихи в ней оказались гораздо гармоничнее прежних.

В начале 1930-х годов он возвращается к поэтическому творчеству, публикуя стихи в «Новом мире» и «Красной нови», связанные с так называемой научной поэзией. Нарбут намеревался собрать их в сборнике «Спираль», но сборник не был издан.

Идейные споры о новом понимании искусства и возникающие в результате этого писательские конфронтации против собственной воли втягивают Нарбута в круг окололитературных интриг и баталий. Поглощённый партийной и литературно-организаторской деятельностью, он неожиданно попадает в течение сложного и неоднозначного социально-политического процесса, что приводит его к падению с высоты административной системы: неожиданно появляются свидетельства о том, что в деникинской контрразведке Нарбут письменно отрёкся от своей большевистской деятельности.

Инициатором этого «разоблачения» Нарбута предположительно является его идейный оппонент Александр Константинович Воронский.

3 октября 1928 года в «Красной газете» появилось такое сообщение: «Ввиду того, что Нарбут В. И. скрыл от партии, как в 1919 г., когда он был освобождён из ростовской тюрь-

мы и вступил в организацию, так и после, когда дело его разбиралось в ЦКК, свои показания деникинской контрразведке, оппорочивающие партию и недостойные члена партии, – исключить его из рядов ВКП(б)».

Являясь эта угроза стала, когда протоколы заседаний Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП(б), хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), скрупулёзно передают перипетии безжалостного столкновения двух непримиримых конкурентов на советском литературно-издательском Олимпе тех лет. Один из них – это он, Владимир Иванович Нарбут, член ВКП(б) с 1917 года, писательский билет № 1055, из дворян, заведующий книжно-журнальным отделом печати ЦК ВКП(б), председатель правления издательства «ЗиФ». А второй – Александр Константинович Воронский, член ВКП(б) с 1904 года, руководитель издательства «Круг», редактор журналов «Прожектор», «Красная Новь» и «Перевал», а также председатель одноимённого объединения литературно-художественной группы «Перевал», с которым у Нарбута началась какая-то необъяснимая и отчаянная распря.

В результате этого разгоревшегося конфликта в 1927 году Нарбут обращается в ЦКК ВКП(б) с требованием «оградить его от распространяемых т. Воронским порочающих его сведений о прежней его литературной деятельности (он сотрудничал в «Новом времени» и в бульварных изданиях, печатал порнографические произведения, что вообще является некоммунистическим элементом)».

Но Нарбут просчитался. ЦК, всё тщательно взвесив, решил, что его вина больше, нежели Воронского, и исключил своего работника из партии с формулировкой «за сокрытие ряда обстоятельств, связанных с его пребыванием на юге во время белогвардейской оккупации».

Но в этом споре не было победителей. Погибли оба.

Воронский был арестован 1 февраля 1937 года. Обвинённый в создании подрывной террористической группы, готовившей покушения на руководителей партии и правительства, 13 августа 1937 года он был приговорён Воен-

ной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и вскоре же расстрелян. В лагерях оказались также его жена и дочь.

В ночь с 26 на 27 октября 1936 года по обвинению в пропаганде «украинского буржуазного национализма» Владимира Нарбута арестовали, а 23 июля 1937 года постановлением Особого совещания при НКВД СССР он был осуждён на пять лет лишения свободы по статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР. Он обвинялся в том, что входил в группу «украинских националистов – литературных работников», которая занималась антисоветской агитацией. Осенью он был этапирован в пересыльный лагерь под Владивостоком, а в ноябре – транспортирован в Магадан.

В конце февраля – начале марта 1938 года Владимир вместе с такими же, как он сам, инвалидами был активирован медицинской комиссией и этапирован в карантинно-пересыльный пункт № 2 под Магаданом. Здесь против него 2 апреля 1938 года, во время кампании массового террора в колымских лагерях (декабрь 1937 – сентябрь 1938 года), вошедшего в историю под названием «гаранинщина», было возбуждено новое уголовное преследование по обвинению в контрреволюционном саботаже. Не оправдались ни надежды Нарбута отличиться на трудовом поприще, ни – хотя бы! – попасть в инвалидный лагерь. Судьба уготовила Нарбуту гораздо более трагическую стезю.

7 апреля 1938 года дело девяти саботажников со 2-го карантинно-пересыльного пункта, увенчанное обвинительным заключением, было представлено на рассмотрение «тройки» УНКВД по «Дальстрою». Самым лаконичным решением в ходе исполнения ежовского приказа № 00447 в магаданском лагере «Дальстрой» могло быть только одно-единственное слово – «расстрел». И оно прозвучало. А 14 апреля 1938 года, ровно в день пятидесятилетия Владимира Ивановича Нарбута, он был расстрелян. И сегодня, спустя 130 лет со дня его рождения и 80 лет со дня его страшной смерти, поэт Владимир Нарбут и его необыкновенные стихи возвращаются на просторы великой русской литературы...

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Николай Переяслов родился 12 мая 1954 года. Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов национальных и зарубежных поэтов. Секретарь правления Союза писателей России. Член Союза журналистов Москвы, Международной федерации журналистов, Международной ассоциации писателей и публицистов. Член Славянской литературной и артистической академии в Варне (Болгария). Работал шахтёром в Донбассе, геологом в Забайкалье, журналистом в Тверской области, дворником в Санкт-Петербурге, директором Самарского отделения Литературного фонда России, помощником мэра Москвы. Автор порядка 40 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов, а также огромного количества публикаций в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Татарстана, Казахстана, Армении, Грузии, Болгарии, США и других стран. Составитель уникальной поэтической антологии, посвящённой войне 1812 года, – «Недаром помнит вся Россия» (Смоленск: Изд-во «Маджента», 2012). Награждён Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации, медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», орденом М. В. Ломоносова и другими наградами. Живёт в Москве.

Владимир НАРБУТ

СОВЕСТЬ

Жизнь моя, как летопись, загублена,
киноварь не вьётся по письму.
Я и сам не знаю, почему
мне рука вторая не отрублена...
Разве мало мною крови пролито,
мало перетуплено ножей?
А в яру, а за курганом, в поле,
до самой ночи поджидать гостей!
Эти шеи, узкие и толстые, –
как ужаки, потные, как вол,
непреклонные, – рукой апостола
Савла – за стволом ловил я ствол.
Хвать – за горло, а другой – за ножичек
(лёгонький, да кривенький ты мой),
и бордовой застит очи тьмой,
и тошнит в грудях, томит немножечко.
А потом, трясась от рясных судорог,
кожу колупать из-под ногтей,
и – опять в ярост, и ждать гостей
на дороге, в город из-за хутора.
Если всполошит что и запомнится, –
задыхающийся соловей:
от пронзительного белкой-скромницей
детство в гущу юкнуло ветвей.
И пришла чернявая, безусая
(рукою и губы набекрень)
Муза с совестью (иль совесть с музою?)
успокаивать мою мигрень.
Шевелит отрубленную кистью, –
червяками робкими пятью, –
тянется к горячему питью,
и, как Ева, прячется за листьями.

ЛУНА, КАК ГОЛОВА, С КОТОРОЙ...

Н. Гумилёву

Луна, как голова, с которой
кровавый скальп содрал закат,
вохрой окрасила просторы
и замутила окна хат.
Потом,
расталкивая тучи,

стирая кровь об их бока,
задула и фонарь летучий –
свечу над ростбифом быка...
И в хате мшистой, кривобокой
закопошилось, поползло, –
и скоро пристальное око
во двор вперилося: сквозь стекло.
И в тишине сторожкой можно
расслышать было, как рука
нащупывала осторожно
задвижку возле косяка.
Без скрипа, шелеста и стука
горбунья вылезла, и вдруг
в худую, жилистую суку
оборотилась, и – на луг.
Погост обнюхала усами
(попынь да плесень домовин), –
и вот прыжки несутся сами
туда, где лёг кротом овин.
А за овином, в землю вросшим, –
коровье стойло: жвачка, сап.
Подкрадывается к гороже,
зажавши хвост меж задних лап.
Один, другой, совсем нетвёрдый,
прозрачно-лёгкий, лёгкий шаг,
и острая собачья морда –
нырнула внутрь вполупотьмах.
В углы шарахнулась скотина...
Не помышляя о грехе,
во сне подпасок долгоспинный
раскинулся на коже
и от кого-то заскорузлой
отмахивается рукой...
А утром розовое сусло
(не молоко!) пошлёт удой.
Но если б и очнулся пастырь,
не сцапал ведьмы б всё равно:
прикинется метлой вихрастой,
валяется бревном-бревно.
И только первого приплода
опасен ведьмам всем щенок.
Зачует – ох! И огороды
отбрасывает между ног...
И в низкой каше колкой дрожью
исходит, корчась на печи.
Как будто гибель – Кару Божью –
несли в щенке луны лучи.

Виктор КАРПУШИН

Поэт, член СП России, автор четырёх стихотворных сборников. Печатался в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Литературной газете», газете «День литературы». Живёт в г. Балашихе Московской области.

В предзвездии снегов

* * *

* * *

Куда ведёт железная дорога?
До Реутово, дальше – на Москву.
Ах, Балашиха, будь ко мне не строга,
Повремени сгрести в костры листву!

Не торопи дожди, а с ними слякоть,
Туманную прохладу у реки...
На день рожденья не пристало плакать,
Топить во мгле кувшинок поплавки.

Пускай ещё немного бабье лето
Порадует задумчивым теплом.
И так легко теперь поверить в это
И обмануться, может быть, потом.

Ну а пока в росе искрятся рельсы
И электричка в Горенки ушла,
И я не лишний в этой странной пьесе,
И мне досталось чуточку тепла.

По лезвиям речной осоки
Скользит вечерняя заря.
Молчат поэты и пророки,
К чему тревожить вечность зря?

Такое время недоступно
Иноплеменному уму.
И высыпали звёзды крупно
В небес холщовую суму.

И соль блестит на чёрном хлебе,
И грустен взгляд полей ржаных,
И дальние зарницы в небе,
Где тени мёртвых и живых.

* * *

Здесь пахнут кладбищем рябины,
Печальна русская юдоль.
Деревни брошенной руины,
Где были радость, хлеб да соль.

А нынче осень в травах сорных
Плетёт туманную кудель...
И хрупкий лёд на лужах сонных,
И листьев траурная прель.

* * *

Тревожны реденькие рощи –
Они в предчувствии снегов.
Всё стало искренней и проще:
Вражда друзей, любовь врагов.

Нам это осень нагадала,
Нам это ветры принесли...
Но разве ты об этом знала
На стылом краешке земли?

От многих знаний – лишь печали,
От недосказанности – ложь.
Устала лодка на причале
С утра черпать бортами дождь.

И столько силы в каждой капле –
Ко дну, а может, в гушу волн?
И в камышах дремали цапли,
Былых и нынешних времён.

И лёгкий запах зверобоя,
Не ведая о том, бодрил.
«Я вас любил, чего же боле...»
И ангел по воде бродил.

* * *

Сохнут акварели на ветру,
Пробегают дрожь по старым клёнам.
Захожу то к Павлу, то к Петру,
Мужичкам, печалью заклеянным.

И дорога в блёстках позолот
Кажется родной и бесконечной.
Ну а то, что мелкий дождь идёт,
Для меня давно он друг сердечный.

Он не помешает различить
Ржавые ограды возле храма.
«Верь, любовь не может разлучить», –
Говорила мне когда-то мама.

Жаль, недолговечна акварель,
К вечеру сотрутся силуэты,
И, наверно, незачем теперь
Затевать счастливые сюжеты.

* * *

Всё как обычно – лёд и пламень
В провинциальном городке.
Из дома выйдешь – вещей камень,
Тропинка льдистая к реке.

Забыты прошлые уроки,
Запрятана в углу сума...
И сумерки сжимают сроки,
Поскольку на Руси – зима.

Ах, эти ветреные зимы,
Ночных метелей круговерть.
Постом Рождественским хранимы,
Живём, не думая про смерть.

Спускаемся к реке, где прорубь,
Где птичьи вмёрзшие следы.
И долбит клювом серый голубь
Сухарик с привкусом беды.

* * *

Мокий Мокрый разбудил русалок,
Ветки ивы тянутся к воде.
Присмирела утром стая галок,
Но не стоит думать о беде.

Милая народная примета
Повествует людям и зверью,
Что плутает по тропинкам лето,
Щурится на раннюю зарю.

О родне напомним незабудки,
Пролетит случайный майский жук.
Плавают задумчивые утки
И не отвлекает дятла стук.

И рыбак у высохшей колоды
Задремал от колдовской воды.
А русалки водят хороводы,
Путаясь в сплетеньях лебеды.

МОРОШКА

Потчуют в кафешке импортной картошкой,
Ну а я собрался нынче за морошкой.
А попутно можно прикупить чекушку,
Угостить соседа, угостить подружку.

Только очень скоро выветрилась влага,
Вот стою, сучаю около оврага.
Белые берёзы тихо облетают,
Юркие стрекозы в сумерках плутают.

Кажется, что леший смотрит из-за ёлки,
Спящая царевна мается в светёлке.
«Сказочна морошка, вот её и нету!» –
Как тут не поверить местному поэту?

* * *

Серебряными гвоздиками дождь
Вбивает листья в чёрную тропинку.
В такие дни тепла уже не ждёшь,
Как за соломинку, держась за паутинку.

И если спросит кто-то: «Как дела?» –
Ответить проще, чем хранить молчанье...
И всё-таки печаль твоя светла,
Таким бывает позднее венчанье.

* * *

Рисует тёмные аллеи
Художник в джинсах. Меркнет день.
И жизнь окажется милее,
Когда лица коснётся тень
Тревожной осени, летящей
Над затихающей землёй.
Редуют ивовые чащи,
Река посыпана золой
Задумчивых печалей лёгких.
Художник, отразить успеи,
Как в сумерки всплывают лодки
И бродит дождь среди аллей.

* * *

Замёрзли леса и болота,
На хлебе – кристаллики льда.
Окрестных церквей позолота,
Серебряных окон слюда.

И в сумерках стылых – прорехи:
Мерцают призывным огнём
Лампад путеводные вежи,
Поскольку в России живём.

* * *

В сыром лесу лиловый пруттик
Во мгле указывает путь.
Я несерьёзный, видно, путник,
С тропы не пробую свернуть.

Иду на дальний счёт кукушки,
Который еле различим...
И освещают путь гнилушки,
И родины приятен дым.

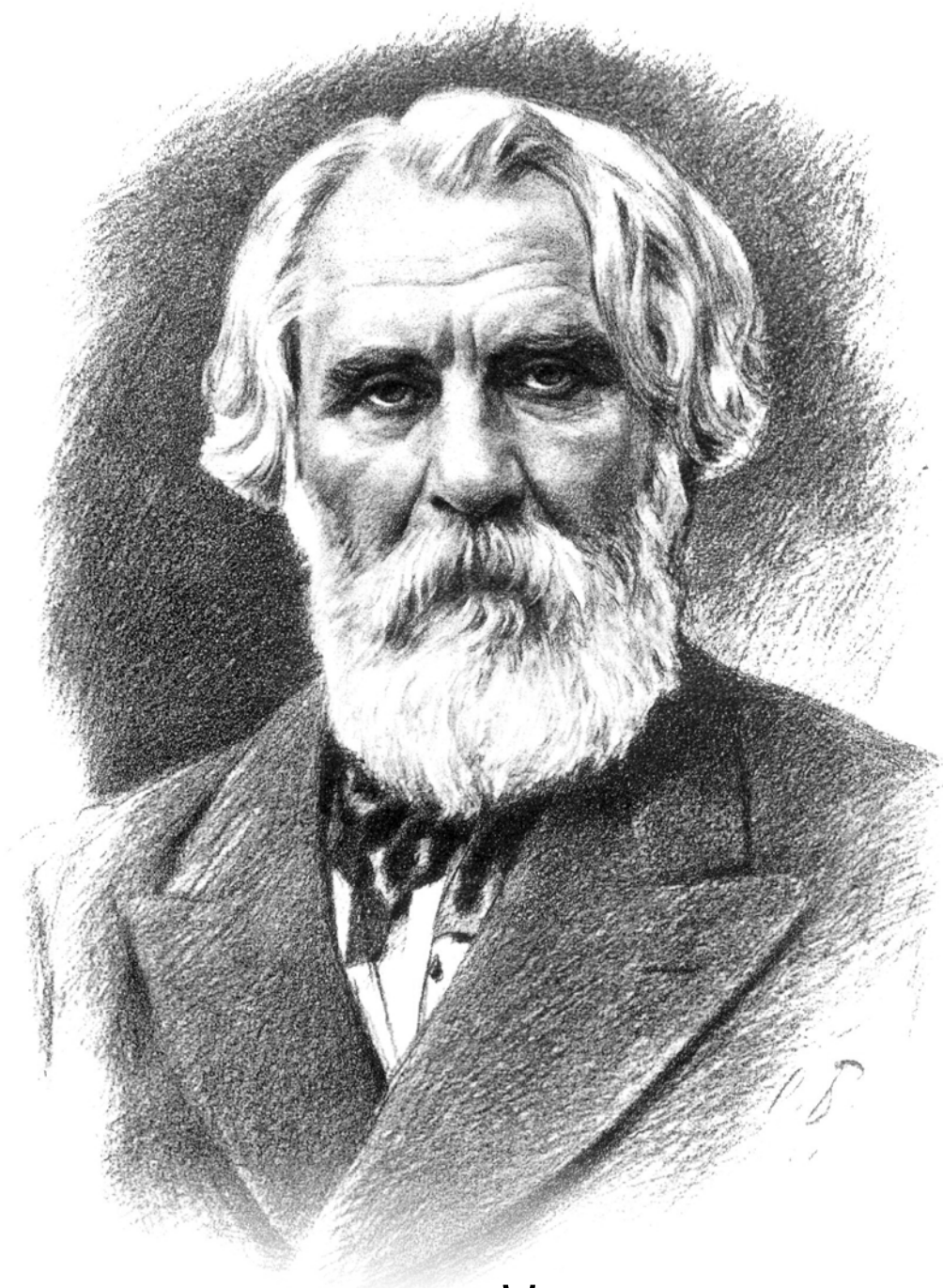
И плавает окурок в луже –
Примета близкого жилья.
Быть может, я кому-то нужен.
Тропа. Развилка. Колея.

* * *

Сегодня первые Емели
Ступили на некрепкий лёд.
И смотрят искоса метели:
Авось им снова повезёт?!

Кряхтя, выдалбливают лунки,
Вороны им – почти родня.
Своим дыханьем греют руки
У папиросного огня.

И каждый – чуточку мессия,
Задумчив и нетороплив.
И удивляет мир Россия,
Над бездной голову склонив.

РУССКИЙ КРЕСТ ИВАНА ТУРГЕНЕВА

В ПРЕДДВЕРИИ 200-ЛЕТИЯ ПИСАТЕЛЯ

**Необходимо всем писателям
сплотиться вместе и встать
на защиту святой веры от врагов ея.**

И. С. Тургенев

О Тургеневе было не принято говорить как о христианском писателе. По большей части его представляли как «атеиста», «либерала», «западника», «русского европейца».

Но, к сожалению, это не только атеистические либо иноверческие трактовки, лукаво насаждаемые, как плевелы среди пшеницы, на протяжении долгих десятилетий.

Ещё Н. С. Лесков писал о том, как «многokrатно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель» – «представитель и выразитель умственного и нравственного роста России». Продажные либералы действовали «грубо, нахально и безразборчиво»; консерваторы «язвили его злоехидно». Тех и других Лесков уподоблял, используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злости хватились зубами за свой собственный хвост». По лесковскому замечанию, «осмеять можно всё, как всё можно до известной степени опошлить. С лёгкой руки Цельзиза было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения».

Некоторые начётники также готовы исключить Тургенева из ряда писателей-христиан, руководствуясь своими мерками: «Сколько раз в год ходил в церковь? Принимал ли участие в обрядах? Часто ли исповедовался, причащался?»

Однако с такими вопросами к душе человеческой вправе лишь Бог подходить. Хорошо бы здесь припомнить наставление апостольское: «Не судите никак прежде времени, пока не приидет Господь» (1 Кор. 4:5).

Только в самые последние годы жизни профессор Курляндская (а прожила она без малого сто лет) не смогла не признать, что Тургенев в своём творчестве делал «определённые шаги на пути к христианству». Однако даже в такой робкой формулировке этот тезис не прижился. До сих пор и в профессиональном литературоведении, и в обыденном

сознании укоренилось превратное представление о Тургеневе как об атеисте. В качестве аргументов беспардонно пошли в ход и некоторые тургеневские высказывания, иезуитски выдернутые из контекста, и образ жизни – по большей части вдаль от родины, «на краю чужого гнезда», и даже обстоятельства смерти писателя.

При этом никто из сторонников такой безблагодатной позиции не явил в собственной жизни высоких образцов ни святости, ни аскетизма, ни праведничества, ни выдающегося таланта. Добротолюбие учит: «Кто возбраняет устам своим пересуждать, тот хранит сердце своё от страстей, тот ежечасно зрит Бога». По всей видимости, «обвинители», «пересуждающие» жизнь и творчество писателя, далеко отстоят от христианства и евангельских заповедей неосуждения: «Не судите, да не судимы будете; Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф. 7:1–2).

Всем ли удастся в своё время сподобиться «христианской кончины живота нашего, безболезненной, непостыдной, мирной, и доброго ответа на Страшном суде Христовом», о чём молится Церковь? Что будет с каждым из нас по выходе из «кожаной ризы», надетой на земле? Не может не замереть душа перед этими вопросами. Но ответ только «на Страшном суде узнаем», как любил повторять христианский писатель Сергей Нилус.

В Боге, возвестившем: «Аз есмь Истина, и Путь, и Жизнь» (Ин. 14:6), – единственно истинный подход к любому явлению жизни. «Кто учит иному, – говорит апостол Павел, – и не следует словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражён страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры между людьми повреждённого ума, чуждыми истины» (1 Тим. 6:3–5).

Господь каждому даёт свои таланты и свой крест – по плечам и по силам. Так что взваливать все кресты непосильной ношей на одного человека невозможно. У каждого свой крест. Как писал наш современник,

убиенный поэт Николай Мельников, в поэме «Русский крест»:

*Крест взвали себе на плечи,
Он тяжёл, но ты иди,
Чем бы ни был путь отмечен,
Что б ни ждало впереди!
– В чём же крест мой? Кто же знает?
На душе – один лишь страх!
– Всё Господь определяет,
Всякий знак – в Его руках.*

Тургеневу хватило его собственного креста, чтобы прославить своё Отечество доброю славой во всём мире.

Писатель жизнь свою положил в том числе на переводы произведений русской литературы, чтобы познакомить с ней Европу; основал во Франции первую русскую библиотеку. Его личность и творчество светят на весь мир.

В год кончины Тургенева его друг, поэт Я. П. Полонский, говорил: «И один рассказ его “Живые мощи”, если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так всё это выразить мог только великий писатель».

По воспоминаниям французского писателя Анри Труайя, Тургенев обнаруживал, что «неспособен написать роман, повесть, главными действующими лицами которых не были бы русские люди. Для этого нужно было поменять душу, если не тело». «Мне для работы, – скажет он Эдмону де Гонкуру, – нужна зима, стужа, какая бывает у нас в России, мороз, захватывающий дыхание, когда деревья покрыты кристаллами инея... Однако ещё лучше мне работается осенью в дни полного безветрия, когда земля упруга, а в воздухе как бы разлит запах вина...» Эдмон де Гонкур заключал: «Не закончив фразы, Тургенев только прижимал к груди руки, и жест этот красноречиво выражал то духовное упоение и наслаждение работой, какие он испытывал в затерянном уголке старой России».

Космополитом Тургенев никогда не был и родиной своей не торговал. Где бы писатель ни жил: в столицах или за границей, – неиз-

менно душой он стремился в своё родовое имение Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии. Здесь всегда перед его взором был древний фамильный образ Спаса Нерукотворного.

Нельзя без волнения читать строки письма Тургенева к Ж. А. Полонской от 10 августа 1882 года – за год до смерти: «Продажа Спасского была бы для меня равносильною с окончательным решением никогда не возвращаться в Россию, а я, несмотря на болезнь, питаю надежду провести всё будущее лето в Спасском, а в Россию вернуться в течение зимы. Продать Спасское значит для меня – лечь в гроб, а я ещё желаю пожить, как ни мало красна жизнь для меня в настоящее время».

В своём художественном творчестве Тургенев изображал жизнь в свете христианского идеала. Но все грубые наслоения хрестоматийного глянца, вульгарно-идеологических трактовок (в том числе режиссёрско-постановочных) и домыслов зачастую не позволяют современному читателю пробиться к истинному смыслу писательского наследия, посвятить ему углублённое осознанное прочтение. Вникнуть в произведения Тургенева заново, осмыслить его творчество с христианских позиций – задача важная и благотворная. Об этом моя книга «Христианский мир И. С. Тургенева».

Писатель показал, что именно духовное, идеальное содержание – основа человеческой личности; ратовал за восстановление в человеке образа и подобия Божия. Из этого во многом соткано таинство поэтики Тургенева, его дивных художественных образов.

Среди них – «истинно преподобная» праведница и страдальца Лукерья («Живые мощи»). Плоть героини умерщвлена, но дух её возрастает. «Посему мы не унываем, – учит апостол Павел, – но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4:16). «Тело Лукерьи почернело, а душа – просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия», – справедливо отмечал выдающийся богослов XX века архиепископ Иоанн Сан-Францис-

ский (Шаховской). Случившееся с ней Лукерья понимает как данный Богом спасительный крест: «Послал Он мне крест – значит, меня Он любит. Так нам велено это понимать» (З, 332) – по слову Христа: *«кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня»* (Мф. 10, 38).

Этой тургеневской героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, не выразимые в земном слове. И не только ей, но прежде всего – писателю, создавшему её образ. Так же, как и «тишайший» образ истинной православной христианки Лизы Калитиной – кроткой и самоотверженной, нежной и мужественной – главной героини романа «Дворянское гнездо».

Весь этот роман оваян молитвенным пафосом. Источник особой молитвы проистекает не только из частного несчастья главных героев – Лизы и Лаврецкого, – но из общих многовековых страданий земли Русской, русского народа-страстотерпца. Не случайно писатель-христианин орловец Б. К. Зайцев объединил тургеневских героинь – молитвенницу Лизу и страдальцу Лукерью – с реальной крестьянской девушкой-мученицей, одинаково расценивая их всех в общерусском православном смысле как «заступниц» перед Богом за Русь, за русский народ: «Лукерья такая же заступница за Россию и всех нас, как смиренная Агашенька – раба и мученица Варвары Петровны <матери Тургенева>, как Лиза».

Стихотворение в прозе «Два богача» показывает неизмеримое духовное превосходство русского человека из народа, замученного и ограбленного угнетателями всех мастей, над богатым в мире банкиром-евреем.

Ротшильд имеет возможность без труда и ущерба для своих капиталов отщипывать куски на благотворительность от сверхприбылей, нажитых грабительскими ростовщическими махинациями. Русский мужик, ничего не имея, душу свою полагает за ближнего, буквально следуя заповеди Христа: **«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя»** (Ин. 15:13). Какой огромный смысл в крохотном по объёму тургеневском тексте:

«Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых – я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разорённый домишко.

– Возьмём мы Катю, – говорила баба, – последние наши гроши на неё пойдут – не на что будет соли добыть, похлёбку посолить...

– А мы её... и не солёную, – ответил мужик, её муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!»

Самое главное в русской классической литературе в целом и, в частности, в тургеневском творчестве – ценнейшей составляющей отечественной классики – это Христос, христианская вера, одухотворённая русским православным подвижничеством. Художественной правды не может быть без правды Божьей. Вся русская классика создавалась в лоне православного бытия.

По отзыву М. Е. Салтыкова-Щедрина, в тургеневской прозе заключено «начало любви и света, в каждой строке бьющее живым ключом». После чтения произведений Тургенева «легко дышится, легко верится, тепло чувствуется», «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора».

Каждая проникновенная строка Тургенева, обладавшего способностью соединить прозу с поэзией, «реальное» с «идеальным», оваяна одухотворённым лиризмом и сердечным теплом, несомненно, идущим от «Бога живого» (2 Кор. 6:16), «в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2:3), «ибо всё из Него, Им и к Нему» (Рим. 11:36).

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,

доктор филологических наук,

профессор,

член Союза писателей России,

историк литературы

Елена ЛУКАНКИНА

Нежданный лист

НЕЖДАННЫЙ ЛИСТ

Большое – в мелочах, большое – в малом.
 Как тихо держит дерево тепло,
 Листами мир огромный обнимая.
 Ему легко, ему не тяжело.
 Кленовых листьев лапчатые руки –
 Ладони предназначенных людей.
 Найди свой лист, узнай на ветке друга,
 Что ближе всех, на дереве родней.
 Он будет у тебя живой и летний –
 Нежданный лист, что возле сердца лёг.
 Держи его, как будто он последний,
 От осени как будто уберёг...

БЕЗГЛАГОЛЬНАЯ РЕКА

Такая тишь – предельна и проста –
 Над берегом – нетронутые своды,
 Реки вечерней гладь и нагота,
 Как девушки, чьи молчаливы воды,
 Темны, и вдоль изгиба, за чертой –
 То мелководье, то водовороты,
 И что-то там – под тёмною рекой,
 Забытое, неведомое что-то...

ВЫСОТА РЕКИ

Река стоит – деревья под водой
 Колышутся – неутонувший ветер
 Из-под реки поднялся и звездой
 Уколот был, едва он стал заметен.
 И ветви стихли, замерли в реке
 До первого тяжёлого удара,
 Когда весло упало вдалеке,
 Морщинами живую реку старя.
 Волнуется ранимая вода,
 Но рябь всё тише, и скользит по глади
 Вернувшаяся в реку высота –
 Не вечной жизни, а мгновенья ради...

Глаза у сумрака остры.
 Стоят заветренные лужи:
 Такие звонкие – внутри,
 Такие тихие – снаружи.

Повсюду стынут зеркала –
 Воды последней отраженья.
 Ночь из разбитого стекла
 Дрожит от каждого движенья.

Свисает с крыш сырая тьма
 Бельём тяжёлым на прищепках,
 И будто топится зима
 На вымокших еловых ветках.

И есть всегда, как высший знак,
 Как слабое сиянье в створе –
 Одно окно – один маяк –
 В ночное городское море.

Где есть вода и акварели,
 И где рука,
 Где Лель играет на свирели
 Из тростника,
 Там льются сладкие туманы,
 И все пьяны.
 Нет в этой радости обмана,
 И нет вины.
 Никто от счастья не разбудит,
 Пути назад
 И смерти никогда не будет,
 А будет сад.
 Повсюду ленты из атласа,
 Сирень в цвету,
 И будет мальчик темноглазый
 В моём саду.

Сергей ТИМШИН
Краснодарский край

ОЗАРИ СТИХИ МОИ...

Разукрась мои стихи, зорька алая,
Цветом ярким, молодым, согревающим,
Чтоб румянцем разлились строки новые
По щекам и небесам свежеутренним;
Чтоб созвучия росой засветились в них,
Заиграли серебром исцеляющим,
Чтобы даже петухи-зоревестники
Подивились их словам-колокольчикам.

Озари стихи мои, зорька ясная,
Зорька вешняя моя, зорька вещая,
Одари лучами их жизнотворными,
Вдохнови полётом их над планетою,
Где, вбирая свет-тепло, встрепетулись бы
Чьи-то взоры и сердца пробуждённые,
Где, когда и я умчусь в край неведомый, –
Всё стихи мои к тебе прибывались бы...

СТИХИ ДЕДУ 9 МАЯ

Давно бы и жизнь завершилась,
 пройдя все этапы и циклы,
Исчислив земное столетье,
 что сердцу дано и челу,
Согласно природным законам...
 Но не эпитафные цифры
Меня б приводили с поклоном
 к сегодняшнему числу.

А помнил бы я благодарно
 твои дорогие, живые
Глаза, с нестареющей силой
 цветущие в каждой весне,
И, впитанные в малолетстве,
 обрывочные и скупые,
Рассказы твои о Великой
 Отечественной войне.

Ах, как бы мы славно дружили,
 друг друга во всём понимая
И чтя родословное древо –

войной не поверженный дуб!
И, празднично принарядившись,
 встречали 9 Мая,
И правнучку б нёс на груди ты,
 как Золотую Звезду!

И мне никогда не пришлось бы,
 скорбя, заверять сокровенно
Твой образ – родной, безмогильный,
 всей кровью хранимый во мне, –
Что именно так бы и случилось,
 когда бы, мой дед незабвенный,
Иван Алексеевич Тимшин,
 ты выжил на той войне...

РОССИЯ-СОЛНЦЕ

Россия – солнце на восходе дня,
Огромное целительное солнце,
Что вещими лучами миротворца
Планету согревает и меня.

О, сколько раз в эпохах и веках
Его затмить пытались иноземцы,
Чтобы в сибирских мартовских снегах
Я не родился солнечным младенцем.

Но вёсны мчатся, зорями клубя,
И пусть моё дыхание прервётся –
Храни, Господь, любуясь и скорбя,
Россию-солнце!

ЧОТИРИ РОКИ

*Рече та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива...
Т. Г. Шевченко*

Днепр по широкому руслу
Не устремится назад...
Как тебе в мире не русском,
Мой украинский «небрат»?
В посламайдановской нови,
Лиха хлебнувши вполне,
Что не расскажешь на мове
Ты в обнищавшей стране?

В той, где Европе в угодую
Змеями лезут из кож
Власти, себе и народу
Множа всемирную ложь;
В той, где портреты Бандеры,
Словно иконы, несут,
Где оскверняют без веры
Церкви и факелы жгут,
Где радикалы в экстазе
Скачут под флагом идей...
Где убивают в Донбассе
«Сепаратистов»-детей!
Где, своенравный и прежний,
Но отрешён от родства,
Стогне Дніпро незалежный,
Вітер над ним завива...

МАЯКОВСКИЙ В КРАСНОДАРЕ*

Если по Красной пешком идти
К улице Мира зряче –
Вы не минуете на пути
Этих собачек.
Бронза носов отражает жар
Летнего пекла неба.
Я ж приглашаю вас в Краснодар
Времени нэпа:

*«Северяне вам наврали
о свирепости февральей:
про метели,
про заносы,
про мороз розовоносый.
Солнце жжёт Краснодар,
словно щёк краснота.
Красота!»*

Звонок лучами февральский мир
В солнечной перековке,
К кинотеатру «Мон Плезир»
Шествует Маяковский!

* Маяковский выступал в Краснодаре в феврале 1926 года. Курсивом выделены строки из стихотворения поэта «Краснодар».

*«Вымыл всё февраль
и вымел –
не февраль,
а прачка,
и гуляет
мостовыми
разная собачка».*

Веско ступает по мостовой
Важным московским гостем,
Крутит остриженной головой,
Будто бы пишет тростью:

*«Даже
если пара луж,
в лужах
сотня солнц юлится.
Это ж
не собачья глушь,
а собачкина столица».*

...Рифмой отметит Поэт маршрут –
А через поколенья
Скульпторы памятник отольют
Строчкам стихотворенья.

СУМЕРКИ НА РОДИНЕ

Розовым вечером
Светится реченька
Зеркалом,
Катится, вечная,
В даль бесконечную,
Мерклую...

Грустные вербочки
Свесили веточки
Дугами.
Сердце прохожего
Полнится схожими
Думами.

Сколько нас, временных,
Мыслящих, трепетных,
Жилистых –
В бедах и радостях,
В грозах, да в радугах –

Жило здесь!..
Были все разными –
Добрыми, страстными,
Вздорными,
Яви сезонные
Красили зорями
Взоры нам.

Деточек нянчили,
Солнца горячие
Пили мы.
Были Икарами!
Были, да канули,
Сгинули...

Всё здесь родимое –
Милое, зримое,
Сущее.
Сумерки ранние,
Зыбкие гранями,
Гуще всё...

Воды текучие,
Ветви плакучие –
Свесились...
Тихо над родиной
Звёздочки-родинки
Светятся...

КАЛИНА ВЫЗРЕЛА...

Горит калина спелая,
Горчит калина сочная...
Была по маю белая
С пыльцой медово-солнечной.
Цвела калина истово
Невестой не кручинною,
Тянулась в небо чистое
Влюблёнными тычинками.

Дожди и грозы буйные,
И птицы-почитатели,
И ветры поцелуйные
Кудрявую лохматили...
Но – летние и яркие –
Летели дни округою,
Напитывая ягоды
Молочные, упругие!..

Щедра природа красками,
Да жаль, непостоянными:
Явились дни октябрьские
Рассветами туманными.
Горит калина зрелая,
Свисает долу гроздьями,
Листою побурелая
Пред близкими морозами...

Вадим КУЛИНЧЕНКО

Капитан 1-го ранга в отставке, ветеран-подводник, участник боевых действий (израильско-египетская война 1967 года, боевая служба в Средиземном море на атомной подводной лодке «К-131»). Родился 23 декабря 1936 года в городе Острогожске Воронежской области. После окончания Высшего военно-морского училища подводного плавания в 1958 году проходил службу на Северном флоте. Служил на дизельных, атомных лодках и в штабе Северного флота. В 1980 году был переведён в Главный штаб ВМФ на должность старшего офицера расчёта Воздушного командного пункта ВМФ (подразделения ЦКП ВМФ).

Творческой работой вплотную начал заниматься в 1989 году. Публиковался во многих центральных, региональных и флотских газетах и журналах. В 1996 году впервые стал лауреатом Всероссийского конкурса журналистов в честь 300-летия Российского флота в номинации «Центральная пресса». В 2004 году был объявлен лауреатом литературного конкурса Союза славянских журналистов «России верные сыны». В 2016 году стал дипломатом Всероссийской литературной премии «Щит и меч Отечества».

КАК МЕНЯЮТСЯ ВРЕМЕНА?!

ИСТОРИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ США И РОССИЕЙ

155 ЛЕТ НАЗАД ПОЧТИ ОДНОВРЕМЕННО, 29 СЕНТЯБРЯ 1863 ГОДА В НЬЮ-ЙОРК, А 1 ОКТЯБРЯ – В САН-ФРАНЦИСКО, ПРИБЫЛИ РУССКИЕ МОРСКИЕ ЭСКАДРЫ, ЧТОБЫ ПОДДЕРЖАТЬ СЕВЕРЯН В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ ПРОТИВ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ЮГА.

Более двух веков назад, летом 1807 года, начались переговоры об установлении дипломатических отношений между США и Россией, которое окончательно произошло только в 1809 году. Сближению стран способствовали хорошие отношения между третьим президентом США Томасом Джефферсоном (1743–1826) и российским императором Александром I (1777–1825). Они даже вели переписку, в которой утопист-идеолог пытался наставить «на путь истинный» царя-самодержца: «Разумные принципы, вводимые устойчиво, осуществляющие добро постепен-

но, в той мере, в какой народ ваш подготовлен для его восприятия и удержания, неминуемо поведут и его, и вас самих далеко по пути исправления его положения в течение вашей жизни» (письмо Джефферсона к Александру I в 1804 году). К сожалению, эти разумные положения самого демократичного президента США забыты сегодня не только в России, но и в США. Все хотят всего и сразу!

Но не только дружеские отношения лидеров подталкивали две страны к союзу. В те годы две ведущие страны мира, Англия и Франция, ещё не потеряли надежды ущемить

США в их развитии. Единственной страной, способной противостоять им в Европе, была Россия, поэтому, естественно, взгляды дальновидных первых президентов США обращались к ней. Опасение русского засилья в европейских делах – яркая черта европейской политики первой половины XIX века, что использовали США в период становления своей независимости, заключив дипломатические отношения с Россией. Сегодня этот жупел США используют против России.

За время установления дипломатических отношений между США и Россией было всякое, но пока до явного столкновения не доходило, не считая военной интервенции в составе сил Антанты (1918–1920 гг.) на территории Советской России. За два века США мало содействовали России в её развитии, а вот её помощью в своих интересах пользовались не раз. Об одном таком факте, когда Россия и Соединённые Штаты Америки были истинными друзьями, хочется вспомнить.

В 1861–1865 годах, во время Гражданской войны между Севером и Югом, две русские морские эскадры предотвратили интервенцию Англии и Франции, планировавших оказать поддержку южанам. Жители приморских городов долго помнили стоящие на рейдах русские фрегаты и клипера, славных русских моряков и восторженные встречи с ними. Лидеры обоих государств обменивались посланиями и заверениями в вечной дружбе и любви.

Экспедиция русского флота в Северную Америку 1863–1864 годов была военной демонстрацией России в поддержку федерального правительства Севера во время Гражданской войны 1861–1865 годов в США. Учитывая возможность развязывания Англией и Францией войны против России в связи с польским восстанием 1863–1864 годов, русское правительство, занимавшее дружественные северянам позиции, послало к берегам США две эскадры: Атлантическую контр-адмирала Степана Степановича Лесовского (1817–1884) из шести кораблей в Нью-Йорк и Тихоокеанскую контр-адмирала Андрея Александровича Попова (1821–1898) из шести кораблей в Сан-Франциско, – которые в конце сентября

1863 года прибыли в Америку. Главной задачей эскадр было оказать моральную и политическую поддержку федеральному правительству Севера (президент А. Линкольн), а также нарушать морские коммуникации Англии и Франции (поддерживающих южан) в случае войны этих стран с Россией. Почти девятимесячное пребывание русских эскадр у берегов США способствовало победе северян и дальнейшему русско-американскому сближению. В начале 1864 года угроза вступления в войну Англии и Франции миновала, и русские корабли в июле того же года вернулись в Россию.

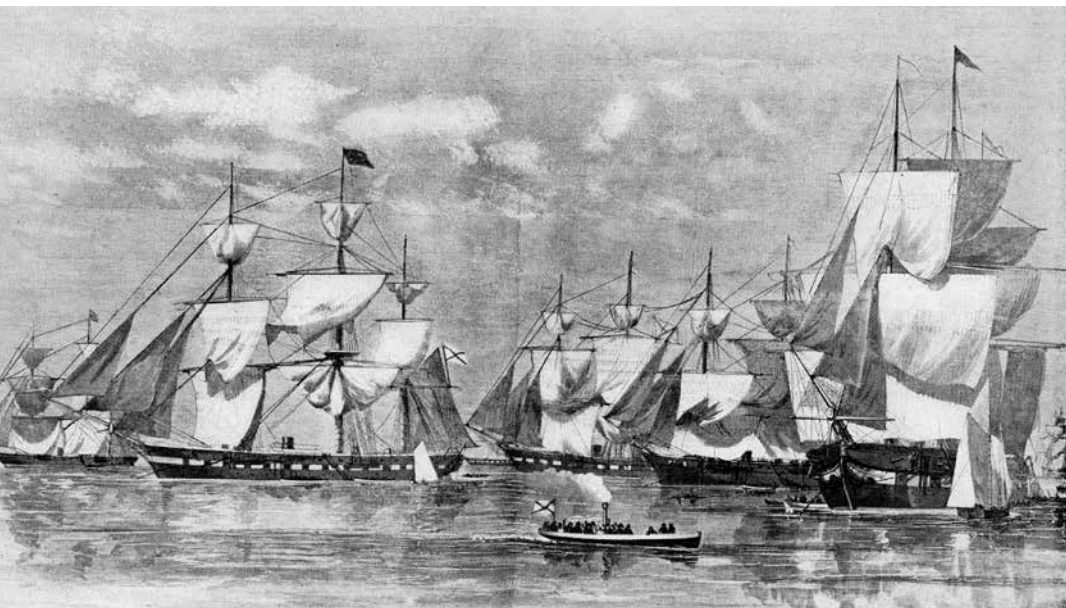
Русский флот поддержал демократические Штаты. Как отмечал тогда российский канцлер Александр Михайлович Горчаков (1798–1883), названный Валентином Пикулем «железным», в послании президенту США: «Ваша страна ещё только появилась на свет, когда русские стали у вашего изголовья, как ангелы-хранители, во времена первого президента Вашингтона. Нам не нужны северные и южные штаты – нас устроят только Соединённые Штаты Америки!»

Похоже, что у современных президентов США совершенно противоположное мнение о России. Им не нужна единая Россия, зачем ей Сибирь и Дальний Восток?! Да и другие регионы нужнее США, чем России.

РУССКИЕ ПУШКИ В НЬЮ-ЙОРКЕ

День 11 сентября 1863 года выдался солнечным и ветреным. По небу плыли лёгкие облака, против течения из устья Гудзона накатывало морскую волну, с берега доносился запах цветов, свежей краски и незнакомый аромат пищи, будящий аппетит. У заводской стенки дымил строящийся монитор – последняя новинка броненосной техники. Палуба его едва возвышалась над уровнем воды, из грибовидной башни грозно смотрело двенадцатидюймовое орудие...

На ближайших к реке улицах бурлила толпа, люди шли не только по тротуару, но и по проезжей части. Каких только оттенков кожи не было у прохожих! Белая, чёрная, коричневая, жёлтая и даже синяя... десят-

Эскадра С. С. Лесовского в Нью-Йорке

ки языков всех континентов. И вся эта масса людей спешила встретить эскадру адмирала Лесовского, пришедшую из России поддержать США против назревающей интервенции Франции и Англии. Нечто подобное происходило на западном побережье Америки, где к Сан-Франциско причалила русская Тихоокеанская эскадра адмирала Попова.

Первым в бухтах Нью-Йорка бросил якорь фрегат «Ослябя». Некоторое время спустя рядом встали фрегаты «Александр Невский» и «Пересвет», корветы «Варяг» и «Витязь». Закрыл шествие оторвавшийся от эскадры клипер «Алмаз».

Корабли имели парадный вид, словно не было позади более чем двухмесячного плаванья, штормов и бурь. Судовые оркестры играли марши. Свободные от вахт члены экипажей во главе с командирами идеальными шеренгами выстроились вдоль бортов. Все были одеты в новую, отутюженную форму. Смотрели весело. Лесовский был доволен внешним видом эскадры и экипажей, но лишних похвал не расточал, считая, что моряк не барышня и в комплиментах не нуждается.

Как и положено, береговая крепость произвела салют российскому флагу. Эскадра тоже ответила на приветствие залпами корабельных орудий.

Стоявший на берегу оркестр нью-йоркских волонтеров, немного фальшивя, исполнил гимн Российской империи. Чувствовалось, что музыканты только что разучили ноты. При звуках гимна у многих моряков на глазах предательски появились слезинки.

С последними раскатами орудийных залпов у флагмана эскадры лихо ошвартовался небольшой пароход, и по трапу поднялся вице-адмирал Гирам

Пульдинг. Лесовский ждал его на шканцах.

Пульдинг отдал честь и сказал:

– Я рад приветствовать вас на американской земле. Это большое событие для нас. Добро пожаловать!

Расплывшись в улыбке, протянул руку. Адмирал с чувством пожал её.

– Я тоже рад нашей встрече. Надеюсь, вас не коробит вид этих трёхсот орудий, – обвёл рукою свою эскадру Лесовский.

– Что вы! Война есть война... От лица властей штата и федерального правительства смею вас заверить, что нами будет сделано всё, чтобы ваше пребывание в Штатах было приятным.

– Рад это слышать. Надеюсь, дружба наших народов получит дальнейшее развитие.

– Безусловно, сейчас мы открываем новую страницу в истории, – с важным видом подтвердил Пульдинг. – Отпускайте своих матросов на берег. Вас там очень ждут...

«РУССКИЕ ИДУТ!» – этот клич опережал толпу, и на каждом новом перекрёстке моряков встречали желающие взять автограф, пожать руку или просто прикоснуться к ним...

Р. S. Невольно возникает вопрос: не хотят ли нынешние президенты США порушить историю и сделать из России, которая не раз помогала им в развитии государства, страну-изгоя?

ПАМЯТИ ПОДВОДНИКОВ, ПОГИБШИХ НА АПЛ «КУРСК» В АВГУСТЕ 2000 ГОДА.

ФЛОТСКИЕ УЧЕНИЯ

РАССКАЗ

Сослуживцы времён советского ВМФ капитаны 1-го ранга Николай Петрович Стихов и Владимир Иванович Чистов редко встречаются в последнее время потому, что живут в разных городах. Чистову, прослужившему 23 года на Северном флоте на подводных лодках и в штабе Северного флота, в своё время повезло перевестись в Главный штаб ВМФ, располагавшийся тогда в Москве. Хотя он всей душой и стремился в родной Питер: жена родом оттуда, да и родственники были там, а в Москве никого. Тогда весь вопрос перевода в Москву или Ленинград упирался в жильё, а его у Чистовых не было. Пришлось три года скитаться по съёмным квартирам, пока не получили двушку в Подмоскowie, вместо положенной трёхкомнатной. И тогда чиновники в погонах имели свой кусок масла за счёт честных офицеров.

Стихов, прослуживший на Северном флоте до пенсии, сумел построить кооперативную двушку в Питере, где и осел. Оба офицера служили в штабе Северного флота: один в управлении боевой подготовки, другой в оперативном управлении, в этих важных управлениях любого штаба. До этого, естественно, служили на кораблях. Чистов был подводником, Стихов – надводником. Таких в штабе называли «водоплавающими», в отличие от тех, кто был «врождённым штабистом». При взаимодействии двух управлений, что, почитай, главное в работе всякого штаба, они и познакомились. Особой дружбы тогда не сложилось, но, как говорят, возраст и общие воспоминания сближают. Так получилось и в нашем случае.

Изредка встречаясь, всё-таки расстояния между Питером и Москвой для их возраста немалые, они вспоминают свою службу. При этом особую боль вызывает трагическая гибель АПЛ «Курск», которая случилась на учениях Северного флота в августе 2000 года. Такого в их времена на учениях флота не было. К учениям всегда готовились тщательно, со всеми «поправками на дурака».

В одну из встреч Чистов вспомнил случай. В 1972 году на учениях Северного флота по поводу его передачи от адмирала флота Георгия Михайловича Егорова адмиралу Владимиру Николаевичу Чернавину адмиралы из инспекции Министерства обороны СССР поручили ему делать план действий стороны «синих». Главным эпизодом была стрельба стратегического подводного крейсера, которому должна была противодействовать многоцелевая АПЛ «синих», задание которой и нужно было разработать.

– Да, помню это учение, – сказал Стихов. – Мы тогда тщательно выбирали стратегический крейсер для стрельбы и готовили полигон для выполнения этого упражнения.

– Коля, помнишь вашего Слона, – спросил Чистов, – начальника управления БП? Я к нему раз десять ходил, чтобы он назначил глубины разграничения для подводных лодок, чтобы обозначить полное противодействие ракетному крейсеру со стороны условного противника. Но куда там адмиралу сойти до какого-то капитана второго ранга. А время подпирает, инспектора требуют план.

Тогда я принял решение исходя из своего опыта и знаний: согласно наставлению по использованию полигонов, лодку «синих» не завожу в полигон, а провожу её вокруг полигона на расстоянии одной мили. Вот и всё противодействие.

– Володя, всё правильно, – поддержал товарища Стихов.

– Но, понимаешь, это обнаруживается в момент стрельбы. Тогда вагон всяких адмиралов собралось на КП СФ вокруг столика с картой полигона, откуда должна была стартовать ракета и где тон задавал Слон. Я в это время вёл там карту обстановки действий «синих» под руководством помощника начальника штаба флота, возглавлявшего сторону «синих». А весь КП СФ на время учений, как всегда, был перемещён в «Скалу» (так именовался защищённый КП СФ). До старта ракеты оставались минуты.

На КП пришёл командующий флотом адмирал флота Георгий Михайлович Егоров и, выслушав мой доклад по обстановке «синих», направился на выход в сопровождении моего адмирала. Проходя мимо столика с картой ракетного полигона, он задержался по просьбе Слона, а мой адмирал, вернувшись ко мне (это было в другом конце оперативного зала), сказал: «Ну, Володя, держись!» Я даже не успел сообразить, в чём дело, как услышал приказ командующего: «Чистов, подойдите сюда!»

Когда я подошёл, то Егоров сказал: «Чистов, объясните ситуацию этого эпизода. Адмирал Швецов говорит, что здесь нет полного противодействия стреляющей лодке. А вдруг на это внимание обратит маршал Москаленко?»

Я ничего не стал скрывать и доложил, что много раз обращался к адмиралу Швецову, чтобы при планировании получить глубины разграничения для лодок, действующих в одном полигоне, но, так и не получив их, сделал как есть.

Адмирал флота Егоров, сам опытный подводник, выслушав мой доклад, сказал всей когорте адмиралов: «Маршал ничего не спросит, а как Чистов сделал, так и будет!»

– Да, Егоров был действительно хозяином флота, – вздохнул Стихов. – Хороший человек и отличный командующий.

– А представляешь, Николай, что потом случилось? Все адмиралы бросились вытирать об меня ноги! Как это, какой-то фендрик утёр им нос!

Уже на пенсии я дружил с Георгием Михайловичем (все любовно его звали «дед»), и он спросил: «Почему вы Швецова называли Слоном?» – «Да потому, что он был маленького роста, важный, к нему не подступи, а топтался, как слон!» Егоров засмеялся и сказал: «Да, флотским офицерам юмора не занимать. Уж если кому дадут кличку, то это до самой смерти».

Друзья ещё вспомнили несколько курьёзных случаев из флотских учений, бывших у них на памяти – не в одном десятке всё-таки им пришлось участвовать. Но Владимир вдруг заострил внимание на учениях, в которых погиб ракетный подводный крейсер «Курск».

– Николай, вот уже прошло 18 лет с момента трагедии с АПЛ «К-141». Я с того трагического дня занимаюсь этим вопросом, и многие ничего не могут мне ответить. И всё больше прихожу к однозначному выводу, что «Вся правда о "Курске"» прокурора Устинова – это сплошная туфта, и её вернее было бы назвать «Вся ложь о "Курске"».

– Я давно пришёл к такому выводу, – ответил Николай.

– Мы с тобою оба минёры по образованию, – продолжал Владимир, – и кому, как не нам, знать устройство торпедного аппарата. Уже один эпизод из книги Устинова говорит о его некомпетентности: «На сегодня известно, что первый взрыв застал экипаж врасплох, то есть никаких даже косвенных признаков приближающейся катастрофы не было. Между тем утечка компонентов топлива в трубе торпедного аппарата должна была привести к срабатыванию аварийных датчиков давления и всей аварийной сигнализации» (стр. 275). Эта фраза из книги, какая-то галиматья, подтверждает мои предположения. А далее вывод прокурора – вообще что-то невероятное: «огромной силы раскалённые газы вышлибли

заднюю крышку торпедного отсека и устремились в прочный корпус, в первый отсек...» (стр. 276). Надо быть полным профаном, чтобы делать такой вывод. А при чём здесь торпеда? Ведь даже если бы в трубе аппарата начало повышаться давление, то непременно отжалась бы его передняя крышка и давление стравилось вовне. Так устроен аппарат.

Но нужно было найти виновника катастрофы, на которого без последствий можно было бы списать все грехи. И его нашли. Безвинная торпеда, так называемая «толстушка» на перекиси водорода...

Почему я вспомнил об этой книге, Коля, потому что она, по заключению одного «критика», поставила точку в расследовании гибели «Курска», и этим, по моему мнению, заставила принять за истину то, что заказало правительство. Но жизнь продолжается, и всё больше появляется фактов, противоречащих этому утверждению.

– Ты, Володя, прав, и я полностью согласен с тобою.

– Лично я, лёжа в госпитале, познакомился с флагманским минёром дивизии, из которой уходил «Курск» в роковой выход. Капитан второго ранга Сергей Чугунов, с которым мы сошлись на почве нашей специальности – «что-то в масле, а что-то в тавоте, но зато в подводном флоте!» Коля, ты помнишь, в наше время все торпеды смазывали «амсом»?..

– Да, помню-помню! Но потом-то всё это исчезло. А почему? В торпедах пошли компоненты, несовместимые с маслами...

– Николай, не будем отклоняться в сторону. Так вот что мне поведал Чугунов: «Я сам готовил эту торпеду и хотел пойти на этой лодке. Рвался, как и многие, на выход "за орденами", но Бог спас. На выход пошёл другой минёр-торпедист. Но когда все грехи списали на торпеду, мне предложили покинуть флот, благо уже была выслуга на пенсию. Но не верю я в то, что причиной трагедии "Курска" стала "толстая торпеда"!»

Я поддержал его, привёл свои соображения, с которыми он полностью согласился, – «Курск» торпедировала иностранная субмарина.

Изучая все появившиеся с момента катастрофы материалы, анализируя их, я всё больше убеждаюсь в своей первоначальной версии – сначала было столкновение, а потом торпедирование «Курска». И всё, как ни печально, началось с планирования учения – неправильно был выбран полигон для такого гиганта, как «Курск», длина которого превышала глубины моря в районе. А ведь каждый планировщик должен знать, что глубина моря в районе действия подлодки должна быть такой, чтобы обеспечивала субмарине манёвр по глубине. А здесь было соотношение один к полутора не в пользу лодки.

– Это ты точно сказал, Володя! Но почему-то о планировании учения никто не говорит. Да, признать, на флоте были уже другие военачальники, не чета Георгию Михайловичу!

– Так вот к какому выводу я пришёл, – продолжил Володя. – За «Курском» следили две подлодки США – «Мемфис» и «Тоledo». Одна из них так увлеклась, что подлезла под «Курск», когда он был на перископной глубине. И когда он начал погружаться, «Мемфис» попыталась выскользнуть из-под него, но столь малые глубины не позволили уклониться. А другая субмарина-супостатка, посчитав, что «Курск» напал на «Мемфис», торпедировала его...

К слову, книга прокурора Устинова «Вся правда о "Курске"» помимо желания автора приводит к подобным выводам.

– Володя, твоя версия выглядит правдоподобно. Но кому это нужно сегодня? Нынче нам остаётся одно – вспоминая былую жизнь, говорить: «Времена не выбирают, в них живут и умирают!»

Вот такой рассказ получился у меня из воспоминаний двух товарищей-сослуживцев, бывалых моряков.

РАССКАЗ-ЛЕГЕНДА

Он привычно спускался по каменистой тропинке, змеившейся меж больших серых валунов, к ручью, откуда они обычно брали воду. Ручей протекал на равнине у самого подножия гор, примерно в полукилометре от сторожевой заставы, на которой он нёс службу. Товарищи звали его просто – Миха, хотя по военному билету он Михаил Болотников. Ему оставалось служить, как говорится, «два понедельника»: за спиной почти два года службы, большая половина которой – здесь, на войне, в горном Афганистане. Не сегодня-завтра – приказ министра обороны, и ещё через какой-то месяц – домой!

Позади – двое бойцов с пустыми термосами для воды за плечами: Лёшка и Серёга. Миха – старший, хоть и с чистым, как совесть, погоном. На шее – укороченный десантный АКС-74 с двумя рожками, крепко обмотанными синей изолентой, на голове – надвинутая на глаза, выгоревшая на солнце армейская панама, на ногах – горные ботинки-берцы. Хотя в кроссовках карабкаться по горам намного удобнее.

– Шире шаг, зелёные, – не оборачиваясь, лениво покрикивал Михаил.

Кроссовки он перед выходом отдал Лёшке – тот сильно, до кровавых мозолей, растёр с непривычки ноги. Месяц всего прослужил солдат на горной заставе, да ещё полгода – в Союзе, в учебке. «Старики» о таких говорят: «Только с поезда».

Серёга Осипенко на ходу курит: это ничего, ему, так сказать, положено. Осипенко на полгода старше Лёшки, в Афгане уже год. По неписаной армейской иерархии – «кандидат». В «деды», значит, кандидат... Вот-вот уже, на подходе...

У Михи, кроме автомата, за пазухой небольшой свёрток: гостинец для «подруги». А подружка у Болотникова необычная. Нет, не подумайте ничего такого... не местная, закутанная в восточный хиджаб красавица, за которую и голову оторвать могут в соседнем пуштунском кишлаке. Самая настоящая индийская кобра! Сослуживцы-«старики», ходившие поначалу вместе с Михой к ручью, за автоматы с испугу хватались, звонко затвора-

ми клацали, грозясь пристрелить гадину как «врага народа», но Мишка не дал. Собой за-слонил кобру, и она, пристально и заворажи-вающе жутко глянув ему в глаза – аж мураш-ки по спине побежали, – быстро скользнула в расселину. Солдат пришёл на следующий день и положил у входа в нору новой знако-мой свинных «мослов» – так бойцы в шутку на-зывали полагающееся в пайке мясо к завтра-ку и обеду.

Кобра, словно учуяв добычу по запаху, вынырнула из-за камней. Ребята опять ору-жие в страхе лагнули. Змея, подняв хищно голову, распустила, как парашют десантника, узорчатый капюшон и агрессивно зашипела. Звук напоминал спустившее колесо КамАЗа.

– Пацаны, атас! Что она вам сделала? – вновь вступился за рептилию Михаил.

– Ты чё, Миха, погнал? Она же гадюка, – пробовал урезонить его старший сержант Москвитин, к слову сказать, москвич, замет-но акающий. – Ты её прикормишь, а она тебя же, падла, потом за ногу цапнет или за горло придушит. Отойди, я в неё шмальну раза.

– Всё, Москва! Не дуркуй, в змею стрелять не дам, – уверенно отрезал Болотников. – К тому же она не гадюка, а кобра, понял?!

– Какая, блин, разница...

Михаил стоял спиной к кобре, лицом к старшему сержанту. Он намеренно так стал – совсем близко к рептилии. Если бы хотела, та легко могла ужалить. Но, как бы понимая, что он – на её стороне, кобра перестала шипеть, ловко и аккуратно – один за другим – подо-брала все кусочки мяса, заглотнула. Бесшум-но уползла в своё лежбище...

Михаил скользил вниз по камням, осы-пая мелкую гальку, потревоженную его бер-цами, окутанный клубами пыли. Вспоминал этот давний случай, положивший начало дружбе с приبلудной рептилией. Мечтатель-но улыбался в предвкушении встречи с лю-бимым другом. А, может быть, и подругой... Мишке почему-то хотелось, чтобы змея ока-залась самкой. Он даже подозревал, что так оно и есть, – не зря его дома в деревне люби-ли собаки, кошки, даже куры. А вот петух от-чего-то злился и всё время норовил клюнуть

при встрече. Ревновал, наверное, к своим квочкам.

Помимо «мослов» нёс Миха Болотников подружке-змее пару вкрутую сваренных ку-риных яиц, которые выдавали по воскресе-ниям на завтрак солдатам ограниченного кон-тингента. Свою порцию и прихватил Мишка: решил устроить кобре небольшой праздник в честь седьмого ноября. Друзья, увидев мани-пуляции Болотникова в столовой, незаметно крутили у виска пальцами, с сожалением ка-чали головами. «Молодые» смотрели на него, как на чудака: вечно голодающие, они только и думали, как бы чего-нибудь «заметать», за-морить, так сказать, червячка. Михаил пре-зрительно кривился, на них глядя: знал, что «черпакам» всегда не хватает. Если замечал у кого припрятанный хлеб в кармане, в обед заставлял буханку черняги сжевать. А кто по-падался вторично – бачок каши при всех «ру-бал». А бачок кухонный аккурат на десятерых ставился... Попробуй осиль такой в одиночку, даже и с армейской первогодичной голодухи. Но некоторые «черпаки» умудрялись... Змею же Болотников жалел и всякий раз с нетерпе-нием ждал новой встречи.

– Товарищ командир, а правда, что вы змеиный язык понимаете? – вывел его из размышления дурацким вопросом Лёшка-«черпак».

– Кто это тебе такую чушь наплёл? – удивлённо взглянул на молодого солдата Миха. – Откуда у змеи язык? Человек она, что ли... У неё жало.

– Старший сержант Москвитин сказал, – смущённо признался Лёшка.

– Дурак он, твой Москвитин, – со злостью буркнул Болотников, – да и ты, Лёха, тоже...

Серёга Осипенко сосредоточенно курил, молчал: ему глубоко плевать на всех, в том числе и на змею. Он каждый день иголкой прокалывал в календаре дни, приближающие к дембелю: ждал, когда – по давней армей-ской традиции – начнёт отдавать своё утрен-нее масло «черпаку» Лёшке. А будет это, ког-да останется сто дней до приказа.

Мишка Болотников масло никому из «черпаков» не отдавал. Регулярно менял его

на кухне у повара на мясо и яйца – подкармливал свою кобру...

Всё ещё с раздражением переваривая нелепые слова Лёшки, Михаил убыстрил шаг. Легко сбегать вниз по крутой горной тропинке. К тому же шёл он порожняком – всю тяжёлую армейскую амуницию и термосы для воды тащили на себе его спутники. А как иначе, если он одной ногой уже дома! А молодому служить ещё – как медному котелку, да и Серёге Осипенко – немало.

Он, не в пример Лёшке, держит себя с Михаилом накоротке – «кандидат» как-никак. Можно сказать – прямой заместитель. Покрикивает уже презрительно на молодых, а то и гоняет. Так все делают. А самого его разве полгода назад не гоняли «деды»? Не учили уму-разуму? Не муштровали прошедшие крым и рым, умудрённые службой сержанты? Ещё как гоняли и муштровали. Ну, значит, теперь и он... Пришла его пора. Настал и на его солдатской улице праздник.

Когда добрались до весело журчащего ручья – буквально повалились на землю от усталости. Лёха с Серёжкой, сбросив с плеч громоздкие, давившие на спину термосы, сразу кинулись к воде. Набирали её во фляги, жадно пили, заливая на груди расстёгнутые, запылённые, выгоревшие до постельной белизны кители. Вода, капая на обувь солдат, скатывалась маленькими грязными шариками.

Михаил Болотников, тяжело присев на прибрежный, горячий от солнца камень, потянул руку к жадно глотавшему воду Серёге Осипенко.

– Дай-ка малость хлебнуть. Будет тебе заливать – лопнешь, военный.

Осипенко недовольно передал флягу, чуть слышно буркнул себе под нос:

– Салагу нашёл, Миха? Змеюку свою лучше покорми, соскучилась...

– Борзый, зёма? – угрожающе глянул в его прищуренные, недовольно-злые глаза Болотников. Знал, что Серёга злопамятный, никогда не простит ему прошлого, когда сам был ещё зашуганным «черпаком». И Мишка учил его «родину любить», да так, что иной раз пару зубов вместе со сгустком тёмной,

бурачного цвета, крови зло выплёвывал Осипенко на раскалённую, потрескавшуюся от безводья кандагарскую землю. И змеиной, нечеловеческой ненавистью заволакивался его помутнённый от местного убойного гашиша взгляд. И становилась вдруг открытой его недобрая, готовая на любую подлость душонка...

– Помоложе есть, Миха, – намекая на продолжавшего захлёбываться нагретой на солнце, невкусной водой «черпака» Лёшку, процедил с нескрываемым вызовом Серёга Осипенко.

– Не нарывайся, слышишь, братан, я не в настрое, – сверля его не менее злым, презрительным взглядом, как рентгеном, проследивая всё его гниловатое, не пацанячье нутро, умело погасил готовую вспыхнуть разборку Мишка. Ему не хотелось сейчас спорить и пререкаться с бойцом. Он с нетерпением ждал встречи со своей подругой, которая, верно, уже учуяла их приход и вот-вот покажется среди хаотично наваленных глыб и мелкой, рассыпчатой гальки. И ожидание его не обмануло: зеленовато-коричневое, с тёмными кольцами длинное тело змеи выскользнуло вдруг из горной расселины и легко заструилось к камню, на котором он отдыхал.

– А-а, вот и ты, моя хорошая. Салям! Пришла наконец ко мне, – увидев кобру, искренне обрадовался Михаил. Торопливо извлёк из-за пазухи свёрток с приготовленным угощением. Развернул у камня.

– Ешь, милая, ничего не бойся. Пока я с тобой – никто не тронет! – Болотников ласково смотрел на змею, как она осторожно подползает к камню, высоко поднимает голову, приближается к еде, как бы обнюхивая её. С тревогой косится на застывших у берега ручья солдат.

– Ну-ка, вы, отошли живо в сторону, нечего животное смущать, – строго сказал Михаил заворожённо глядевшим на учёную змею сослуживцам и махнул рукой влево вдоль русла. – Воду вон там набирайте, подальше отсюда. Как закончите, свистните.

Кобра тем временем управлялась с ужином. Крупные куски мяса один за другим исчезали в ненасытном рту хищницы. Она их

глотала целиком, так же как, вероятно, заглатывала пойманных на полях и предварительнo убитых крыс и мышей, небольших варанов и ящериц. Яйца доставили ей огромное удовольствие: Болотников видел, с какой суетной, торопливой жадностью змея их проглотила. Точнее, она их даже не глотала – яйца были слишком велики для её маленькой пасти, – и кобра попросту натягивала себя на них, как чулок. Это было завораживающее и страшное зрелище. Мишка представил, что его подруга вот так же хладнокровно и деловито, сначала впрыснув смертельную дозу яда, пожирала мелких животных, ещё жалобно пищавших в её ненасытной пасти, и невольно содрогнулся. Ему на минуту сделалось нехорошо. Болотников усомнился в безвредности своей знакомой, осознав наконец, что кобра, хоть и почти прирученная, всё равно остаётся хищницей. И, возможно, права народная мудрость, что волка как ни корми... Змею, наверное, тоже!

Серёга с Лёшкой набирали в термосы воду метрах в пяти от него. Осипенко, без ботинок, с засученными до колен штанами хэбэ, стоял в ручье. Чтобы не замутить глинистое дно, вначале осторожно наполнял солдатскую флягу, утопив с горлышком в непрозрачной, светло-коричневого оттенка воде, передавал Лёшке. Тот, хлюпая, быстро сливал содержимое в термос, протягивал флягу обратно. За разговорами, весёлыми криками, шутками солдаты забыли о хозяйке этого места – змее. Даже не смотрели в сторону Михаила.

Кобра заглотнула последнее яйцо. Сейчас, как это она обычно делает, – подползёт по камням, шелестя до конца не вылинявшей шкурой, благодарно обовьётся вокруг Мишкиной ноги, на минуту замрёт, чуть-чуть сдавив её, как люди в дружеском рукопожатии. Подняв голову, глянет внимательным, гипнотизирующим взглядом, от которого невольно содрогнёшься. Потому что ничего нельзя прочесть в её немигающих, остекленевших глазах и ждать можно чего угодно. То ли она стремительно набросится сейчас на тебя и укусит, то ли, освободив ногу, уползёт. Может, она просто прощается так, по-своему, по-змеиному... Мишка о многом уже передумал в такие острые моменты за дол-

гие месяцы их невероятной – на грани крутой штатовской киношной фантастики – дружбы...

Болотников не успел ничего сообразить – как сидел на камне, так и застыл, почти не дыша. Кобра молниеносно, зеленоватой, почти прямой стрелой, вытянувшись во всю свою невероятную длину, метнулась к нему на грудь, ловко и быстро, словно зимнее кашне, плотно обвила шею. Голова хищницы оказалась как раз напротив его лица. Змея распустила свой страшный капюшон с боевым индейским окрасом, раскрыв агрессивно пасть, угрожающе зашипела. Мишка, как замороженный, с ужасом, расширенными безумными глазами взирал на её длинный, чёрный, раздвоенный на конце язык, выскользнувший изо рта, на страшные белые игольчатые клыки со смертельным ядом. Душа его ушла в пятки, в груди похолодело. Он жалобно вскрикнул, зажмурился и попрощался с жизнью. У него даже в мыслях не было сопротивляться: змея своим взглядом парализовала волю, и он почувствовал пробежавшую вдруг по телу смертельную истому. Так, вероятно, чувствует себя кролик, загипнотизированный удавом.

Солдаты в ручье, ничего не замечая, продолжали набирать воду. Болотников сидел на тёплом камне, затаив дыхание, каждую секунду ожидая смертельного укуса; кобра, покачивая, как маятником, головой, сердито шипела, но не предпринимала больше никаких агрессивных действий. Михаил ничего не понимал, весь мокрый от холодного липкого пота. Поведение змеи было загадочно и непредсказуемо. Нужно было срочно что-то делать, и он слабым голосом позвал товарищей. Его услышали. Присмотревшись – ужаснулись.

Серёга Осипенко, схватив автомат и щёлкнув на ходу затвором, как был босиком подбежал к камню, на котором застыл Мишка.

Змея зашипела ещё громче и плотнее сжала Мишкино горло.

– Серый, не подходи близко, она меня задушит! – предостерегающе крикнул Болотников.

Сергей остановился в четырёх шагах в растерянности, не зная, что предпринять.

К нему подбежал с оружием в трясущихся руках Лёха. Дико заорал плаксивым голосом, в истерике направив взведённый автомат на Болотникова:

– Серёга, она его сейчас ужалит! А стрелять нельзя... Что делать? Да скажи ты, язык проглотил? Что?..

Кобра угрожающе шипела, приблизив раскрытую пасть почти вплотную к лицу жертвы. Мишка побелел, как снег на перевалах зимнего Саланга. Стараясь резким движением не потревожить взбесившуюся рептилию, отрывисто велел сослуживцам:

– Ребята, жмите быстрее на заставу за подмогой. Доложите старлею, может, он что придумает. Другого выхода нет.

– А как ты? – страдальчески выкрикнул Осипенко, не опуская ствол автомата.

– Что Бог даст, Серый! Убери автомат, не зли её, – сказал Мишка.

– Говорили тебе – пристрелить нужно было гадину, так не слушал! – с обидой злым голосом выкрикнул Сергей. – Пропадай теперь! Сам виноват...

– Кто знал... – горько выдохнул Михаил. – Давай, пацаны! Воду здесь бросьте. Если что – не поминайте лихом...

– Давай, Миха! Мы быстро.

Болотников остался один. После ухода солдат кобра заметно успокоилась, перестала шипеть и закрыла пасть. Но продолжала раскачиваться перед его лицом и зловеще смотреть, казалось, в самую душу, отчего у солдата внутри всё леденело, и он опять прикрывал глаза. Смертельная опасность не отступала, он по-прежнему не знал, чего ожидать от змеи в следующую минуту, и был готов ко всему. Тлела маленькая надежда, что вот придут с заставы ребята с командиром, старшим лейтенантом Зеленским, и что-нибудь придумают. Не оставят в беде товарища, выручат, как часто выручали до этого.

Наступила ночь. Ребят с заставы всё не было. Забыли они о нём, что ли? Не может быть! Что же тогда? Бросили? Перепились все, а старлей Зеленский уехал к землякам офицерам в полк? Мысли одна безумнее другой роились в разгорячённой, ничего не сообра-

жающей голове Болотникова. Он устал сидеть в одной неудобной позе, согнутые в коленях ноги затекли и томительно ныли, поясница болела, голову невозможно было сдвинуть: при любой слабой попытке пошевелиться змея начинала громко шипеть, разевала жуткую пасть с клыками, чувствительно сжимала холодными кольцами горло. Михаил вздрагивал, задыхаясь, жадно хватал обветренными губами ускользающий воздух, замирал на месте. Кобра успокаивалась.

Этот кошмар длился всю ночь. Мишка рад был теперь даже «духам», если бы они вдруг появились, вынырнув бесшумно, как тени, из недалёкой отсюда «зелёнки», и автоматной очередью из китайского «калаша» прекратили бы его муки. Он не верил, что всё это благополучно кончится... Взбесившаяся змея вдоволь насладится его страданиями и в конце концов убьёт. И сейчас ли это случится или чуть позже, под утро, не имеет значения. То, что он уже не жилец, Мишка уяснил твёрдо.

В эту неповторимую, сумасшедшую ночь в Афгане, на древней земле храбрых, гордых и безжалостных к врагам пуштунов, на жестокой необъявленной войне без правил, где он был всего лишь «шурави», неверный, – Болотников впервые не боялся скользивших по камням теней, не прислушивался с опаской к странным ночным звукам. Попавшему в безысходный капкан судьбы, находившемуся в холодных лапах смерти, ему уже было всё равно, какая ещё опасность подстерегает его в ночи, какой скрытый враг осторожно к нему крадётся...

Ночь слилась в сплошное журчание ручья, сердитое шипение кобры над ухом, сиротливое завывание ветра в остывших за ночь камнях, истерические крики шакалов. Казалось, ночь никогда не кончится. Михаил не спал и думал, думал, думал...

Перед рассветом он задремал. Внезапно очнулся и не ощутил на шее холодных шершавых удавок змеиного тела. Он был жив и свободен! Кобра не спеша уползала в расщелину. Машинально оглядевшись, Болотников увидел на земле у камня свой автомат. Реакция

была мгновенной: быстро схватив оружие, он навёл его на скользившую меж камней гадину и уверенно, с радостной ненавистью нажал на курок. Прогрохотала длинная очередь, взбив вверх землю, изрешетив и расколов камни вокруг змеи. Несколько пуль попало в рептилию. Она моментально свернулась клубком, но автомат продолжал поливать её огненным смертельным свинцом, не давая взметнуться с земли в последнем стремительном броске. Мишка давил и давил на курок, пока «Калашников», выплюнув последнюю гильзу, не замолчал. Глазам солдата предстало кровавое месиво между камней – всё, что осталось от его подруги. Болотников даже не стал подходить – ему тяжело было разглядывать это.

Он устало приблизился к ручью, упал на колени и наклонился над водой, чтобы зачерпнуть в пригоршни. Муть за ночь поосела на дно, и он вдруг увидел в воде своё расплывчатое отражение. Но что это? В неясном, колеблющемся силуэте он заметил что-то необычное, жуткое, неправдоподобное... Он увидел на месте волос белый снег! Быстро выхватив из кармана кителя маленькое зеркальце для бритья, Михаил заглянул в него и ужаснулся: на него смотрел совершенно седой, состарившийся за одну ночь человек! Болотников не узнал себя и испугался ещё больше, приняв увиденное за какую-то дьявольскую, колдовскую мистику.

Он в отчаянии опустил руку. Затем снова с опаской поднёс к глазам зеркальце: нет, это был он. Поседевший за ночь, как глубокий старик!

Плотно закрыв крышкой один из наполненных водой термосов, Михаил просунул правую руку в лямку, перекинул термос за спину, как вещмешок. Взял в руки автомат и осторожно пошёл по узкой змеевидной тропинке в гору. Да! Тропа напоминала кобру... Солдат не мог больше ни о чём думать – только о ней, своей подруге, которую только что убил собственными руками!

Когда, чертыхаясь, то и дело оскальзываясь на гальке, как пьяный, и падая, Михаил наконец-то добрёл до сторожевой заставы, его поразила мёртвая тишина на горе. Ни

окрика часового, ни звяканья оружия, ни голосов солдат, ни зычных команд прапорщиков и сержантов, обучающих молодняк на плацу. Ничего. У самого КПП лицом вниз лежал мёртвый боец в стальном шлеме, с полной экипировкой, в бронежилете. Болотников, присев, освободился от резавших плечи лямок термоса, поставил его на землю. С трудом перевернул тяжёлое тело убитого на спину и отшатнулся. На него глянуло искажённое предсмертной мукой, застывшее, как маска, лицо Нугзара Кипиани. Ниже подбородка вся шея была в запёкшейся, почти чёрной, с красноватым отливом, крови.

Мишка прошёл на территорию никем не охраняемой заставы. Кругом в страшных, неестественных позах лежали солдаты, его бывшие сослуживцы. Он увидел Серёгу с проломленным кованым прикладом черепом, рядом узнал по кроссовкам проткнутого штык-ножом Лёшку. Всё было в крови, как на бойне или в фильме ужасов. Даже офицерская палатка возле небольшого плаца. Мишка наконец понял: в то время как змея удерживала его внизу у ручья, заставу вырезали подкрававшиеся ночью «духи». Всю, без единого выстрела.

Он схватился за голову, застонал, заскрежетал зубами в бессильной ярости, позднем раскаянии, ужасе от всего произошедшего. Повалился с криком на залитую кровью твёрдую каменистую почву. Он катался по земле, камням, беспомощно лупил их кулаками, разбивая до крови пальцы, скулил и плакал, но ничего уже изменить не мог. Вокруг лежали жестоко убитые товарищи, внизу, в камнях у ручья, – застреленная им змея. Бывшая подруга, спасшая ему жизнь! И это было самое невыносимое.

Сознание собственной вины не оставляло его ни на минуту, с ним, этим запоздалым горьким раскаянием, нельзя было жить. Оно давило так, что трудно было дышать, двигаться, как будто снова шею обвили холодные кольца кобры.

Он поднялся на ноги и, пошатываясь, не замечая ничего перед собой, побрёл к офицерской палатке. У входа с перерезанным гор-

лом лежал старший лейтенант Зеленский. Он только и успел вытащить из кобуры пистолет, который сжимали его холодные пальцы. Михаил нагнулся над командиром, непроизвольно, ничего не соображая, как робот, разжал пальцы мёртвого лейтенанта, взял пистолет.

Да! Это был выход...

Болотников быстро, чтобы не успеть испугаться и передумать, поднёс ствол к виску и нажал на курок...

Дальше произошло то, что никто не видел и никогда не увидит... А может, этого и не было вообще... В тишине по камням мёртвой заставы неслышно ползла змея... По виду это была большая индийская кобра. Тело её в нескольких местах было задето пулями, позади на камнях оставался чёткий кровавый след. С трудом огибая застывших то здесь, то там мёртвых советских солдат, она, казалось, плыла в знойном мареве. У разорванной, об-

ляпанной кровью офицерской палатки, возле которой лежали старший лейтенант Зеленский и рядовой Болотников, кобра остановилась. Подняв высоко голову, распустив капюшон, приняв боевую стойку, змея покачалась несколько минут, как бы принохиваясь к чему-то. Приблизилась, не меняя положения, к Михаилу, постояла над ним, заползла на грудь. Свернувшись толстым клубком, положила маленькую умную голову на лицо мёртвого солдата. Затихла...

Мимо вырезанной горной заставы на север длинным караваном тянулись белые причудливые облака. Они напоминали души погибших на чужбине солдат, которых где-то далеко с надеждой, терпеливо ждут ослепшие от слёз матери.

Облака уплывали на Кандагар и дальше, через заснеженный суровый Саланг, – в Россию...

Павел МАЛОВ

*член Союза писателей России,
г. Ростов-на-Дону*

Ольга ФОКИНА

г. Усть-Илимск

Член Союза журналистов России, поэт, прозаик. Координатор творческого объединения «СТИМУЛ». Автор пяти книг стихотворений, вышедших в издательствах «Российский писатель» (Москва), «Библио-Глобус» (Москва), «Родные просторы» (Библиотека журнала «Невский альманах», Санкт-Петербург), «Союз писателей» (Новокузнецк). Публикации: журнал писателей России «Невский альманах» и др. Лауреат Международного поэтического конкурса «Новые голоса» (с вручением статуэтки), международной премии «Золотое сердце», финалист премии им. А. Ахматовой, номинант литературной премии журнала «Союз писателей», удостоена национальной общественной награды «Будущее России» (с вручением медали), победитель конкурса «Молодёжь Иркутской области в лицах». Финалист Международного конкурса им. Р. Казаковой. Дважды финалист литературной премии «В поисках правды и справедливости». Дважды лауреат Всероссийского конкурса «Восходящая Звезда», лауреат международных конкурсов-фестивалей «You're super star», «Талант», проекта в Сан-Франциско. Принимала участие в работе IX Совещания писателей (Челябинск, 13–14 апреля 2018 г.).

Четыре истины

РЮКЗАЧОК

Снова день наш краткий спрятан за кулисы.
Совесь в чёрных пятнах выйдет на поклон.
Среди снов-иллюзий и избитых миссий
На пороге встанет, изменяя тон.
В клочья изорвавшись, с пеплом на подоле,
Мнётся, не стесняясь, с разумом в пути.
Просто в этой жизни – каждый – свой пуд соли
В рюкзачке скитаний должен унести.

ДЕВОЧКА НА ОХОТЕ

Девочка Осень, словно лиса на охоте,
Тихо крадётся, но обдаёт холодами.
Птицы прервались в славном своём полёте,
Дымом из труб над чужими друг другу домами.
Сочные листья душу свою обнажают,
Словно остатки ветхой людской надежды.
Девочка Осень, небо в себя вдыхая,
Каждому дарит лёгкость свободы свежей.
Сонные взгляды сквозь серебристые веки,
И по ресницам словно за птицами в небо...
Девочка Осень пускает слёз своих реки
И из снежинок чертит безмолвный ребус.

* * *

Апельсиновой гуашью
Нарисуем наши лица!
Солнце, больше всей планеты,
Долькой счастье раздаёт.
И мечты начнут сбываться,
Станет милой нам синица,
И на всё найдём ответы,
Ластик зло вокруг сотрёт.
Мы – счастливые, как птицы,
И свободные, как ветер,
Улетим за солнце это
И опять начнём мечтать.
Только нужно поделиться
Всем добром, на трафарете
Размножать его по свету,
Так же щедро раздавать!

ЧЕТЫРЕ ИСТИНЫ

Любовь, надежда, вера, доброта –
Четыре слова, что свершают чудеса,
Четыре истины, что делают сильнее
И к храму Божьему откроют путь скорей.
От этих слов в сердцах светло, уютно так,
И исчезает из души зловещий мрак.
И будут пусть вовек молитвой на устах
Четыре слова, что спасут в любых судах,
Четыре истины, что дарят торжество,
Четыре мысли, что спасают существо.
Пусть в жизни царствуют на всей земле
всегда:
Любовь, надежда, вера, доброта!

СИЛЬНЫЕ ИДУТ ВПЕРЕД, НЕСМОТЯ НА КАМНИ!

Солнечное чудо на «кровавом» фоне
Ввысь стремится гордо, прорастая вверх.
Сквозь асфальт стремится, а не на газоне,
И растёт так гордо, удивляя всех.
Это вечный образ силы, воли, духа,
Сквозь страдания жизни, может, даже боль.
И таким героям не страшна разруха.
Пусть растёт он в мае, красных стен тех вдоль.
Одуванчик милый отдаёт все силы,
Прорастая гордо сквозь сплошной асфальт,

Как страна родная всё в себе носила
И терпела молча множество нахальств.
Только сильный духом прорастёт сквозь камни
И без ран-царапин движется вперёд.
Одуванчик этот – образ перед нами,
Как силен пред бедами русский наш народ!

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

Волосы с цветами воедино,
И в глазах лазурь самих небес.
А вокруг бескрайняя долина,
Главных дум собрание и съезд.
Бабочки со дна сердечной чакры –
Олицетворение добра,
Черпают все радости по чарке,
Раздают за добрые дела.
Взгляд усталый, только не поникший,
И глаза, что верят в волшебство.
Не свою мы радость в жизни ищем,
Зачастую пропустив своё.
Но счастливый случай помогает
Обрести себя, свои пути –
Ангел наш устало направляет,
Но услышать бы его, не пропустить.

ВРЕМЯ

Лечит ли время? Немного тушует боль...
И улетаёт, стремительно, невзначай,
А осознание – словно на рану соль.
Просто живи, по прошлому не сучай.
Время внутри. Словно бешеным стуком летит
Прямо из сердца навстречу зелёным мечтам.
Кто-то на прочность проверит
волшебный магнит,
Кто усомнится, мешая своим парусам.
Чаще зависят от нас повороты судьбы,
А небеса нам готовят хороший план.
Но не помочь тому, чьи мосты сожжены,
Цели святы разбиты неверием в хлам.
Время летит в бесконечность земных орбит.
Взмах шелковистых ресниц – и оно ушло.
Сила внутри, хоть и хрупкие мы на вид,
Время в ладонях, хоть так быстротечно оно.

Максим САФИУЛИН
Усть-Илимск

Поэт, композитор, автор-исполнитель, играет любые мелодии на расчёске и газете. Руководитель творческого объединения «СТИМУЛ». Автор пяти книг стихотворений, вышедших в издательствах «Российский писатель» (Москва), «Библио-Глобус» (Москва), и др. Лауреат международных конкурсов-фестивалей.

Преподаватель школы искусств № 1.

Лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости», лауреат конкурса патриотической поэзии им. А. Твардовского, дипломант Международного поэтического конкурса «Новые голоса», финалист Международной литературной премии им. А. Ахматовой и Гомеровской премии. Награждён медалью «За активную гражданскую позицию и патриотизм». Звание «Лучший творческий деятель России». Принимал участие в работе IX Совецания писателей (г. Челябинск, 13–14 апреля 2018 г.).

* * *

Я не боюсь пустого зала.
Когда вдруг выйду в тишине,
Чтоб только ты не заскучала –
Одна пришедшая ко мне.
Погасят свет. И в полумраке,
Как тень, что горбится слегка,
Я выйду тихо в чёрном фраке
И пыль смахну с воротника.
Начну читать – внутри тревога.
Прошу я у Судьбы самой:
«Не уходи, побудь немного,
Мой зритель и читатель мой!
Тебе одной весь вечер этот
И каждый звук, и каждый слог.
Готов читать хоть до рассвета,
Лишь в зале я б увидеть мог
Твоё лицо, улыбку, губы,
Твой взгляд, смог слышать сердца стук.
Ах, как мне дороги и любы
Тепло дыхания и рук...»
Я не боюсь пустого зала
И что погасли фонари.
Я не боюсь, что света мало, –
Боюсь сердец, пустых внутри.

БОЮСЬ С ТОБОЙ РАЗЛУКИ

Укрылась ночь волшебным покрывалом,
Укрылась, верно, чтоб не простудиться.
Горели свечи светом жёлто-алым,
На миг боясь друг с другом разлучиться.
И я боюсь. Боюсь с тобой разлуки.
От мысли этой взгляд мой тёмный, мрачный.
И нет, поверь, на свете большей муки,
Чем отпускать тебя в рассвет прозрачный.
С рассветом, растревожив мыслей стаю,
Я расстаюсь с тобой вполне привычно
И вновь, и вновь стихи свои читаю
Любимой кошке, коей безразлично.

ТЫ УХОДИШЬ? НАДО, ЗНАЧИТ, НАДО...

Тает снег быстрее шоколада,
Что тобой забыт был на окне.
Ты уходишь? Надо, значит, надо.
Дверью хлопнешь, и войдёт досада,
Выиграв преимущество в войне.
Я останусь, раненый и грешный,
Наблюдать, как вянет роз букет,
И увижу, как выходит спешно,
Грустно, безотрадно, безутешно

Твой прекрасный, стройный силуэт.
Этот бой я проиграл досрочно,
Оказавшись в ловкой западне.
Мне тебя увидеть надо срочно!
Таю... И со мною так же точно
Таает шоколад твой на окне.

СКВОЗЬ ЛИВЕНЬ ВРЕМЕНИ

Поставлю тихо старый добрый джаз
На том же самом старом патефоне,
Что двадцать лет пылился на балконе,
И утону в обрывках дивных фраз,
В обрывках мыслей, звуков и эпох.
И растворюсь во времени, пространстве,
Чтоб слышать твоё ласковое «здравствуй»
И слышать каждый выдох, каждый вдох.
Я не забыл. Конечно, не забыл,
Как укрывал тебя от злого ливня...
С зонтом, конечно, было б эффективней,
Но нет зонта и нет с собой бахил.
Уверен, что и ты когда-нибудь
Тот ливень вспомнишь, вспомнишь мостовую
И нашу песню – тихую, живую,
Что сможет обо мне упомянуть.
В две тысячи каком-нибудь году,
Но точно знаю, ...надцатого марта,
Проделав путь от финиша до старта,
Сквозь ливень времени
Я вновь к тебе приду.

РАССЫПАЛСЯ МИР. И ЕМУ НЕ ХВАТАЕТ УБОРКИ

Рассыпалось время, остался стеклянный песок,
И небо разверзлось, молочные капли спуская.
Закреты ворота, давно ключ потерян от рая,
На старых воротах висит заржавелый замок.
Рассыпались мысли, и их невозможно собрать –
Останутся тихо лежать у дверного порога,
И старый мотив, что уже опостылел немного,
Навек заберёт, не тревожа души, благодать.
Рассыпались чувства, и свет превратился
во тьму.
Всё нужное стало ненужным, а сладкое –
горьким.
Рассыпался мир. И ему не хватает уборки.
А кто уберёт все осколки? Убей, не пойму.

ПРОЩЕ

Заблудилось в облаках солнце,
И не видно небосвод синий.
Воздух чистый – как вода пьётся
В суматохе проводных линий.
А на линиях сидят птицы,
Откололась от небес долька.
Вот и мне теперь уже тридцать.
Жизнь моя лишь началась только.
И пошёл вдруг озорной ливень
(Помню, диктор обещал грозы),
Белый, будто у слона бивень,
Чистый, словно у мальчика слёзы.
И под белым под дождём этим
Веселился воробей тощий –
Пусть смеются от души дети
И пусть взрослые живут проще!

БЕЛЫЙ СНЕГ И СЕРЫЕ СЛЕДЫ

Белый мел рассыпала Зима
На деревья, землю и дома.
Третий день не тает этот мел –
Мир кругом так безупречно бел.
Сыплет безупречно чистый снег.
На него ступает Человек.
Снег теперь не так уж бел и чист –
Не похож теперь на белый лист.
Оттого, что серые следы
(Что для снега белого чужды)
Вдумчиво и твёрдо вдаль пошли,
Наступая на покров земли.
Вот и мы ступаем, вот и мы
Топчем целомудренность Зимы,
Топчем беспощадно красоту,
Аккуратность, мира чистоту.
Вечными останутся следы –
Вестники опасности, беды.
Люди у природы на пути,
Те, кого не вспомнить, не спасти.
Я смотрю в замёрзшее окно –
Всё в следах бывшее полотно.
И остался в памяти навек
Белый снег, что топчет Человек.

РАЗНОРОДЦЫ

Тысячелетний исторический опыт со-зидания и распада держав учит: почти каж-дый народ, даже самый немногочисленный, мечтает о независимости, подобно тому, как самая невзрачная кассирша грезит, что в их богом забытое отделение Сбербанк вдруг за-глянет, «дыша духами и туманами», сам Гер-ман Греф, влюбится в неё и не сходя с места женится. В личной жизни такое почти невоз-можно, а вот в геополитике редко, но случа-ется. Иначе как объяснить, что тридцатимил-лионный народ курдов до сих пор своего государства не имеет, а эстонцы и туркмены, которых в десять раз меньше, имеют. О кня-жестве Монако я даже не говорю, это просто какая-то шутка Предвечного Крупье.

Но вот что любопытно, когда история, как правило, на обломках рухнувшей импе-рии, даёт шанс народу создать своё собствен-ное государство, каждый лимитроф не прочь запереть в своих свежих границах несколь-ко близлежащих племён, чьё точно такое же стремление к самоопределению вплоть до отделения воспринимается как злостный се-паратизм, достойный кары. Не замечать эту двуликость этнического свободолюбия при строительстве или демонтаже многонацио-нального государства – то же самое, что мыть ноги в речке с пираниями.

Я не люблю «дракономанию» наших ли-беральных интеллигентов, но тут шварцев-ская аллегория работает на сто процентов.

Борцы за общечеловеческие ценности боя-лись, что разрубленное на куски розовое тело имперского дракона, политое мёртвой водой русского шовинизма, оживёт, снова закогтит несчастных «узников матрёшки» и начнёт из-рыгать во все стороны напалм. Но оказалось, некоторые из отсечённых кусков сами пре-вратились в дракончиков, злых и непримири-мых к чужой свободе.

Многие межэтнические узлы, разруб-ленные при распаде СССР и доставшиеся в наследство новым государствам, включая Россию, завязались ещё в начале прошлого века, в результате тех компромиссов и ре-шений, которыми сопровождалось сшивание страны, расползшейся после революции и Гражданской войны. Скажем прямо: порой области и регионы, населённые в том числе русскими, становились бонусами и взятками тем племенным элитам, у которых были се-рьёзные намерения и шансы для отделения, но жажда территориальных приобретений пересилила. Гигантомания – болезнь лилипу-тов. С чаяниями и настроениями обитателей прирезаемых земель, с их «комплиментарно-стью» никто не считался.

Происходило это не только в 1920-е, когда «ещё закон не отвердел» и не «подер-нулась тинной советская мешанина». Крым стал, наверное, самой грандиозной в мировой истории взяткой, которую получила от центра влиятельная украинская элита. На её под-

держку Хрущёв очень рассчитывал в будущих схватках за власть. Дело в том, что украинские области были размерами невелики, но зато количеством почти не уступали областям громадной РСФСР. Это важно, ведь главными игроками на поле советской партийной демократии были как раз первые секретари обкомов, именно они чуть не свергли Сталина, когда тот в 1936 году задумал провести альтернативные выборы в Советы всех уровней, чтобы убрать из власти «рубак», так и не понявших, что Гражданская война и социалистическое строительство – вещи разные. Тех, кто заинтересовался этой малоизвестной страницей истории, отсылаю к замечательной книге Юрия Жукова «Иной Сталин».

С украинской партноменклатурой, рождённой «коренизацией», повторился тот же сюжет, как когда-то с польской шляхтой, приравненной к русскому дворянству, что не лучшим образом сказалось на судьбе империи Романовых. Думаю, чрезмерное влияние в общесоюзных органах власти выходцев с Украины, особенно с западной, с их особым мировосприятием сыграло свою роль в крушении Советского Союза.

Границы, проводимые внутри СССР, преследовали скорее политические, нежели этнокультурные цели, нередко центру приходилось заискивать перед впадающими в восторг самоопределения окраинами. Недаром злопамятный наркомнац Джугашвили, придя по-настоящему к власти, расправился со всеми лидерами националистов, начав, конечно, с русских. Но вот вопрос: а можно ли было сшить страну иначе, без территориальных бонусов и заигрывания с влиятельными этническими элитами, не жертвуя интересами малых ради великих задач? Думаю, вряд ли. У нас часто любят напоминать, что сперва Совет народных комиссаров был правительством инородцев, русских там не было. Это, конечно же, преувеличение, но не слишком сильное. Вспомним: борьба за власть в партии шла между не совсем русским Лениным и совсем не русским Свердловым, а когда оба ушли из жизни при не выясненных до сих пор обстоятельствах, за трон схватились Троцкий,

Каменев, Зиновьев и Сталин, все как есть нерусские.

Но я бы не стал именовать их инородцами, скорее уж – «разнородцами», по аналогии с разночинцами, которых так звали совсем не потому, что они дослужились до разных чинов: коллежский асессор, надворный советник... Нет, это были люди, вышедшие, выломившиеся из своих сословий (дворянства, духовенства, чиновничества, купечества, мещанства), образовав новую страту с особыми целями и идеями революционного обновления общества. Пути назад им уже не было. Так же и «разнородцы» оторвались от своих этносов, образовав, как сказал бы Лев Гумилёв, «консорциум», интересы которого были кровно связаны с судьбой большой России. На исторической родине, а она есть не только у евреев, делать им было нечего: там местные повара готовили свои острые блюда. Печальная судьба красных латышей, эстонцев, финнов, венгров, поляков, вернувшихся к себе на родину, тому свидетельство. Так вот, «разнородцы» больше всех стремились к восстановлению империи, рассчитывая на высокий статус в правящем слое. О том, что революция пожирает своих детей, эти марксисты, знавшие назубок историю Великой французской революции, как-то забыли. Они-то и собрали, склепали, сшили суровыми нитями, не считаясь ни с чем, СССР, в основание которого для прочности по старинной традиции и был замурован их мятежный прах.

Осмелюсь предположить: если бы во власти после революции царили политики, представляющие исключительно русский народ, уставший от донорства и имперской ноши, страну не собрали бы. Даже казаки хотели самостоятельности! Встал бы министр из вятских и сказал бы: «Да пропади они пропадом со своими арыками, акынами, кишлаками, кунаками и шашлыками. Без них проживём!» А товарищ министра, воспитанный на статьях Михаила Меншикова, добавил бы: «А Польша в благодарность за дарованную свободу должна забрать от нас своих евреев! Пусть возвращаются, откуда пришли!» Был бы тогда у нас великий Советский Союз? Нет, боюсь, не было бы...

НЕУВЯЗОЧКА

Учитывая явное или скрытое стремление этносов к самоопределению, власть в любой многонациональной стране ведёт с этническими группами, её населяющими, сложную административную и культурно-политическую игру, иногда тонкую, многоуровневую, а иногда грубую, жёсткую, даже свирепую, доходящую до геноцида, как с армянами на землях Османской империи или с евреями в Третьем рейхе. Вы удивитесь, но ещё во второй половине XIX века мировое сообщество призывало Россию учиться у Германии, как надо эмансипировать евреев. Более того, когда началась мировая война, царскому правительству своих подданных-иудеев приходилось из зоны боёв на Западном фронте переселять в города Сибири и Урала. Нет, власть не опасалась за их жизнь, её пугали симпатии иудеев к наступавшим немцам. Именно тогда рухнула черта оседлости, декрет Временного правительства лишь закончил начатое войной. Кто же мог вообразить, что немецкое государство через 20 лет придёт к патологическому антисемитизму?

Но есть и другие примеры. Так, Вена ради сохранения империи после грандиозного восстания венгров 1848 года, подавленного лишь с помощью России, верной букве и духу «Священного союза», пошла на переформатирование всего государства и стала Австро-Венгрией. Будучи в течение нескольких лет председателем общества дружбы «Россия – Венгрия», я много ездил по этой стране, любясь ландшафтными и архитектурными красотами, но особое моё восхищение как драматурга вызвали роскошные здания театров, построенные во второй половине XIX и начале XX века даже в небольших городах. По сравнению с иными из этих храмов Мельпомены наш МХАТ в Камергерском – рабочий, извините, клуб. Так Вена доказывала Буда-

пешту плюсы и выгоды от пребывания в «локутной империи» и, в общем-то, доказала. Если бы не мировая война, неизвестно ещё, как сложилась бы судьба этой сверхдержавы. Во всяком случае, Венгрия в итоге потеряла две трети земель, которые контролировала, будучи в составе империи Габсбургов. Сегодня в Будапеште в редком офисе или ресторане не висит на стене карта большой Венгрии, какой она была до Трианона. Не правда ли, странная любовь к былым границам? И это в стране Евросоюза, вроде как мечтающего вообще стереть всяческие рубежи. К тому же старые карты, как мы знаем, имеют свойство оживать...

Кстати, есть непроверенная версия, что эрцгерцог Фердинанд хотел, сев на престол, снова переформатировать страну, объявив её Австро-Венгро-Славией. Напряжённость росла: славяне, вдохновлённые успехом русских войск на Балканах, не хотели больше мириться с положением второсортных подданных Габсбургов. Но не всем это нравилось. Лидеры национально-освободительного движения понимали, что высокий статус славян в империи снизит накал борьбы за самоопределение вплоть до отделения. Кстати, не все славяне кипели пассионарностью, как сербы и болгары. Не верится мне, что герои Гашека, покинув «пивницы», пошли бы на баррикады ради свободы и независимости. Может, именно за это просвещённые чехи и недолюбливают автора «Похождений бравого солдата Швейка»? Так или иначе, организация «Чёрная рука» дотянулась до несчастного Фердинанда и его беременной супруги. Вскоре на Балканах поднялось мощное славянское государство Югославия, выстроенное по имперскому принципу. А могло быть иначе? Не знаю, но когда сегодня за сорок минут доезжаешь из Вены в Братиславу, чтобы поест гусиной печёнки,

думаешь: «Наверное, могло...» Дружнее надо жить империям, глядишь, уцелели бы, но тогда бы они не были империями.

В России тоже власть вела с населявшими её народами свою игру, используя традиционные кнут и пряник. Бояр и воевод за лишние обиды, чинимые неруси, царь порой сурово наказывал. Своих русских смутьянов карали куда как строже: Пугачёву отрубили голову, а генералиссимусу Тадеушу Костюшко, пролившему крови не меньше, сохранили жизнь, а потом отпустили восвояси, вручив 12 тысяч рублей (примерная стоимость 1000 крепостных душ). Декабристов повесили, а Шамиль доживал век на обильных казённых харчах в Калуге, дети его были обласканы при дворе. Говорят, когда его, пленённого, полмесяца везли к месту ссылки, он вздохнул, мол, если бы знал, что Россия такая большая, никогда бы не стал с ней воевать. Впрочем, генерал Дудаев знал, даже излетал СССР вдоль и поперёк. А толку? История мне напоминает иногда даму, которая пользуется всеми мыслимыми способами предохранения и регулярно при этом залетает.

О межнациональной политике большевиков мы уже в этих заметках говорили, и не раз. Добавлю, она всегда была извилиста, противоречива и зависела от текущих задач, ибо к чему заморачиваться принципами, если впереди всё равно маячит слияние наций. Но учитель истории, поставивший мне в 10-м классе пятёрку за реферат «Советский народ – новая историческая общность», лет через десять эмигрировал в Израиль. В 1920-е, когда надо было максимально ослабить русский народ, в котором ошибочно видели ресурс для реставрации монархии, советская власть в конфликте казаков с горцами горячо поддержала кавказские народы. «Расказачивание» по жестокости и размаху мало чем уступает холокосту. Однако через два десятилетия, во время Великой Отечественной войны, советская власть казаков, отважно воевавших, реабилитировала, частично вернув бывшие привилегии, а вот их вчерашних супостатов – горцев и некоторые другие народы – наказала депортацией. Думаю, карала она не столько за коллаборационизм, этим грешили и другие народы, но прежде всего, мне кажется,

за неблагодарность. Сталин, как человек с Кавказа, был очень чувствителен к этому: мол, мы вас холили и лелеяли, вознесли над русскими, а вы за предоброе презлым отплатили!

В руках государства есть ещё один мощный инструмент межнациональной политики, ведь мало быть отдельным этносом, надо ещё, чтобы власть тебя признавала таковым. А разве бывает по-другому? Да сколько угодно! Поляки в упор не видят кошубов. На Украине отказывают в праве русинам считаться самостоятельным народом, хотя у этнологов на этот счёт сомнений нет. Наоборот, учёные весьма скептически относятся к этнониму «украинец». В самом деле, много ли общего у галичанина, харьковчанина и одессита? Про Донбасс и говорить нечего. А поди ж ты – титульная нация! Лет десять назад у меня в радиоэфире возник спор с киевским академиком, который, упрямая нас, всё время твердил: «Вот вы, россияне...» – «Вы кого имеете в виду?» – уточнил я, не выдержав. «Вас, русских...» – «Тогда так и говорите. Россиянин – это гражданин России, он может быть русским, башкиром, якутом, евреем, аварцем... Вот вы сами-то кто по национальности?» – «Я... украинец...» – неуверенно ответил он. «Допустим, а если бы вы были русским, но при этом гражданином Украины. Как вас называть в таком случае?» – «Украинцем!» – с нарастающей обидой ответил он. «Но так не бывает!» – «Бывает!» – В его голосе послышалась угроза. «Зря! Запутаетесь. Возьмите пример с России, – посоветовал я, – введите термин "украинянин", он будет обозначать гражданство, а "украинец" – национальность...» – «Не хотим!» – взревел академик так, что ведущий испугался. «Тогда у вас всё плохо закончится...» – предостерёг я и, к сожалению, не ошибся.

Казалось бы, плёвое дело, как себя называть. Может быть, вообще не стоит циклиться на племенной принадлежности? Такая точка зрения существует, особенно среди тех, кто затрудняется с самоидентификацией, испытывая раздвоение этнического сознания или считая себя по национальности «москвичом», «парижанином» или «брайтон-бичом». О таких людях я писал выше. Кстати, в современной российской науке преобладает

конструктивистское понимание этноса, мол, в реальности он не существует, а только в воображении людей. Кровь не имеет значения, важно, кем себя человек считает. Если африканец выучит русский язык, прочитает Пушкина и научится варить щи, он станет русским. Тех, кто думает иначе, презрительно называют примордиалистами. Думаю, наши конструктивисты и подсказали власти изъять графу «национальность» из паспорта, считая её ненужной, даже вредной, усугубляющей межплеменную рознь. Но у подавляющего большинства, отчётливо сознающего, какого они роду-племени, эта графа затруднений не вызывает и даже предпочтительна, судя по тому, что в некоторых автономиях ввели вкладыши, куда по желанию гражданина вписывается его национальность, чтобы не забыть.

Наша просвещённая власть, озабоченная формированием гражданского общества, изымая пресловутую графу из паспорта, рассуждала, видимо, так: для государства любой человек – прежде всего гражданин России, независимо от разреза глаз, цвета волос, формы носа и языка, на котором говорили его предки, а возможно, продолжает говорить и он сам. Скажем, судье, вершащему правосудие, не важна ваша племенная принадлежность, хотя этнические преступные сообщества существуют. Если гражданину лишний раз не напоминать о его национальности, то чаемая российская политическая нация сложится быстрее и будет прочнее. Так ли это? Возможно, но пока оттого, что из паспорта исчезла эта графа, а из анкет пресловутый пятый пункт, я не перестал ощущать себя русским, мои друзья соответственно – татарами, евреями, аварцами, карелами и т. д. Национальность ведь не в графе, а в сердце или в голове. У кого как... В общем, налицо обычный административный эксперимент, причём более гуманный, чем в иных европейских странах, где в анкетах появились вместо «пап» и «мам» «родитель А» и «родитель Б».

Но возникает неувязочка. Как от родителей, чей пол теперь обозначают литерами, появляются дети, я ещё могу сообразить, но объясните мне, на каких правовых основаниях

у нас имеются автономии, носящие имена «Татарстан», «Коми», «Саха-Якутия», «Калмыкия», «Адыгея»? Нет, я не унитарист, я, как говориться, поддерживаю, одобряю, желаю процветания им именно в таком автономном качестве. Но, согласитесь, если для государства не существует национальности граждан, то почему для него должны существовать национальные субъекты? Откуда они взялись? Зачем на планете, где размножаются с помощью почкования, будки с буквами «М» и «Ж»? Откуда мы знаем, что в Калмыкии живут калмыки, если их этническая принадлежность нигде не зафиксирована? У них заметный разрез глаз? Ладно. А карела от русского сразу не отличишь, но Карельская АССР – вот она, на карте.

Можно, конечно, сказать, что это просто дань исторической традиции: есть же во Франции – Нормандия, Прованс, Шампань и даже Коньяк. Но, во-первых, такое сравнение очень не понравится титульным народам наших автономий, во-вторых, у этих провинций нет конституций, а в-третьих, там не говорят и не ведут делопроизводство на шампанском или коньячном языках. Более того, изначально смысл наших автономий в том и заключается, чтобы развивать и сохранять национальную самобытность того или иного этноса в многонациональном федеративном государстве. Плохо ли это? Замечательно! Благодаря такой политике в России не исчез ни один малый народ. Что же смущает? Скажу: абсурдистская логика и теоретическая беспомощность в государственном строительстве. Помните, мы уже говорили про то, что в Конституции СССР тоже была одна маленькая неувязка: забыли прописать процедуру выхода из Союза. А чем всё кончилось?

Но ведь национальность граждан всё равно учитывается, например, при переписях населения, этническая статистика всё-таки ведётся, что необходимо, скажем, для прогнозирования электоральных предпочтений. И тогда возникает другой вопрос: почему это происходит втайне от общественного мнения? Разве этническая принадлежность – дурная болезнь, которую надо скрывать? Не думаю...

(Продолжение следует)

Юрий ПОЛЯКОВ

КАЗАК СТАЛИН

РАССКАЗ

– Ей-бо... не брешу! Вот вам крест! Ы-ых, слюнявые, желторотики, ничево вы об этом не понимаете. Вам бы только ржать, жеребцы некастрированные. Старость не уважаете. Попотчевать бы вас нагайкой от души, – дед Бондарь заметно осерчал на недоверие слушателей, в основном молодых соседских пострелов, пришедших посумерничать на его лавке под давно отслужившим свой век плетнём, послушать дедовы байки.

Дед, в прошлом боец донского казачьего кавалерийского корпуса, слыл в станице завсегдашним балагуром и выдумщиком. На любую тему заводил с ним разговор, и он включился, как транзистор. Не нужно никаких кинокомедий по телевизору смотреть, хочешь настроение улучшить – иди к деду Бондарю.

– Дед, ну ты сам покумекай, хто ево, самого Сталина!.. осмелился бы в казаки верстать? Да ещё в тридцать шестом году? Самоубивец только, – подначивал Сан Саныч Калюжный, самый старший в компании слушателей, крепистый здоровяк неопределённого возраста,

когда можно дать и сорок, и шестьдесят лет. Он, как всегда, подъехал к своему дому, по соседству с Бондарем, на бессменном коньке-горбунке «Ковровце» и, завидев деда и молодняк вокруг него, не удержался, чтобы не поточить лясы в весёлом кругу. – Времена-то какие были, запомитовал? С тридцатого по тридцать третий казачков в очередной раз Каганович под корень выкашивал, кого в Сибирь-матушку али в азиатчину, кого на погост, как собаку, без креста и памятки. Чтoб духу казачьего ни на Дону, ни на Кубани в помине не осталось. А ты – Сталина поверстали... Бреши, да не дюжа.

Молодёжь довольно ослабилась, прижмутив глаза и растянув рты в улыбке: «Гы-ы», с хитрецей поглядывая на деда, как он вывернется из затруднительного положения.

Сан Саныч медленно и важно разминал в своих великаньих пальцах казавшуюся непомерно маленькой сигарету «Прима» и, прищурив левый глаз, правым не моргая смотрел на деда, будто целился в самую маковку его души.

– Да рази я спорю про раскулачивание и голодное вымаривание казаков? – сепетился дед, слегка повизгивая своим петушиным голоском, когда переходил на повышенный тон в разговоре. Он и вправду, распаляясь, походил на старого, но всё ещё не угомонившегося бойцового петуха. Его небольшая голова с вечно раскудланной сивыми волосёнками на длинной морщинистой шее торчала из традиционной военного образца гимнастёрки, как из панциря Дон Кихота, и постоянно вертелась туда-сюда, удерживая при этом в поле зрения всех слушателей и отслеживая их реакцию на сказанное. – Я-то энти годы самолично застал, когда народ в нашем благодатном крае от голода пух и вымирал, как от чумы. А ты, Шурка, ишо на свет не вылупился, а туда же – учить меня берёшься. Ты послухай лучше старого казака, глядишь, и в твоей «кувалде» мозгов поприбавится.

– Гы-ы, – прыскает молодняк. Вокруг деда тулятся ребята лет пятнадцати-семнадцати. Лето – пора беззаботная. По хозяйству помогли родителям. На танцплощадку рано. И ужинать ещё не кличут.

Сан Саныч курит, зажмурив оба глаза от сизого дыма едкой сигаретки, будто прилипшей в уголке крупных улыбчивых губ.

– Ты гутарь, гутарь дальше. Я не удивлюсь, если услышу, что ты самолично «вождя народов» и поверстал.

– Вот ехидный же ты экземпляр, Шурка. Одно слово, большой и говна много.

– Гы-х, – опять посмеиваются хлопцы.

А дед, завладев ситуацией, продолжает:

– До тридцать шестого года, вспомни-ка, Шурка, служил твой покойный батька в Красной армии или нет?

– Откель мне знать, если, как ты гутаришь, я ещё не вылупился, – незлобливо отбрюхивается Сан Саныч.

– А я знаю, что не служил. Ево только на Финскую забрили. Там он небось и застудил мужское достоинство, оттого ты и получился недотёпистым...

– Гы-ы, кха-кха, – ржут собравшиеся.

– Ты, дед, тово, не заговаривайся. А то

не погляжу, что сивый, вытряхну душу-то. По делу валяй.

– Ладно, ладно... Охолонь, – сбавил обороты дед. – Я к тому вспомнил про Ляксандра Митрича Калюжного, что не один он на службу до тридцать шестого году не призывался, а большинство коренных станичников. Брали только переселенцев да кой-кого из голытьбы – активистов. А казаков вообще-то считали ненадёжными элементами. Не доверяли, стало быть. Рабоче-крестьянская Красная армия не нуждалась в них. Ты, Шурка, с чем с Даманского возвратился?

– С медалью «За бэзэ».

– То бишь «За боевые заслуги», – резюмировал дед. – И енто в шестьдесят девятом годе, полохливом, но не военном. Китайцам трошки по мусалам надавал, чтоб знали, как на русскую земельку зарица. Так, сержант Калюжный?

– Старший сержант, – с важностью поправил Сан Саныч, светясь довольством и значимостью, снисходительно обводя глазами уличный «подлесок», ещё не нюхавший не то что порошу, даже казарменной мастики для натирания полов.

– Я тожить кой-чё на грудь поймал кроме двух пулевых дырок, – приосанился дед. – Самую уважаемую средь солдатского народу медаль «За отвагу» и ишо не «юбилейный» орден «Отечественная война». На фронте их за просто так не давали, как и Егории нашим батькам в Первую мировую.

В голосе деда, помимо ноток гордости, чувствовался лёгкий налёт грусти или даже досады. Он не шибко распространялся насчёт массовых награждений фронтовиков, даже не участвовавших в боевых операциях, в послевоенный период, но явно был недоволен нивелировкой и обесцениванием ордена Отечественной войны. Однако эта тема была не главной в предвечернем монологе деда, и он быстро съехал с неё на большак своих воспоминаний.

– Да у нас в станице что ни курень, то иконостас на груди хозяина. И так спокон веков было. Казак нестрелянный и нерубленный, да без лычки, да без цапки, что старая дева, – редкость в наших краях. Приучены служ-

бу править геройски. И енто ишо со времён Грозного все русские цари уразумели, и не только они. Не вспомню уж, от кого слышал, но доподлинно известно, что французишка Боонупарт, то бишь Наполеон, гутарил, что с донскими казаками дошёл бы до Индии, а не до Москвы.

– А хто ж бы с ним пошёл? – встрял в разговор шустренький лопухий внук деда Бондаря, неотрывно, как заворожённый, смотревший на рассказчика.

– То-то и оно! Охотников не нашлось. Вот Боонупарт и загнулся на своей Елене.

– На какой Елене, деда? – недоумённо переспросил ушастик.

– Из-за которой Троянская война началась, – ввернул Сан Саныч.

Вокруг скамейки снова зашелестели смешки.

Расплылся в улыбке и дед Бондарь. Он старательно продул свой наборный, из цветной пластмассы мундштук и, покосившись на ослабившегося Сан Саныча, попросил:

– Шурка, сигаретку одолжи. Я свои чё-то забыл прихватить.

– На роялю, как всегда, оставил? – съехидничал Сан Саныч, но сигаретку без особого энтузиазма выудил из пачки. – Ты уж мне целый блок должен.

– На том свете угольками разочтёмся, – парировал дед, довольный своей репликой. Какое-то время он молча рассасывал мундштук, потом, пару раз сладко затянувшись сигаретным дымом, продолжил: – На острове Святой Елены, внучок, туда Боонупарта сослали, чтобы не мучил честной народ глупостями о новом мировом порядке. Но в двадцатом веке новый фюрер выискался, с теми же самыми замашками – сатана Адольф. И вспомнил про Боонупартовы мыслишки насчёт казаков и Индии. Слыхали чё-нибудь про пятнадцатый казачий кавалерийский корпус генерала Фон Панвица?

– Это за службу в котором Лёха Победный десяточку тянул в Воркуте? – предположил Сан Саныч.

– Он самый, – утвердительно качнул сивой головой рассказчик. – Адольф токмо

припозднился трошки, схватился за казачью идею в сорок третьем, после того как ему дали по мусалам как следует под Сталинградом. А Осип Виссарионыч помудрей был, он ишо вона когда об казаках вспомнул. В тридцать шестом. После Испании. Учуюл своим длинным носом, откель жареным пахнет. Напрасно Троцкий со Свердловым да их подпевала Климка Ворошилов пытались вытоптать память о последнем русском рыцарстве – казаках, обзывая их «зоологическим видом», «царскими псами», «нагаечниками», изводя по свету огнём и мечом.

Вы-то счас понапялили на себя штаны с лампасами, будто и впрямь в подготовительном разряде служите, ходите кандибобером по станице, крестов хрен знает каких понацепляли. А дедов ваших в девятнадцатом годе, после циркулярного письма Мойши Свердлова, пачками в расход пускали. Свяжут обоймой человек по пять-семь и соревнуются, иуды, кто больше душ одним выстрелом или одним зарубом на тот свет спровадит. Да разишь токмо в девятнадцатом? Вона в двадцать девятом предсельсовета Зусман Якова Болдырева из-за симпатий к евойной бабе порешил, а отбрехался, что «врага народа» разоблачил и при попытке сопротивления казнил. Нихто его за енто не осудил, перевели с повышением в другой район новых «врагов народа» из казачков карать.

Нет, неспроста Михаила Ляксандрыч Шолохов опосля двух книг «Тихого Дона» взялся за «Поднятую целину». Спасал казачье семя от окончательного уничтожения. Для энтота нужно было достучаться до кремлёвского вождя, обратить его думку не к загубленному казачеству, а к нынешнему, затурканному, униженному, но всё ещё живому и несломленному. Ляксандрыч, мне так смекается, самый заглавный казачий атаман во все времена... – Дед послунывил пальцы и загасил истаявшую почти под самый мундштук сигарету. Выжидательно глянул на Сан Саныча: – Давай, Шурка, ещё разок курнём, чёй-то не заметил я за балачками, чи курил, чи не курил.

– Мастак ты, дед Бондарь, зубы заговаривать, а сам всё норовишь, под стать Зусману, чужой табачок реквизиловать, – пробурчал Сан Саныч, роясь своими богатырскими пальцами в куцей оранжево-красной пачке «Примы».

– Казашки не просташки, торговаться масташки, – подзуживал дед, цитируя расхожую дразнилку по поводу прижимистости казаков.

– Нашёл куркуля, – возразил Сан Саныч под дружные смешки молодёжи. – А кто меня крапивой жигал в молодости за пяток яблок?

– Так то ж не за белый налив, за то, что без спросу таскал чужое. А я втихаря к тебе в карман не лезу.

– Ты и за словом туда не лезешь. Трави дальше про Шолохова и Сталина.

– Михайла Ляксандрыч, без сумнения, наипервейший атаман. Если б не он, загинули бы казачки в безвестности. Кто знает, вспомнули бы али не вспомнули про них. А он из самого низа, из большевистской преисподней подал голос за казаков. И заступился за народ, поднял его вровень со всеми, а можа, и повыше... В самую страду рассказывания и раскулачивания, когда многие земляки помирали без вины виноватые, выдавил он из прихибетной советской номенклатуры слезу по казачеству. Визгу тожеть было немало. Картавая часть писателишек принялась всех собак на нашего любушку вешать: и не он писал, и украл-де записки белого казачьего литератора Фёдора Крюкова, и хрен знамо чё... А Сталин признал Михайлу Ляксандрыча, стал привечать в Кремле. В тую пору и породил Шолохов спасителя казачества Щукаря. Ну не то чтобы в сам деле породил, а усмотрел среди земляков Тимоху Иваныча Воробья – заливалу и шутника...

– Типа тебя, – вставил Сан Саныч, поблёскивая озорными искорками в глазах и золотой фиксой во рту.

– Не, я не чета, – не смутился дед Бондарь. – Я в Москве-то, можно сказать, не бывал. Так, проездом с фронту. А уж в Кремле!.. Осипа Виссарионыча видал в основном на фотографиях да на своих медалях. Тимоха же

перед вождём за народ гутарил. – Дед приосанился, обвёл всех пристальным взглядом светло-серых, будто вылинявших глаз, как бы подчеркивая важность основного момента в своём рассказе. – Надо сказать, любил и умел Осип Виссарионыч петь. Можа, грузинская закваска сказала, можа, учёба в семинарии. Токмо в честной компании да под хороший закусь певал он не раз народные песни. И слушал с удовольствием. Михайла Ляксандрыч по такому случаю возил с собой в Москву казачий хор и прихватил как-то Тимоху Воробья. Подучил ево поднести Сталину донской каравай на рушнике и кой-чего сказать. И вот, значица, прибыла делегация в Кремль. Пошмонали их там как след, чтоб не удумал кто покуситься на драгоценную жизнь вождя мирового пролетарья, и пропустили в кабинет. Секлетарь доложил Самому, приоткрыл дверь и ласково так мурлычит: «Заходите, пожалуйста, товарищ Сталин вас ждёт».

Деда Бондаря явно разбирала, раззадоривала мысленная картина встречи Сталина с казаками. Ему уже не хватало слов и интонации для описания ситуации, и он подскочил с лавки, вытянувшись во фронт и поправляя под ремнём свою заношенную гимнастёрку на тощем животе, будто это Тимофей Иванович Воробьёв собирался переступить порог святая святых. Он поднял руки с повернутыми к небу ладонями, изображая условный каравай на рушнике, и сделал решительный шажок в центр круга слушателей. Голос его, торжественный и взволнованный, опять зазвучал петушиным фальцетом:

– Тимоха Воробей зашёл первым. За ним Михайла Ляксандрыч и вся братия. В дальнем углу большого кабинета сидел маленький рябой человек с пышной шевелюрой, такими же пышными усами и трубкой в руке. Перед ним, за длинным столом, как на полевом стане, пристроились с двух сторон Молотов, Ежов и Ворошилов. Завидев депутацию, Осип Виссарионыч неспешно встал и прошёл к краю стола. За ним повскакали с мест и все присутствовавшие. Тимоха уверенно двинулся к хозяину кабинета. – Дед снова изобразил сие действо и, замерев в

шаге от Сан Саныча, визгливо прокричал: – Милушка ты наш, дорогой товарищ Сталин, вот тебе гостинец от донцов. Вручаем его тебе как нашему самому почётному, истинному, без подмеса казаку!..

После небольшой паузы дед Бондарь сменил роль. Теперь заделался самым большевистским «дуче» – заложил одну руку за спину, другой придерживал наборный мундштук во рту. Вначале нахмурился, потом вынул мундштук и едва заметно улыбнулся уголками губ. Голос его уже не срывался, а лился тягуче, как кисель из махотки.

– Осип Виссарионыч принял каравай и, не откусив ни кусочка, втулил его секретарю. Потом дружески похлопал прохиндея Тимоху Иваныча по плечу, как бы не возражая противу сказанного.

Михайла Ляксандрыч ещё умаслил:

– Товарищ Сталин, зачем годить, давайте зараз и примем Вас в почётные казаки?!

Тут Климка Ворошилов как взовьётся:

– Зачем глупости предлагать? Чего захотели...

Ежов тоже руками замахал, словно коро- ва хвостом, слепней отгоняя. Один Молотов остался спокойным.

Сталин плутовато глаза прижмурил:

– А что, – гутарит, – прѣдложние нѣпло- хое. Только всѣ правила нужно соблюсти. Прѣнять в хуторѣ на кругѣ открытым голосо- ванием. Прѣслать виписку рѣшения.

Дед Бондарь присел на своё место на скамейке и облегчённо вздохнул:

– У казаков камень с души скатился. То стояли истуканами, ни живы, ни мертвы, пока судьба шутки шутила с огнём. Кто ево зна- ет, как могло поворотиться, послухай Осип Виссарионыч Климку Ворошилова и главно- го палача Ежова. Могли не за понюх табаку пропасть в «ежовых рукавицах». А тут враз оживились и как вдарили: «Ах ты, степь ши- рокая...» Давай, чѣ ли, Шурка?.. – дед Бондарь опять обратился к Сан Санычу.

– Чево, – не понял тот, – сыграем песню, чѣ ли?

– Ешо по одной курнѣм, – улыбнулся дед.

– Эт можна.

Они неспешно засмолили свои носогрей- ки. Молодняк молча ждал. В наступившей вечерней тишине звонко выводили степную песнь цикады да поддишканивали им лягуш- ки и тритоны с Гусинога ерика. Солнце спу- скалось на ночѣвку за кучугуры Донецкого кряжа. И вместо дневного зноя по пыльной земле проулка расстилалась приятная суме- речная прохлада.

– Дидуля, а чѣ было дальше? – не выдер- жал паузы лопухий внук Бондаря, ѣрзая от нетерпения по лавке.

– Дальше был концерт казачьей самодея- тельности Вѣшенского района. Сталину дюже глянулось. Лыбился. Хлопал от души. Чѣ там в нутрях переваривал, никто не ведает, толь- ко с ентова вечера сняли с казаков негласный запрет. Стали в армию брать на общих осно- ваниях. Закрыли глаза на возврат к казачь- ей справе, песням и танцам нашим. А когда Гитлер на СССР попѣр, то и вовсе оказачива- нием занялись – по приказу Верховного Глав- нокомандующего начали формировать каза- чьи кавалерийские дивизии на Дону, Кубани, Тереке... Все они гвардейскими вскоре стали. Ростов у немцев отбили. На Кавказе блицкриг обломали. Были потом сведены в корпус. Со славой рубились до самого гитлеровского логова. По сию пору песня живѣт: «Едут, едут по Берлину наши казаки...». Вот так-то, жел- торотики, а вы: «Не бреши да не бреши...» По- верстали Осипа Виссарионыча в Вѣшенском районе. По всем хуторам и станицам круги провели честь по чести. Выписки в Москву отпразднили. Должно быть, где-то в архивах и нынче хранить доверие донских казаков «во- ждѣ народов». Выходить, облампасили дон- цы Осипа Виссарионыча, как раньше цесаре- вичей – наследников престола. Какая польза ему, не ведаю. А нам – без сомнения...

– Да уж... – согласился Сан Саныч.

Подростки многозначительно молчали. Только играли в их широко открытых на мир глазах отблески зарницы, а может быть, всполо- хи дедовской памяти, запавшие в юные души.

Валерий ЛАТЫНИН,
член Союза писателей России

Владимир САМОРОДОВ

Родился в Тамбове в 1992 году. По образованию юрист, в настоящее время – практикующий адвокат. Постоянный участник «Трегуляевских сред», которые проводят у себя на даче писатель Владимир Иванович Селивёрстов и Алла Владимировна Селивёрстова. Многие произведения были опубликованы в «Рассказ-газете», «Альманахе Трегуляевских сред», «Тамбовском альманахе», интернет-журнале «Великороссъ» и других изданиях. Принимает активное участие в литературной жизни Тамбовской области. В 2018 году вышла книга рассказов «Под дождём моих мыслей», которая стала первым авторским сборником.

КЛЮЧ

1.

Летний аромат прохлады и ненавязчивая трескотня сверчков влетали в растворённое окно домика Владимира Трифоновича. Он почивал, разглядывая безмятежные сны. Под эти звуки ему всегда хорошо спалось. Бывало, в городе ему приходилось ночевать у знакомых, но тогда отдых превращался в муку: проворочавшись всю ночь на чужом диване, на следующий день он чувствовал себя, как после деревенской свадьбы...

Уже утром Владимир Трифонович торговался на базаре с сухим матёрым евреем, пытаясь сэкономить на газовом ключе. Он его

давно заприметил, деловито прохаживаясь по торговым рядам. Да и вещь эта при хозяйстве нужная, а то нечем гайку «привертеть». Как отец дом оставил, с тех пор он не прикрутил ни одной гайки.

Сезон отопления скоро, всё может случиться, тогда по дворам просить придётся, ходить, надоедать, думал он про себя, продолжая торговаться. Да и друг Павлинов от зависти к ключу, может, приутихнет, а то повадился смеяться: «Тебе, мол, друг, жениться надо, чтобы жена в доме порядок чинила – и всё такое».

Через пару минут торг закончился тем, что продавец накинуд ещё двадцатку, но зато пообещал, что упакует товар по высшему разряду.

Всю обратную дорогу Владимира Трифонова мучили неприятные воспоминания. Он не мог понять, откуда на его голову взялся бородатый мужик, что стал прицениваться к «его» ключу. Пришлось брать ключ втридорога: не уступать же его бородачу.

«Ох этот ключ, лишивший меня на неделю скоромного и отнявший столько сил! Но теперь всё сам чинить стану и ни от кого не буду зависеть. Вещица эта знатная», – успокаивал себя Владимир Трифонович, ощущая приятную тяжесть в руке: газовый ключ лежал на дне авоськи, завернутый продавцом в грязный пакет.

2.

Уже на следующий день к нему пожаловал господин Павлинов и объявил, что ему нужен всего на один день газовый ключ, так как его «изломался», а если угодно, он может его обменять на не менее полезную вещь.

Владимир Трифонович позволил взять ключ и высокопарно, не говоря лишнего, произнёс:

– Пользуйтесь на здоровье, господин Павлинов.

Тот же с подобострастной улыбкой отвечал:

– Благодарствую.

– Ох этот суетный мир, – произнёс негромко Владимир Трифонович и отправился отдыхать на постель.

3.

Утром на полу затенённой серой веранды была распластана узенькая дорожка кипятка, ведшая к дубовому столику, за которым сидел с дымящейся фарфоровой чашечкой владелец заветного ключа. «Утреннее чаепитие на природе – одна из прекраснейших затей человечества», – рассуждал он про себя, любясь старыми заросшими яблонями и наслаждаясь бархатным гудением пчёл.

Но вдруг заскрипела калитка, и сад за тревожился от знакомого сопения.

– Ах уважаемый Владимир Трифонович, я к вам. Весь измучился, и, женой истерзаный, послан прямо с утра за газовым ключом. Тут, понимаете, такая ситуация... – замямлил сосед.

– Понимаю, – закачал головой Владимир Трифонович и с недовольной миной отправился за ключом.

Потом, попивая чай, Владимир Трифонович хмурился и думал о соседе: «"Уважаемый" теперь. Да ты же неделю назад меня у водокачки впритык не увидел. Да, суетен этот мир...»

Между тем подошло время обеда. Это пора для более глубоких размышлений.

Владимир Трифонович придерживался мнения, что обед готовить должна женщина. Так у него и повелось: стряпала ему знакомая кухарка с соседней улицы, как он любил говорить, – за грош, но с любовью. Что он подразумевал под этими словами, было известно только ему самому и кухарке.

А если гостю случалось спросить, что означает эта фраза, то Владимир Трифонович вдруг начинал философствовать на другую тему.

– Понимаете, капуста – это жизнь, она помогает желудку избавиться от голода, особенно когда нет мяса, – многозначительно он произносил, укутывая вилку кухаркиной стряпней.

В это же время его озадачил замысловатый стук в дверь.

– Уважаемый Владимир Трифонович, это я, зять двоюродного брата господина Павлинова, помните, давным-давно на дне рождения я вас своей настойкой потчевал. Так вот, я по поводу газового ключика, – с лицемерным подобострастием проговорило знакомое и неприятное лицо в проём приоткрытой двери.

Владимир Трифонович от воспоминания вкуса той настойки почувствовал неприятную горечь во рту и, сморщившись, недовольно отстранил «перебинтованную» капустой вилку.

«Да, суетен этот мир, но больше так повторяться не может», – думал Владимир Трифонович, обречённо косолапя за ключом...

4.

Хорошо в предвечернее время после прохладного душа укрыться от жары в теневой комнате, возлечь на хлопковой постели и ожидать ужина, что доспевает на летней кухне в предзакатном пейзаже.

Так и Владимир Трифонович лежал,

СТУЛ

Владимир Радович слушал по привычке приёмник у себя на балконе. С его третьего этажа был хороший обзор местности, и он осматривал её зорко, как орёл, только не летая, а сидя на покрашенной в несколько слоёв белой табуретке. На пенсии это для него осталось чуть ли не единственным способом отдыха и одновременно занятия.

Во дворе его все уважали за здравость суждений и не меньшую здравость осуждений. Он любил давать советы, но не любил их навязывать, поэтому в каждодневной пустой болтовне они ценились и слышались. Он не любил курить, но любил, когда курят, не любил болтать с пустыми пьяницами, но любил наблюдать за ними и порой с интересом слушал про их приключения и проступки. Сам он не был любителем рыбной ловли, но любил спрашивать, где какая ловится, интересовался даже сколько, внутренне понимая, что эти новости могут пригодиться для поддержания другого разговора. Жизнь его уже давно замедлилась, стремления утихли, он жил и снисходительно смотрел на свою жизнь. Как будто слушал приёмник, переключал каналы, становилось то интересно, то скучно, он делал то тише, то громче, но изменить и остановить вещание приёмника, как и ход жизни, не мог.

Как раз в этот час приёмник Владимира Радовича монотонил балконному пространству скучным голосом про дешёвые таблетки от всех болезней. И хотя частый собеседник

разглядывая картину, изображающую не то осень, не то весну.

Он уже два дня как обменял у господина Павлинова газовый ключ на столь странный пейзаж. Теперь он чувствовал себя прекрасно, беззаботно приговаривая: «Как суетен этот мир, но спокойствие важнее».

и единственный слушатель приёмника находился в самом эпицентре вещания, он ничего не слышал. Он следил за человеком, который нёс что-то в мусорку, но это был не пакет, а твёрдая вещь, потом аккуратно поставленная рядом с контейнерами.

Владимир Радович любил свой балкон ещё за то, что с него очень хорошо было видно всё происходящее рядом с мусоркой, и, конечно, идеально виднелись всегда переполненные мусорные контейнеры. Это была его тайная страсть. Часто он высматривал там добротные доски, советские подвесные полки и много всякой твёрдой всячины. Но брал их оттуда он редко, зато когда такое случалось, приспособливал у себя на даче. Не сказать чтобы он был беден, в квартире у него были спрятаны деньги, которых хватило бы, чтоб справить, по его словам, пять свадеб или десять похорон. Но была страсть, и в его представлении дело полезное.

Напряжённый взгляд Владимира Радовича рассмотрел очертания хорошего, обитого мягкой тканью стула. Всё в его теле встре-

пенулось, мысли стали работать быстро, как в момент опасности. А стул стоял рядом с мусоркой, как сторож.

Через десять минут Владимир Радович уже поспешно кивал головой на разного рода приветствия знакомых и на ощупь застёгивал пуговицы на плаще. Если бы кто-нибудь сейчас сидел на его балконе, то, как всегда, услышал бы монотонный приёмник и увидел бы во дворе силуэт,двигающийся к мусорке, но с пустыми руками. В самом деле, это Владимир Радович спешит и чуть ли не кричит вслед стулу, отдаляющемуся от помойки с помощью нового, но годами старого, оборванного, бородатого хозяина.

– Стой, это моя вещь! – приблизившись, крикнул вору Владимир Радович. К его удивлению, этого хватило, чтоб бесхозный хозяин старой обивки распрощался с ней. Но бородатый мужик сделал это так же дерзко, как и заполучил злополучный стул: он просто-напросто бросил его в сторону и был таков. Отлетевшая ножка показалась Владимиру Радовичу невосполнимой потерей, и он в порыве решимости даже хотел догнать него-дзя, но вместо этого перевёл дыхание и взял в руки стул. Чувство внутреннего торжества охватило его.

«Жизнь – это когда ты ещё что-то можешь, – думал Владимир Радович, неся стул домой, – да и зачем он этому оборванцу нужен, с одной помойки на другую носить. Вторую жизнь стул там не получит, а может вскоре понадобится согреть чьи-то руки», – горько усмехался он на ходу.

Ночью сон никак не приходил к Владимиру Радовичу. Он то ворочался, то засовывал руки под подушку, то ложился навзничь и думал: скоро зима, стул на дачу везти не стоит, в квартире его хранить негде, куда его деть? Раздумья привели к мысли отдать стул сыну, который должен заехать на днях. Поворочавшись ещё и окончательно укрепившись в этой мысли, на глубоком выдохе он заснул.

Через день сын заехал, они дружески обнялись, перекинулись несколькими фразами. Владимир Радович мигом принёс поломанный стул и сказал:

– Вот, возьми, дома починишь, служить будет, у тебя места много. А то у меня на даче воров полно.

Сын сначала упирался, но потом, чтоб не нервировать старика, взял стул. И уже на улице, укладывая его в багажник машины под причитания жены, думал: «Да, точно с дачи стул, старик думает, что я и не знаю, где он его взял. Наивный он человек, ведь я все стулья наперечёт знаю и в его квартире, и на даче». Тут он взглянул вверх, на балкон, и увидел добрую улыбку отца, и тоже улыбнулся ему, уезжая.

Чувство сделанного дела кружило голову Владимиру Радовичу, радовало, как в молодости. Он отблагодарил себя походом на улицу и излишней разговорчивостью с дворовыми людьми. Так закончилось его дело под названием «стул».

Устав спрашивать про ремонт и надобность, чувствуя, что надоел сыну, Владимир Радович практически забыл про стул. Он так же сидел на балконе и слушал приёмник, ходил гулять во дворе и разговаривал со знакомыми. Казалось, что не менялись даже темы для разговоров, интонации и люди, о которых они велись. Можно сказать, сама жизнь устала от этого и пустила всё на самотёк, а однажды вернувшись в этот двор, обнаружила, что ничего не произошло.

В один из таких зимних дней Владимир Радович вышел на улицу, повторяя свой жизненный оборот событий. Ведро с мусором парило в его руке на раннем морозце. Он шёл, казалось, не думая ни о чём, и вдруг замедлил шаг, остановившись перед мусоркой. Там лежал стул.

Да, множество стульев и прочих вещей выкидывали сюда, но увидав этот, он испытал не радость находки, дела, прибыльного события, а чувство паники, перемешанное с нематериальной горечью.

– Тот самый, безногий... – сказал он, выдыхая.

Владимир Радович грустил в эту минуту не о вещи, не о стуле, который заметно потерял внешний вид. Он грустил о чём-то большем, необъятном, чего не увидит глазами человек, чего не сможет вылечить врач, передать и объяснить написанная история.

«АЛЕКСАНДРЪ» ОБЪЕДИНЯЕТ ТВОРЧЕСТВО

28 сентября 2018 года в городе Екатеринбурге, на улице с символичным названием Пушкина, в старинном двухэтажном особняке Союза писателей Урала, состоялась презентация августовского пушкинского номера литературно-исторического журнала «Александръ».

Ведущей и организатором мероприятия стала народная артистка России, руководитель Театра слова Тамара Воронина, внёсшая значительный вклад в сбор материала для этого номера.

Первое слово было предоставлено главному редактору журнала Анатолию Трубе. Он рассказал присутствующим об общественной работе, которую проводит коллектив «Александра», и возможностях публикации для авторов.

В ходе общения редактора с литераторами были намечены пути дальнейшего взаимодействия между журналом и писателями Урала. В уютном синем зале царила дружественная атмосфера. Особенностью встречи было то, что авторами номера и в данном случае участниками мероприятия были представители различных творческих союзов, но объединяло людей одно – любовь к Пушкину и русской литературе, что стало и основополагающим принципом издания литературно-исторического журнала «Александръ».

С приветственным словом выступил сопредседатель Союза писателей России Александр Кердан, высоко оценивший качество издаваемого журнала, его мысль поддержал

и продолжил Арсен Титов, сопредседатель Союза российских писателей. Была предложена и одобрена идея о включении в редколлегию «Александра» уральского поэта Владимира Блинова, прочитавшего публике свои замечательные стихи.

Умело распределяя время и возможности, Тамара Воронина позволила выступить всем авторам произведений, опубликованных в августовском номере, а за отсутствующих по веским причинам (нахождение в других регионах) произведения замечательно читали актёры Театра слова.

Прозвучавшие в конце романсы под аккомпанемент Елизаветы Шубиной привнесли особую романтику в эту замечательную атмосферу. Никто из участников мероприятия не остался без внимания, каждый получил возможность выступить и получить в подарок екатеринбургский номер литературно-исторического журнала «Александръ». Ознакомиться с видеозаписью творческой встречи можно на сайте журнала: www.alexlib.ru.

САД ШОЛОХОВА

У каждого события есть предыстория.

Сад Шолохова, высаженный писателями России 7 октября 2018 года в станице Каргинской, в родных краях писателя, не исключение.

В ноябре 2017 года исполнявший обязанности председателя СП России Николай Иванов и писатель, издатель из Мичуринска Анатолий Труба шли по нейтральной полосе. Возвращались из Луганской Республики в Россию. Делились впечатлениями от посещения блок-постов и презентации журнала «Александръ». Вспомнили фразу одного ополченца, подкармливающего голубей: «Мирные птицы есть, а мира нет».

– А мы сажаем яблони, – поделился своими мирными заботами Анатолий Труба.

– А что нужно, чтобы заложить сад в честь 60-летия Союза писателей России?

– Желание и место.

Подумали о есенинском Константинове, толстовской Ясной Поляне, пушкинском Михайловском. Но остановились на шолоховской Вёшенской: он практически из нашего времени, есть писатели, лично знавшие нобелевского лауреата...

Потом была поездка в музей-заповедник в Вёшенской, где идею восприняли с энтузиазмом. Директор музея Ольга Александровна Анистратенко даже улыбнулась:

– Вы первые, которые не то что ничего не просите, а сами едете с подарком.

Подарки Союзу писателей пообещали в Федеральном научном центре имени Мичурина. 60 яблонь лучших сортов. Подключившиеся к работе ростовские писатели во главе с А. Г. Береговым внесли дополнительное предложение: к 60 яблоням добавить 35 груш – и тогда получим цифру 95. Именно столько лет исполняется в этом году Ростовской писательской организации. Мичуринцы согласились с данным дополнением.

Обращение к ростовским специалистам

по землепользованию внесло дополнительный штрих: посадку производить не в апреле, как планировалось вначале, а в октябре, когда приживаемость саженцев на 20% выше. Рекомендовали отказаться и от Вёшенской – качество земли не способствует выращиванию полноценного сада. Остановились на станице Каргинской, где в своё время работал Михаил Александрович. Был выделен и размечен участок. Анатолий Труба заранее вывез трёхлетние саженцы на место, к приезду писателей были выкопаны лунки.

Участвовать в посадке сада изъявили желание Александр Смышляев с Камчатки, Надежда Мирошниченко из Сыктывкара, Олег Этлухов из Карачаево-Черкессии, руководитель Московской городской писательской организации Владимир Бояринов. Посчитали важным поехать на родину Шолохова народные артисты России Юрий Назаров и Людмила Мальцева. Ростовчанин Виктор Сергеевич Горин нашёл возможность выделить для поездки комфортабельный автобус. Валерий Латынин взялся за организацию самой поездки. Прибыл из Смоленска Владимир Королёв. В составе делегации – член правления Николай Старченко и архангелогородец Сергей Мурашев. В списках участников посадки – заведующая протокольным отделом Ирина Первозванова. Как шутили писатели, в Союзе случается только то, что фиксирует она в документах. Участвовал в посадке писатель из Луганска Владимир Казмин-Прокопенко. В Каргинскую приехала большая группа из Ростовского отделения Союза во главе с А. Береговым. К общей делегации присоединились писатели Тамбовщины, возглавляемые Ю. Мещеряковым. В память об отце, Викторе Степановиче Черномырдине, много сделавшем для популяризации творчества Шолохова, приехал Андрей Викторович Черномырдин. Прислали свои пожелания на доброе дело

Константин Скворцов, Виктор Лихоносов, Канта Ибрагимов, Валерий Хатюшин.

Писатели России во главе с председателем Союза Николаем Ивановым прибыли на Каргинскую ярмарку в 10 часов утра 7 октября, на Покрова – станичный праздник, уже пять лет собирающий гостей со всей округи. Мимо старинной мельницы Каргина, послужившей прообразом мельницы купца Мохова в романе «Тихий Дон», по возведённому к празднику кованому мосту через реку Чир писатели перешли на левый берег, к площадке, подготовленной под сад. Там уже ждали дети, пожелавшие принять участие в посадке вместе с писателями. По предложению Николая Иванова первое дерево доверили посадить руководителю Камчатского отделения Александру Смышляеву и руководителю МГО Владимиру Бояринову, тем самым объединив всю Россию. Под присмотром специалистов началась посадка...

А потом были казачьи песни, участие писателей в ярмарке, выступления на главной сцене праздника, где блистали народные артисты Л. Мальцева и Ю. Назаров. Посетили писатели дом-музей Михаила Александровича, его могилу, выехали на крутой, откуда открывается восхитительный вид на Дон. Высказалось

предложение приехать на родину Шолохова по возможности этим же составом через пять лет, когда начнет плодоносить сад. Всего высажено шесть сортов яблонь – Пепин, Пепин шафранный, Фрегат, Вымпел и Богатырь. Груши представлены сортами Скоропелая Мичуринская, Памяти Яковлева и Феерия.

По итогам поездки председатель Союза писателей России выразил благодарность владивостокскому писателю В. Паку, выделившему средства для поездки, за что писатели высадили яблоню от его имени. Анатолию Трубе, Алексею Береговому и Валерию Латынину были вручены бюсты Шолохова. Каждый участник посадки получил именной сертификат и бейсболку с логотипом Сада Шолохова. Мемориальные таблички будут напоминать посетителям сада, что он высажен в честь 60-летия Союза писателей России и 95-летия Ростовского регионального отделения СП России.

